ISSN 2313-6715
(ONLINE)

ПРОЛОГ

Журнал о праве

PROLOGUE

Law Journal

2026

1 2 3 4

ПРОЛОГ: ЖУРНАЛ О ПРАВЕ

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

http://www.prolaw38.ru/

Основан в 2013 г. | **№ 2 • 2026** | **Выходит четыре раза в год**

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

ИЗДАТЕЛЬ

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Главный редактор – И. М. Середа, д-р юрид. наук, проф., заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

Заместитель главного редактора — Ю. Н. Румянцева, канд. юрид. наук, канд. экон. наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса, ведущ. науч. сотр. отдела научных исследований Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Л. В. Андриченко — д-р юрид. наук, проф., заведующая центром публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия).

Н. П. Асланян — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры международного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (Краснодар, Россия).

М. В. Баранова — д-р юрид. наук, проф., кандидат культурологии, академик Российской академии юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, заместитель декана по научной работе юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, вице-президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника».

Д. Е. Богданов — д-р юрид. наук, доцент, проф. кафедры гражданского права Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

А. В. Бычков — канд. юрид. наук, доцент, директор Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

В. Ф. Васюков — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия).

Е. Л. Васянина — д-р юрид. наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия).

В. А. Витушко — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры правового обеспечения экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь).

В. Ю. Войтович — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры теории и истории государства и права Ижевского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Ижевск, Россия).

Б. Я. Гаврилов — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России (Москва, Россия).

Р. Х. Гиззатуллин — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры финансового и экологического права Института права Башкирского государственного университета (Уфа, Россия).

В. А. Гуреев — д-р юрид. наук, проф., проректор по научной работе Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Москва, Россия).

С. И. Давыдов — д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия).

О. А. Дизер — д-р юрид. наук, доцент, заместитель начальника института (по научной работе) Белгородского юридического института МВД РФ им. И.Д. Путилина (Белгород, Россия).

Л. А. Душакова — д-р юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой административного и служебного права Южно-Российского института управления — филиала РАНХиГС (Ростов-на-Дону, Россия).

Н. Н. Егоров — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Р. Н. Жаворонков — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

В. А. Зимин — канд. юрид. наук, член-корреспондент РАЕН, вице-президент — главный эксперт ООО «Национальное бюро экспертизы интеллектуальной собственности», патентный поверенный РФ № 1869 (Москва, Россия).

С. А. Карелина — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

А. Я. Кодинцев – д-р юрид. наук, канд. ист. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, Россия).

О. Ю. Косова — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста РФ) (Иркутск, Россия).

Я. О. Кучина — канд. юрид. наук, доцент, LL.M., научный сотрудник Факультета права Университета Макао, докторант (Макао САР, Китай).

В. Ф. Лапшин — д-р юрид. наук, доцент, проректор по научной работе Югорского государственного университета (Ханты-Мансийск, Россия).

А. В. Малько — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Саратов, Россия).

Е. В. Михайлова — д-р юрид. наук, доцент, главный научный сотрудник, исполняющая обязанности заведующего сектором процессуального права Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия).

А. В. Морозов — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры компьютерного права и информационной безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

В. Г. Нестолий — канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

И. В. Никитенко — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного права и криминологии, Дальневосточного юридического института МВД России (Хабаровск, Россия).

Т. И. Отческая — д-р юрид. наук, проф., заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

Б. А. Ревнов — канд. юрид. наук, доцент, советник Управления конституционных основ публичного права Конституционного Суда Российской Федерации, доцент кафедры конституционного и административного права Юридического института (Санкт-Петербург, Россия).

А. П. Скиба — д-р юрид. наук, профессор, начальник кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань, Россия).

Т. В. Соловьева — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия).

С. Ю. Суменков — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института Пензенского государственного университета (Пенза, Россия).

С. И. Суслова — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса, заместитель директора по научной работе Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

У. Б. Филатова — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Юридического института Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия).

И. С. Шиткина — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Адрес редакции и издателя:
664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4, тел. (3952) 79-88-99,
e-mail: prolaw38@mail.ru

© Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-64776 от 2 февраля 2016 года.

Сайт: http://www.prolaw38.ru/.

ISSN 2313-6715 (online).

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям 5.1.1., 5.1.2., 5.1.3., 5.1.4 (категория К2); в Единый государственный перечень научных изданий — «Белый список» научных журналов (уровень 3).

Всем статьям присваивается идентификатор цифрового объекта DOI (digital object identifier).

Электронная версия журнала размещена на платформе Научной электронной библиотеки — www.elibrary.ru.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды могут не отражать точку зрения редакции.

Перепечатка материалов журнала допускается только по соглашению с редакцией. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

PROLOGUE: LAW JOURNAL

DIGITAL SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

http://www.prolaw38.ru/

FOUNDED IN 2013 г. **№ 2 • 2026** **PUBLISHED FOUR TIMES A YEAR**

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«The All-Russian State University of Justice»

PUBLISHER

Irkutsk Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice

Editor-in-Chief — Irina M. Sereda, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Law and Criminology Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Deputy Editor-in-Chief — Yulia N. Rumyantseva, Cand. Sci. (Law), Cand. Sci. (Economics), Docent, Head of the Civil and Business Law Department, Senior Researcher of the Research Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

EDITORIAL BOARD

Lyudmila V. Andrichenko — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Center for Public Law Studies, the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Natalia P. Aslanian — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the International Law Department, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice (Krasnodar, Russia).

Marina V. Baranova — Dr. Sci. (Law), Professor, Candidate of Cultural Science, Academician of the Russian Academy of Legal Sciences, Professor of the Theory and History of the State and Law Department, Deputy Dean of the Faculty of Law of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Vice-President of the Nizhny Novgorod Research Science Applied Center «Legal Techniques» (Nizhny Novgorod, Russia).

Dmitriy E. Bogdanov — Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Civil Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia).

Arthur V. Bychkov — Cand. Sci (Law), Docent, Director of the Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Vitaliy F. Vasyukov — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics Department, Moscow State University of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO) (Moscow, Russia).

Elena L. Vasyanina — Dr. Sci. (Law), Docent, Leading Researcher of the Administrative Law and Process Sector, The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Vladimir A. Vitushko — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Economic Activity Legal Support Department, the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus).

Valery Yu. Vojtovich — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Theory and History of State and Law Department, Izhevsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Izhevsk, Russia).

Boris Ya. Gavrilov — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Control of Crime Investigation Agencies Department, the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russia).

Ravil Kh. Gizatullin — Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Financial and Environmental Law Department, the Institute of Law, Bashkir State University (Ufa, Russia).

Vladimir A. Gureev — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Research, All-Russian State University of Justice (Moscow, Russia).

Sergey I. Davydov — Dr. Sci. (Law), Docent, Head of the Criminal Procedure and Criminalistics Department, Altai State University (Barnaul, Russia).

Oleg A. Dizer — Dr. Sci. (Law), Docent, Deputy Head of the I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work) (Belgorod, Russia).

Lesya A. Dushakova — Dr. Sci. (Law), Docent, Head of the Administrative and the Official Law Department, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SRIM RANEPA/Institute) (Rostov-on-Don, Russia).

Nikolay N. Egorov — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminalistics Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Roman N. Zhavoronkov — Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Labour Law and Social Security Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia).

Vladimir A. Zimin — Cand. Sci (Law), Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Vice President - Chief Expert of National Intellectual Property Expertise Bureau LLC, Patent Attorney №1869 (Moscow, Russia).

Svetlana A. Karelina — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Business Law Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Aleksander Ya. Kodintsev — Dr. Sci. (Law), Ph.D. in Historical Sciences, Docent, Professor of the Theory and History of State and Law Department, St. Petersburg Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (St. Petersburg, Russia).

Olga Yu. Kosova — Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Civil and Business Law Department, Irkutsk Institute (branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Yaroslava O. Kuchina — Cand. Sci (Law), Assoc. Professor, LL.M., Research Assistant Faculty of Law University of Macau, PhD Candidate (Macau SAR, China).

Valerii F. Lapshin — Dr. Sci. (Law), Docent, Vice-Rector for Scientific Research at Yugra StateUniversity (Khanty-Mansiysk, Russia).

Alexandr V. Malko — Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the State and Legal Disciplines Department, Povolzhsky Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Saratov, Russia).

Ekaterina V. Mikhailova — Dr. Sci. (Law), Docent, Chief Researcher, Acting Head of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law, The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Andrey V. Morozov — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Computer Law and Information Security Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Vyacheslav G. Nestoliy — Cand. Sci. (Law), Assoc. Professor of the Civil Law and Procedure Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Ilya V. Nikitenko — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Khabarovsk, Russia).

Tatyana I. Otcheskaia — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Judicial and Prosecutorial Activities Department, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia).

Boris A. Revnov — Cand. Sci. (Law), Docent, Adviser to the Department of Constitutional Foundations of Public Law of the Constitutional Court of the Russian Federation, Assoc. Professor of Department of Constitutional and Administrative Law of the Law Institute (St. Petersburg, Russia).

Andrey P. Skiba — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Executive Law Department at the Faculty of Law, the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russia).

Tatyana V. Solovieva — Dr. Sci. (Law), Ass. Professor, Professor of the Civil Procedure Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia).

Sergei Yu. Sumenkov — Dr. Sci. (Law), Ass. Professor, Professor of the State and Legal Disciplines Department, the Law Institute, Penza State University (Penza, Russia).

Svetlana I. Suslova — Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Civil Law and Process Department, Deputy Director for Scientific Work, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Uliana B. Filatova — Dr. Sci. (Law), Assoc. Professor, Professor of the Department of Civil Law, Law Institute of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

Irina S. Shitkina — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Business Law Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Publisher and Editor Address:
4 Nekrasova St., Irkutsk, Russia, 664011, Tel.: +7(3952)79-88-99

e-mail: prolaw38@mail.ru

© The All-Russian State University of Justice

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration number Эл № ФС77-64776 of February 02, 2016.

URL: prolaw38@mail.ru.

ISSN-Online 2313-6715.

Included in the catalogue of peer-reviewed scientific publications, which should publish basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences on the scientific specialties 5.1.1., 5.1.2., 5.1.3., 5.1.4 (Quartile 2); included in the Unified State List of Scientific Publications — the «White List» of Scientific Journals (Level 3).

All articles are assigned DOIs (digital object identifier).

The online version of the Journal is powered by the Scientific Electronic Library — www.elibrary.ru.

The authors are fully responsible for the compilation and presentation of information contained in their papers; their views may not reflect the Editorial Board´s point of view.

No part of the Journal materials can be reprinted without permission from the Editors.

ПРОЛОГ: ЖУРНАЛ О ПРАВЕ

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

http://www.prolaw38.ru/

Основан в 2013 г. **№ 2 • 2026** **Выходит четыре раза в год**

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Прохоров А. Б. Проблемы источников права и правоотношений в трудах Степана Федоровича Кечекьяна ..... 7 – 18

Королева Е. С. Вред в праве: количественная и качественная характеристика ..... 19 – 28

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Мохов А. А. Стратегия государственной национальной политики и развитие законодательства о культуре ..... 29 – 36

Бычков А. В., Бычкова А. М. Способен ли проект закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» стать «ИИ-конституцией»? ..... 37 – 53

Орлов Д. В. Цифровизация и искусственный интеллект в сфере правового регулирования общественных отношений: путь оптимизации деятельности и сокращения издержек ..... 54 – 65

Ершова А. С. Пределы полного исключения человека из системы принятия решений в сфере искусственного интеллекта на примере судебной системы ..... 66 – 78

Васюков В. Ф. Генеративный искусственный интеллект как объект публично-правового регулирования в Китайской Народной Республике ..... 79 – 91

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Шрам Д. В. Дискриминация как услуга: предиктивная персонализация цен цифровыми платформами и концепция алгоритмической недискриминации ..... 92 – 103

Выщепан Д. А. Проблемы правового регулирования «параллельного импорта» товаров, идентифицируемых по наименованию места происхождения товара ..... 104 – 113

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Бегишев И. Р., Шутова А. А. Эволюция уголовно-правовой охраны критической информационной инфраструктуры: от оценочного вреда к формализованным последствиям ..... 114 – 121

Цыплакова А. Д., Жук Е. А. Криминологический профиль незаконного оборота оружия в Социалистической Республике Вьетнам ..... 122 – 131

PROLOGUE: LAW JOURNAL

DIGITAL SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

http://www.prolaw38.ru/

FOUNDED IN 2013 г. **№ 2 • 2026** **PUBLISHED FOUR TIMES A YEAR**

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Prokhorov A. B. Problems of Sources of Law and Legal Relations in the Works of Stepan Fedorovich Kechekyan 7–18

Koroleva E. S. Harm in Law: Quantitative and Qualitative Characteristics 19–28

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Mokhov A. A. The State National Policy Strategy and the Development of Cultural Legislation 29–36

Bychkov A. V., Bychkova A. M. Is The Draft Law "On the Fundamentals of State Regulation of the Spheres of Application of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation" Capable of Becoming an "AI Constitution"? 37–53

Orlov D. V. Digitalization and Artificial Intelligence in the Legal Regulation of Public Relations: A Path to Optimizing Operations and Reducing Costs 54–65

Ershova A. S. The Limits of Complete Human Exclusion from Artificial Intelligence Decision-Making Systems: The Case of the Judicial System 66–78

Vasyukov V. F. Generative Artificial Intelligence as an Object of Public Law Regulation in the People's Republic of China 79–91

PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

Shram D. V. Discrimination as a Service: Predictive Price Personalisation by Digital Platforms and the Concept of Algorithmic Non Discrimination 92–103

Vyshchepan D. A. Problems of Legal Regulation of Parallel Import of Goods Identified by Appellation of Origin 104–113

CRIMINAL LAW SCIENCES

Begishev I. R., Shutova A. A. The Evolution of Criminal Law Protection of Critical Information Infrastructure: from Estimated Harm to Formalized Consequences 114–121

Tsyplakova A. D., Zhuk E. A. Criminological Profile of Illegal Arms Trafficking in the Socialist Republic of Vietnam 122–131

УДК 34:92

А. Б. Прохоров
Невская Коллегия адвокатов,
Юридический институт (Санкт-Петербург),
Санкт-Петербург
ORCID: 0009-0005-7478-2353
ResearcherID: PWG-8164-2026

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА И ПРАВООТНОШЕНИЙ В ТРУДАХ СТЕПАНА ФЕДОРОВИЧА КЕЧЕКЬЯНА

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 2. — С. 7—18.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.1.7-18
Дата поступления 21.12.2025, дата принятия к печати 01.06.2026, дата онлайн-размещения 05.06.2026.

АННОТАЦИЯ

В научной статье обобщены основные положения, сформулированные в разное время выдающимся советским ученым-юристом С. Ф. Кечекьяном по результатам изучения им таких теоретических проблем, как источники права и правоотношения в социалистическом обществе. На основе полученного знания автор стремился решить следующие задачи: во-первых, раскрыть взаимную связь явлений в контексте публикаций правоведа по обозначенным проблемам теории права; во-вторых, уточнить подход ученого-юриста к праву (известен сегодня как «широкий» подход к праву). Для достижения поставленных целей использован исторический метод и сравнительный метод науки. В рамках научной статьи исследовано содержание и значение категории «источник права» для С. Ф. Кечекьяна, уделено внимание особенностям освещения ученым данного явления в юридической литературе. Показана ведущая роль советского закона среди источников права, отражен его смысл согласно воззрениям юриста. Одновременно указано на мероприятия, которыми, по мысли С. Ф. Кечекьяна, должно сопровождаться претворение в жизнь норм права. Подчеркнута роль нормы права и ее регулирующее значение в мыслительной связке норма права — правоотношение. По итогам сделан ряд выводов, обоснована актуальность суждений ученого-юриста для современной науки теории права. Установлено, что тематика источников права и правоотношений в социалистическом обществе тесно связана в научном творчестве ученого. Взгляды ученого на проблемные вопросы источников советского права претерпели определенную трансформацию. Изучение проблемы источников права послужило отправной точкой работы над аспектами правоотношений в социалистическом обществе. Источники права, как и нормы права, обусловлены историческим развитием общества, отражают материальные условия жизни данного общества. Наличие источника права есть презумпция действительности нормы права. Источники права вскрывают представление системы права о себе самой. Таким образом, правовед рассматривал право в целом как средство общественного развития. При этом право и его особенности неотделимы от экономики.

Вместе с тем право не может быть сведено ни к идеологии, ни к формальным конструкциям. Оно не выполняет свою роль вне воли людей: той воли, которая направлена на установление норм права, а также воли людей в конкретных правоотношениях. При таких обстоятельствах «широта» подхода С. Ф. Кечекьяна к праву выражается не столько в том, что он рассматривал его через призму связи нормы права и правоотношения, а в том, что он учитывал динамику общественного развития как стержень права, полагал необходимым учитывать обстоятельство воли людей. Одновременно на основе обобщения теоретических суждений правоведа автором сделаны предложения для решения некоторых современных проблем науки, как, например, вопрос о критериях определения «мягкого» права. В научной статье также освещены отдельные проблемные аспекты творчества С. Ф. Кечекьяна, отражены особенности его научного поиска.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Правовые воззрения С. Ф. Кечекьяна, «широкий» подход к праву, источники права, советский закон, норма права, правоотношения в социалистическом обществе, законность, правопорядок.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Автор выражает благодарность за полученные ценные рекомендации кандидату юридических наук, доценту кафедры конституционного и административного права «Юридического института» (г. Санкт-Петербург) Б. А. Ревнову.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Прохоров А. Б. Проблемы источников права и правоотношений в трудах Степана Федоровича Кечекьяна // Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 2. — С. 7—18. — DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.1.7-18.

UDC 34:92

A. B. Prokhorov
Nevskaya Bar Association,
Saint Petersburg;
The Law Institute (St. Petersburg),
Saint Petersburg
ORCID: 0009-0005-7478-2353
ResearcherID: PWG-8164-2026

PROBLEMS OF SOURCES OF LAW AND LEGAL RELATIONS IN THE WORKS OF STEPAN FEDOROVICH KECHEKYAN

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2026, no. 2, pp. 7—18.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.1.7-18
Received 21.12.2025, accepted 01.06.2026, available online 05.06.2026.

ABSTRACT

This scientific article summarizes the key propositions formulated at different times by the outstanding Soviet legal scholar S. F. Kechekyan based on his examination of such theoretical issues as sources of law and legal relations in socialist society. Drawing on the knowledge obtained, the author sought to accomplish the following tasks: first, to reveal the interrelation of these phenomena in the context of the jurist's publications on the indicated problems of legal theory; second, to clarify the scholar's approach to law (currently known as the "broad" approach to law). To achieve these objectives, the historical method and the comparative method of legal scholarship were employed.

The article examines the content and significance of the category "source of law" for S. F. Kechekyan, paying attention to how the scholar addressed this phenomenon in legal literature. It demonstrates the leading role of Soviet legislation (statute law) among the sources of law and reflects its meaning according to the jurist's views. At the same time, the article indicates the measures by which, in Kechekyan's opinion, the implementation of legal norms should be accompanied. The role of a legal norm and its regulatory significance in the conceptual nexus "legal norm — legal relation" is emphasized. Based on the findings, a number of conclusions are drawn, and the relevance of the legal scholar's judgments for contemporary legal theory is substantiated. It is established that the theme of sources of law and legal relations in socialist society is closely interconnected in the scholar's academic work. His views on problematic aspects of the sources of Soviet law underwent a certain transformation. The study of the issue of sources of law served as the starting point for his work on the aspects of legal relations in socialist society. Sources of law, like legal norms themselves, are conditioned by the historical development of society and reflect the material conditions of life of that society. The existence of a source of law is a presumption of the validity of a legal norm. Sources of law reveal the legal system's conception of itself. Thus, the legal scholar considered law as a whole as a means of social development. At the same time, law and its features are inseparable from the economy. Nevertheless, law cannot be reduced either to ideology or to formal constructs. It does not fulfill its role outside the will of people: the will aimed at establishing legal norms, as well as the will of people in specific legal relations. Under such circumstances, the "breadth" of S. F. Kechekyan's approach to law is expressed not so much in his examining law through the prism of the connection between legal norms and legal relations, but in his taking into account the dynamics of social development as the core of law and considering the circumstance of people's will as necessary. Furthermore, based on a synthesis of the jurist's theoretical propositions, the author offers suggestions for addressing certain contemporary problems of legal scholarship, such as the issue of criteria for determining "soft law". The scientific article also highlights some problematic aspects of S. F. Kechekyan's oeuvre and reflects the features of his scholarly inquiry.

KEYWORDS

Legal views of S. F. Kechekyan, "broad" approach to law, sources of law, Soviet statute (legislative act), legal norm, legal relations in socialist society, legality, legal order.

ACKNOWLEDGEMENT

The author thanks B. A. Revnov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Constitutional and Administrative Law Department, Law Institute (Saint Petersburg), for his valuable recommendations.

FOR CITATION

Prokhorov A. B. Problems of Sources of Law and Legal Relations in the Works of Stepan Fedorovich Kechekyan. *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 2, pp. 7—18. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.1.7-18.

Научное наследие советского ученого-юриста С. Ф. Кечекьяна многогранно. Он оставил после себя труды по истории права, политическим и правовым учениям, занимался вопросами теории права, публиковал исследования по международному праву. Одновременно с этим правовед консультировал ряд крупных производственных объединений страны. Подход советского ученого к праву нередко характеризуют прилагательным-термином «широкий». Обычно под этим полагают переосмысление ученым в 1950-е гг. устоявшегося с 1938 г. общего нормативного определения права [1, с. 183]. Тем самым также подчеркивается значение концепции единства нормы права и правоотношения, выдвинутой правоведом в 1958 г. Вместе с тем детали восприятия С. Ф. Кечекьяном советского права недооцениваются. Таким образом, остается в тени система взглядов правоведа, представляющая интерес в совокупности и связи главных идей его творчества. При таких обстоятельствах, необходимо изучить воззрения ученого на советское право в свете его ключевых теоретических работ, исследовать терминологический аппарат. Подходы, предложенные советским ученым, могут быть востребованы современной наукой права. Ряд идей может быть реализован в практических целях.

Оценка юристами правового наследия и роли С. Ф. Кечекьяна

С. Ф. Кечекьяна, равно как и его современника, известного ученого-юриста А. А. Пионтковского [21, с. 10—13], часто именуют представителями так называемого «широкого» подхода к праву. Например, в диссертационном исследовании А. В. Петуховой отстаивается «широкий» или «измененный и дополненный социологический подход» к праву С. Ф. Кечекьяна, рассмотрение им права через призму нормы права и правоотношения [20, с. 10]. Автор диссертации прослеживает связь идейного мира С. Ф. Кечекьяна с творчеством таких отечественных дореволюционных юристов, как С. А. Муромцев, Н. М. Коркунов, М. М. Ковалевский.

Напротив того, В. С. Нерсесянц ставил под сомнение обоснованность критерия «широкий» применительно к творчеству обоих ученых [19, с. 385—396]. По его мнению, ни С. Ф. Кечекьяну, ни А. А. Пионтковскому, ни их современникам так и не удалось дистанцироваться от линии А. Я. Вышинского в праве.

Другие авторы отмечали самостоятельность и прогрессивный характер взглядов С. Ф. Кечекьяна. В. Г. Графский доказывал, что С. Ф. Кечекьян не сводил право к узкому формализму нормы закона, настаивал на значении субъективных публичных прав граждан СССР [2, с. 137].

На основании обобщения научного творчества С. Ф. Кечекьяна необходимо отметить следующее. Отношение ученого-юриста к праву претерпело изменения, обусловленные историческим движением России.

Так, до Октября 1917 г. (до создания советского государства) ученый придерживался распространенных в обществе прогрессивных идей; он видел необходимость учреждения нового государства на началах общественного консенсуса с разделением основных ветвей власти. Государство — это результат действия выборной учредительной власти, механизм обеспечения свободы личной и общественной [15]. Право как таковое рассматривалось правоведом на тот момент как ипостась свободы и важнейшая общественная доминанта, ориентир для законов, которые должны были служить фундаментом общественного развития. Интересы личности гарантировались естественными правами, которые мыслились ученым как эквивалент личной свободы [16; 17].

В советский период творчество ученого соответствовало ценностям и ориентирам социалистического государства [см., напр.: 5; 6; 9; 11; 13]. В ходе I совещания по вопросам науки советского государства и права (1938 г.) [1] С. Ф. Кечекьян поддержал точку зрения, сформулированную А. Я. Вышинским. Согласно С. Ф. Кечекьяну, право в целом необходимо было рассматривать как систему норм, установленных или санкционированных государственной властью. Сделав акцент на желательности применения слова «норма» вместо предложенных «правил поведения», правовед заметил тогда, что вопреки «главе буржуазных нормативистов сегодняшнего дня» Г. Кельзену такой подход не связан с идеологическими уступками [1, с. 90].

Как отмечал правовед, нормы советского права связаны между собой в систему «органически» и не могут рассматриваться в отрыве от экономических отношений, в чем и проявляется основное отличие от идей нормативизма [1, с. 90—92]. Ученый в целом рассматривал право в тесной связи с результатами Великой Октябрьской социалистической революции [18, с. 77—79]. Наиболее плодотворным и важным следовало бы признать период творчества С. Ф. Кечекьяна с середины 1950-х гг. Тогда не только была сформулирована концепция нормы права и правоотношений, но и дана принципиальная оценка основным западным школам права в свете вопросов о роли права [5, с. 826—882; 8; 9; 11].

Ученый активно отстаивал советский путь общественного развития, оппонировал на международных конференциях буржуазным юристам и социологам, критиковал американских реалистов и социологов права, вскрывал пороки теории «возрожденного» естественного права [5, с. 847—854; 8]. В докладе, с которым он выступил в ходе Третьего Международного социологического конгресса (Амстердам, август 1956 г.), было отмечено, что социалистический тип права основан на новых общественных отношениях: при государственной социалистической собственности на основные средства производства, с опорой на социалистическую систему хозяйства[1] [18, с. 78]. Права (субъективные публичные права) граждан СССР рассматривались ученым в тесной взаимосвязи с содержанием советского социалистического права; они обеспечивались не только юридическим механизмом, но и рядом конкретных властных мер, в основе которых — указанное ценностное ядро [12, с. 68—82; 9; 14, с. 166; 18].

Н. С. Прозорова в публикации памяти своего учителя С. Ф. Кечекьяна отмечала масштабность его научной мысли, указала обоснованность его теоретических суждений анализом права прошедших эпох. Правовед подчеркивала значение двух ключевых тем в творчестве С. Ф. Кечекьяна. Это правоотношения в социалистическом обществе, а также источники советского социалистического права [22, с. 101].

Действительно, по указанной проблематике ученым были подготовлены монографические исследования: «Правоотношения в социалистическом обществе» (1958 г.) [12]; «Источники советского социалистического права»[2]. Охарактеризуем в целом отношение ученого к таким важнейшим категориям, как источник права, норма права и правоотношение, закон и правопорядок.

Источники права и советский закон

Понятие источника права дано С. Ф. Кечекьяном в научной статье «О понятии источника права» (1946 г.) [11].

Источники права советский ученый рассматривал в материальном и формальном смысле, одновременно подчеркивал значение источника права для той или иной исторической общности. В материальном смысле слова источник права сводится к условиям жизни общества; это причины, влияющие на формирование права. Материальная сторона источника права подчеркивает зависимость права от экономического базиса; особенности права — это особенности экономики общества.

Формальный смысл источника есть причина юридической обязательности норм права. По мысли С. Ф. Кечекьяна, «...необходима особая, специфическая форма выражения воли господствующего класса для того, чтобы то или иное правило приобрело значение нормы права. Эту специфическую форму и обозначают наименованием источника права» [11, с. 4]. С обретением источником права определенной формы, нормы права, содержащиеся в нем, получают такие характерные признаки, как общеобязательность и обеспеченность государством их соблюдения и исполнения адресатами [11, с. 3—4; 10, с. 23—25; 14]. Формализация воли господствующего класса может осуществляться, например, в законах, актах органов власти[3].

Для установления наличия нормы права нет необходимости обращаться к личной психологической сфере или проводить социологическое исследование отношений — достаточно определить наличие нормы права в соответствующем источнике. Наличие такового источника — презумпция действительности нормы права *praesumptio juris et de jure*.

С. Ф. Кечекьян критиковал смешение источника права в материальном и формальном смысле, характерное для зарубежной юридической мысли. Так, сторонники естественного права усматривали в нем одновременно источник норм права и причину обязательности норм права. Равным образом правовед указывал на ошибку отождествления источника права и нормы права, выступал против определения источника права как совокупности норм права [11, с. 6—7].

Источник права — это форма выражения воли (результат в определенной форме), а

[1] Справка Академии наук СССР «О третьем Всемирном конгрессе социологов в Амстердаме». 12 сентября 1956 г. // Архив Президента РФ (АП РФ). Ф. 3. Оп. 33. Д. 22. Л. 42—48.

[2] Монография была подготовлена С. Ф. Кечекьяном между 1952 г. и 1953 г., но так и не издана. Сведения о депонировании рукописи уточняются. Научный труд был использован ученым при написании глав об источниках советского социалистического права в учебниках по теории права 1955 г. и 1962 г. [6; 7]. Список трудов профессора С. Ф. Кечекьяна см.: Степан Федорович Кечекьян : К 70-летию со дня рождения. Москва : Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Юрид. фак., 1960. С. 9—13.

[3] Это и есть источники права в формальном смысле.

не непосредственно норма права [11, с. 5—7]. Воля господствующего класса приобретает значение тогда, когда она отождествляется с волей государства, поэтому источник права — это лишь акты государственных органов, направленные на установление правил поведения. С. Ф. Кечекьян настаивал, что кроме приказов, актов государственных органов, направленных на установление норм права, к источникам права следует относить деятельность указанных органов, состоящую в признании, санкционировании или осуществлении постоянного фактического порядка общественных отношений. Так может быть объяснено значение таких явлений, как обычай и прецедент [11, с. 7—8, 16]. Деятельность государства связывает волю людей и форму в единую смысловую конструкцию, именуемую источником права. Как отмечал правовед, особая воля господствующего класса, направленная на регулирование поведения людей в обществе, может иметь не только правовые, но и иные формы — это мораль, правила социалистического общежития [11, с. 4]. Для С. Ф. Кечекьяна право — это инструмент общественного развития, и оно не должно быть статично. Отсюда следует, что указанный выше фактический порядок должен отвечать целям экономики. Данной идеей проникнуты публикации ученого-юриста по теории источников права [см.: 6; 7; 11; 13; 14].

Источник права должен соответствовать общественному развитию, реальному уровню экономических отношений, иначе присутствует риск повышения роли административных актов, судебного прецедента в ущерб нормам закона (явление, свойственное западному буржуазному праву). Для советского права «как правило, исключается такое "исправление" законов органами администрации и суда» [11, с. 9]. Обстоятельство несоответствия законов общественному развитию могло быть также отчасти объяснено тем, что знание правовой системы о себе самой не всегда является полным.

Превращение воли господствующего класса в общеобязательное правило поведения осуществляется в различных формах не исключительно посредством закона. Все источники права являются, в конечном счете, выражением одной и той же государственной воли. Вместе с тем в советском праве основным источником права являлся закон [4] [11, с. 8—10].

С. Ф. Кечекьян отмечал в 1946 г. и 1948 г., что в некоторых случаях руководящие указания и обобщения практики Верховного Суда Союза ССР приобретают значение и роль источника права. Так, высшей судебной инстанции следовало восполнять право, когда это было продиктовано необходимостью разрешения судебных дел нижестоящими инстанциями. Посредством деятельности Верховного Суда СССР устанавливались значимые цели в нормах права, формулировались принципы, необходимые для разрешения однородных по своей сути дел [11, с. 19; 14, с. 180—181]. Подход к постановлениям высшей судебной инстанции уточнен ученым в 1955 г. и 1962 г. [6, с. 361—362; 7, с. 408]. В 1962 г. правовед отмечал, что в своих руководящих разъяснениях Верховный Суд СССР только «раскрывает содержание данного советского закона, указывает цель его применения, обеспечивает единообразное его применение на всей территории Советского Союза» [7, с. 408]. Указанные разъяснения давались по результатам рассмотрения материалов обобщения судебных дел и статистики.

Каждому моменту истории соответствуют свои источники права, их комбинация [7, с. 406—407; 11, с. 20—22]. Ввиду этого С. Ф. Кечекьян отмечал значение источника права как памятника, отражающего определенную ступень исторического развития общества[5]. Научным интересам соответствовало намерение юриста описать закономерности приоритета источников права в разные моменты истории. Ученый ставил перед собой интересные и сложные задачи: первоначально он был намерен вскрыть генезис права в свете обращения к его источникам, определить логику их первенства и принципы общественного развития, которые им сопутствуют. Со временем правовед ограничил сферу исследований, наметив только контуры проблемных вопросов исторического развития источников права. По своему значению тематика источника права была для С. Ф. Кечекьяна, вероятно, даже более значимой, чем вопросы нормы права и правоотношений в социалистическом обществе. Понимание источника советского социалистического права затем отразилось и на оценке нормы права как правила, общеобязательного и обеспеченного силой государственного принуждения [10, с. 23—26]. Толкование ученым источника пра-

[4] В советском праве обычай имел минимальное значение, прецедент, как известно, не признавался [11, с. 18—19; 14, с. 165—173].

[5] Например, Законы XII таблиц интересны не только как свод норм-правил, а как ценный источник сведений о римском обществе.

ва во всей полноте данного явления (1946 г.) [11] не сочеталось, однако, с его официальной формально-догматической трактовкой и было уточнено ученым в 1950—1960 гг. в сторону общих позиций [6; 7].

Нормы закона о круге источников права дополняются теорией [11, с. 23].

Советский закон по Конституции (Основному закону) СССР 1936 г.

Согласно Конституции (Основному закону) Союза ССР 1936 г.[6] закон юридический служил воле господствующего класса и обеспечивал достижение им своих политических целей. «Закон сохраняет свою силу до тех пор, пока он отвечает воле господствующего класса и материальным условиям жизни этого класса» [13, с. 125]. Законы — это акты высших органов советской власти[7].

«Содержание закона целиком определяется наличными общественными отношениями» [Там же, с. 126]. Таким образом, как любой источник права, закон служит «слепком» общества, отражением его политического и экономического уровня. Законы издавались в установленном Конституцией[8] законодательном порядке исключительно органами, наделенными соответствующей компетенцией.

Законы в СССР принимались под непосредственным руководством Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), использовавшей теорию марксизма-ленинизма, с учетом и на основе программных документов партии. Термин «законодательство» включал, по мнению С. Ф. Кечекьяна, не только акты, содержащие общие нормы, но и акты индивидуального содержания (народнохозяйственные планы, бюджет) [13, с. 129]. Право как надстроечное явление не может быть обособлено от политики [5, с. 832].

Непосредственно закон может иметь общее и конкретное содержание; это общие правила и конкретные распоряжения относительно отраслей экономики и жизни страны. Например, те или иные нормы (правила) и одновременно указание на необходимость возведения крупного промышленного объекта.

Ведущее положение закона среди источников права сопряжено с обстоятельствами, на которые следует ориентироваться в государственной жизни. Так, акты органов государственной власти должны соответствовать содержанию закона (если они не имеют законодательного значения). Все органы, применяющие нормы права, в том числе суд, не вправе отступать от требований закона и требований актов органов власти, которые приняты в соответствии с законом; органы суда и прокуратуры обязаны рассматривать акты органов власти ввиду закона [13, с. 129—130, 132—133].

Тезис о связанности органов государственной власти законом продублирован в структуре концепции правоотношений в социалистическом обществе, в связи с вопросом об обеспечении основных публичных прав граждан СССР [12, с. 68—82]. Одновременно ученый настаивал на повышении ответственности должностных лиц, отмечал недостатки в этой области права.

Отметим также, что С. Ф. Кечекьян выступал против применения термина «подзаконные акты» к Указам Президиума Верховного Совета СССР, подотчетного Верховному Совету СССР. В отдельных случаях Указы требовали последующего одобрения Верховным Советом СССР, имели самостоятельное значение, поскольку содержали общие нормы, имевшие отношение к различным отраслям права [13, с. 133—135]. Ученый подчеркивал самостоятельное значение таких документов, относил их к незаконодательным актам органов высшей власти [Там же, с. 134].

Норма права и правоотношения в социалистическом обществе

Проблематика нормы права и правоотношений становится непосредственным предметом исследования для С. Ф. Кечекьяна с середины 1950-х гг. Советский ученый имел свой взгляд на правоотношения [4; 10; 12].

Так, в научной статье для «Советского государства и права» под заголовком «Нормы права и правоотношения» (1955 г.) [10] ученый-юрист отмечал следующее: «Правоотношений нет, пока нет соответствующей нормы права, и, следовательно, неправильно утверждать, будто норма права их регулирует» [Там же, с. 23]. Там же присутствует тезис: «Ясно, что нормы права регулируют не правоотношения, а поведение людей в обществе».

«Правоотношение — это норма права в действии, в ее осуществлении. Образование прав и обязанностей, правоотношений означает реализацию нормы права в жизни общества» [4, с. 20—21; 10, с. 24].

Правоотношение не следует отождествлять с абстрактным отношением, ведь в иных

---

[6] Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : утв. постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 дек. 1936 г. [Ленинград] : Партиздат ЦК ВКП (б), 1936. 28 с.

[7] Таковыми являлись Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных и автономных республик.

[8] Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик 1936 г.

нормах можно увидеть только общее положение. Например, нет типового отношения в тех нормах, которые определяют общее положение органов власти. В частности, такова была норма ст. 67 Конституции[9]: «Постановления и распоряжения Совета Министров СССР обязательны к исполнению на всей территории СССР» [10, с. 24]. Правовед настаивал, что типовое или абстрактное правоотношение — это та же норма права; вместе с тем реальное правоотношение — это всегда определенная связь между конкретными лицами, которым адресована норма права [4, с. 21—22; 10, с. 24].

Одновременно с этим некоторые нормы содержат лишь обязанности (например, обязанность платить налоги, соблюдать законодательство). Нормы уголовного права — это нормы, которые строятся исключительно на обязанности. Значительная часть норм права содержит только условия возникновения или прекращения правоотношений.

В монографии ученого «Правоотношения в социалистическом обществе» (1958 г.) [12] обоснована диалектическая связанность нормы права и правоотношений, с одной стороны, нормы права и экономики государства, с другой стороны [Там же, с. 31—36, 184—185].

С. Ф. Кечекьяном было показано, что норма права координирует деятельность людей, направляет их волевое поведение. Правоотношения — особые идеологические отношения в социалистическом обществе, их характер и качественный уровень зависимы от экономического базиса. Экономика определяет общие параметры ключевых правоотношений, их качественный состав и насыщенность ими права.

Правовед подчеркивал, что правоотношения не существуют вне связи с нормами права или до них, никак не могут подменять нормы права. Не существует прав (субъективных прав) без нормы права или вне осознания ее как основы [4, с. 23—24; 10, с. 25, 28].

По мнению советского ученого, правоотношения составляли право только в древних обществах (как обычай), до формирования государства в привычном современном смысле этого слова.

Ученый-юрист оспаривал позиции таких видных советских теоретиков права, как О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский. В их понимании норма права призвана была урегулировать уже существующие отношения [3, с. 60—61]. То же относилось и к Ю. К. Толстому, согласно воззрениям которого, норма права отражала вектор действия социальной воли, тем самым формируя структуру правоотношений [23, с. 20]. Указанные ученые недостаточно учитывали волю людей, направленную на установление норм права, а также обстоятельство воли в конкретных правоотношениях, что для С. Ф. Кечекьяна было неприемлемо.

Так, волей наделен субъект права (правоотношения) как лицо, могущее реализовать свое субъективное право, вступать в правоотношения. Быть субъектом права — это значит самостоятельно ставить цели и выбирать средства их достижения [24, с. 21—23; 12, с. 93].

Норма права устанавливается ради конкретных прав и обязанностей людей, ради правоотношений, обеспечения целей людей в праве [11, с. 185]. Норма права и правоотношения не должны противопоставляться; правоотношение развивается на основе нормы права [Там же, с. 11, 31—32, 185].

Нормы права не берутся произвольно; они не должны рассматриваться в отрыве от экономики. Их не следует отождествлять и с производственными отношениями [10, с. 27—28]. Правоотношения, наполняющие мир права, оценивались ученым как идеологические отношения, обусловленные в своей полноте экономическим базисом государства.

Вместе с тем ученый-юрист настаивал, что право есть сложное явление, которое нельзя сводить только к идеологическим установкам; оно в равной мере служит законным целям граждан, обеспечивает координацию коллективов людей, есть база для правоотношений, востребованных экономикой.

Установление норм права должно сопровождаться проведением в жизнь мероприятий, направленных в целом на укрепление дисциплины советских граждан; на конкретизацию правовых норм в правовых актах высших органов власти; на реальное претворение норм права в жизнь граждан, советского общества. [10, с. 29—30; 14]. Иными словами, одного закона недостаточно для общественного развития и обеспечения системы права, но должен присутствовать определенный порядок деятельности, обеспечивающий субъектам возможность достижения целей в мире права.

Законность и правопорядок

Законность понималась С. Ф. Кечекьяном и как особый способ (метод) деятельности советского государства, и как правопорядок. «Порядок, при котором в общественных отношениях и деятельности органов неуклонно осуществляются законы» [13, с. 133].

[9] Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик 1936 г.

Законность, по мысли ученого, состояла в единообразном толковании и применении законов, применении законов без изъятий, недопустимости приостановления действия («молчания») законов [10, с. 30].

Правопорядок поддерживал волю господствующего класса, устанавливал обязательные правовые рамки поведения граждан. Эта воля посредством права была направлена на общественный прогресс, на защиту граждан, обеспечение благ на основе диктатуры пролетариата, советского типа ведения хозяйства. Правопорядок предполагал законность как «общий принцип советского права» [14, с. 183].

Правопорядок проявлялся в соответствии законам жизни общества и государства. Это связанность лица нормой права как подчиненность воле людей, установивших норму права. Отступление от нормы права в части исполнения обязанностей влекло отступление от правопорядка, что было чревато для обязанного субъекта невыгодными последствиями.

При таких обстоятельствах поведение лица, обусловленное нормой права, являлось необходимым с точки зрения порядка, поэтому поддерживается всеми средствами государственного принуждения [10, с. 25]. «Только нормы права в их осуществлении вместе с конкретными правами, обязанностями, сетью правоотношений составляют правовое учреждение, а совокупность правовых учреждений образует правопорядок» [Там же, с. 27]. Таким образом, правопорядок обеспечивался не одним лишь установлением норм права, но также благодаря всей системе функционирования права, ввиду эффективности права как механизма общественного развития.

Дискуссионные аспекты концепции права С. Ф. Кечекьяна

Вопреки критическим доводам В. С. Нерсесянца [19, с. 385–396], заслуги С. Ф. Кечекьяна нельзя ограничить лишь стремлением к частичному улучшению привычной нормативной идеи права, сформировавшейся в 1938 г. [1]. Можно смело утверждать, что С. Ф. Кечекьян использовал общую идеологическую платформу марксизма для развития своих собственных идей. Эти идеи сфокусированы на задаче достижения прогресса в общественных отношениях.

В публикациях ученого о праве всегда присутствует мысль о деятельности людей как о стержне правовых явлений. Так, нет нормы права вне мыслительной связи с правоотношением; нет источника права без учета деятельности людей, направленной на установление норм права. Нет права как такового вне исторических причин и условий его формирования как части исторического процесса. Нет права без учета обстоятельства экономической деятельности, как структурной платформы государства. Роль права – координировать на определенном уровне основные пласты значимой деятельности людей, придавать ей необходимую юридическую форму с учетом требуемого уровня общественно-политического и экономического развития.

Концепция права С. Ф. Кечекьяна не лишена некоторых противоречий. Так, правовед соглашался с тем, что экономические отношения определяют юридическую форму гражданских отношений [11, с. 7–10], поэтому производный от экономики порядок иногда может опережать закон, даже обесценивать его [Там же, с. 9]. При этом ученый не высказался однозначно, как потребности экономики в моменте соотносятся с волей людей, в соответствии с которой ранее установлены нормы закона. В отношении к сути руководящих указаний (1955 г.), затем руководящих разъяснений (1962 г.) Верховного Суда СССР [6, с. 359–360; 7, с. 407–408], юрист привел свои суждения 1946 г. и 1948 г. [11, с. 19; 14, с. 180–181] к общепринятой точке зрения (формальный подход). Однако, его взгляды на понимание того, что есть источник права, оставались прежними. Ввиду этого изложение материала по источникам советского права в учебниках по теории права 1955 г. и 1962 г. [6; 7] носит компромиссный характер. Следует также отметить, что признаки, по которым ученый отличал руководящие разъяснения высшей судебной инстанции СССР от буржуазного прецедента, сформулированы абстрактно. В действительности, данный вопрос был не столько юридическим, сколько идейно-политическим.

Выводы

Итак, важнейшие теоретические проблемы для С. Ф. Кечекьяна – это источники права и правоотношения в социалистическом обществе.

Исследование проблематики источников права может рассматриваться как важная часть начала мыслительного труда ученого над концепцией правоотношений в социалистическом обществе. Согласно воззрениям юриста, основным источником права выступали советские законы. Законы отличались особым содержанием и особым порядком принятия, отражали в целом «глубокое единство советского права и советского государственного строя» [13; 14, с. 173]. В то же время, право не следует рассматривать как явление, тождественное закону. Право не сводилось ученым

к идеологии. Оно рассматривалось как мир целей, сложный механизм координации деятельности людей, совокупность учреждений и институтов.

Взгляд ученого непосредственно на определение источника права представляет не только исторический, но и практический интерес. Критерии источника права, обозначенные ученым в 1946 г. [11, с. 3—5], могут быть применены для оценки такого явления как «мягкое» право (*soft law*). Выше уже отмечено, что правовед выделял нормы морали, правила социалистического общежития, как значимый результат волевой деятельности господствующего класса, однако, не относящийся к праву [11, с. 4; 6, с. 358]. В конце 1960-х гг. ученый указывал на значимость таких механизмов, которые наряду с правом востребованы экономическим базисом и политическим строем общества [15]. Принципиальным для юриста было не то, как отделить эти явления от права, а показать, как они действуют в государственной системе власти (управления) и чем обусловлена их необходимость для экономического базиса.

Интересно наблюдение правоведа, что круг источников устанавливается фактами[10] [11, с. 20—23].

При совокупности источников права преобладает конкретный источник [Там же, с. 19—20], как, например, обычай при феодальном строе.

Акты административных органов выполняют более весомую роль при росте значения государственного аппарата. Суд является «более гибким орудием воздействия на систему норм права» [Там же, с. 20]. В советском праве преобладал закон. Отсюда следует, что понимание причин доминирования определенного источника права позволяет дать оценку той или иной исторической системе права.

Презумпция действительности нормы права может быть спроецирована на тематику экспертизы нормативных правовых актов.

Концепция правоотношений в социалистическом обществе интересна как часть большой дискуссии в советском праве. Это также продолжение диалога о праве, его генезисе, о взаимной обусловленности основных юридических категорий (правоотношение и норма права, субъективные права и обязанности, субъект права и проч.). «Широта» взглядов ученого-юриста нашла проявление не только в обосновании единства восприятия нормы права и правоотношения. Ученым неоднократно подчеркивались такие характеристики права, как историчность и его соответствие экономике общества, нацеленность права на общественное развитие. Право должно служить прогрессу в общественных отношениях. Имеет значение также, что формальная структура права дополнялась ученым такими аспектами, как деятельность господствующего класса (деятельность людей), наличие воли людей, направленной на установление норм права, наличие воли субъектов права в конкретных правоотношениях.

Воззрения ученого-юриста С. Ф. Кечекьяна представляют ценность не только как веха в истории учений о праве, но и как ключ к пониманию основных правовых явлений современности. Подход ученого-юриста к праву следует охарактеризовать как истинно историчный и передовой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права : Доклад А. Я. Вышинского, прения и заключительное слово на I совещании по вопросам науки советского государства и права [16—19 июля 1938 г.]. — Москва : Юриздат, 1938. — 192 с.

2. Графский В. Г. Степан Федорович Кечекьян (к 100-летию со дня рождения) // Советское государство и право. — 1990. — № 10. — С. 137—138.

3. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. — Москва : Госюриздат, 1961. — 381 с.

4. Карева М. П., Кечекьян С. Ф. О социалистических правоотношениях (Тезисы докладов). — Москва, 1956. — 28 с.

5. Кечекьян С. Ф. Буржуазные политические учения в период империализма // История политических учений : учебник / под ред. С. Ф. Кечекьяна и Г. И. Федькина. — 2-е изд. — Москва : Госюриздат, 1960. — С. 826—882.

6. Кечекьян С. Ф. Источники советского социалистического права // Теория государства и права : [Учеб. пособие для юрид. вузов] / М. П. Карева, С. Ф. Кечекьян, А. С. Федосеев, Г. И. Федькин. — Москва : Госюриздат, 1955. — С. 357—381.

[10] В различных исторических случаях — различны источники права. Право проявляет себя и в фактическом осуществлении определенного порядка, и в прямых повелениях органов власти государства.

7. Кечекьян С. Ф. Источники социалистического права // Теория государства и права: Основы марксистко-ленинского учения о государстве и праве / под ред. П. С. Ромашкина [и др.]. — Москва, 1962. — С. 405—427.

8. Кечекьян С. Ф. К вопросу о сущности современных буржуазных учений о естественном праве // Вестник МГУ. Серия экономики, философии и права. — 1958. — № 4. — С. 119—130.

9. Кечекьян С. Ф. «Манифест Коммунистической партии» и современные ему буржуазные политические учения // Советское государство и право. — 1948. — № 4. — С. 8—21.

10. Кечекьян С. Ф. Нормы права и правоотношения // Советское государство и право. — 1955. — № 2. — С. 23—32.

11. Кечекьян С. Ф. О понятии источника права // Ученые записки. Труды Юридического факультета. — Москва : Изд-во МГУ, 1946. — Вып. 116, кн. 2. — С. 3—25.

12. Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. — Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1959. — 187 с.

13. Кечекьян С. Ф. Советский закон по Сталинской Конституции // Вестник Московского университета. Серия: Право. — 1952. — № 4. — С. 125—136.

14. Кечекьян С. Ф. Советское социалистическое право и его источники // Труды юбилейной сессии Академии общественных наук, посвященной тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции / под ред. И. М. Широкова. — Москва : Правда, 1948. — С. 165—183.

15. Кечекьян С. Ф. Теоретические проблемы осуществления и применения правовых норм // Проблеми правознавства. — 1969. — № 13. — С. 3—12. (посмертная публикация тезисов на укр. яз.).

16. Кечекьян С.Ф. Учредительное собрание. — Москва : «Задруга», 1917. — 47 с.

17. Кечекьян С. Ф. Что такое свобода? — Москва : тип. т-ва Рябушинских, 1917. — 32 с.

18. Михеев В. И., Зайцева М. И. Проблемы социальных изменений XX века (Обзор докладов Третьего Междунар. социол. конгресса. Амстердам, авг. 1956 г.). — Москва : Советская наука, 1957. — 100 с.

19. Нерсесянц В. С. Философия права : учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2013. — 848 с.

20. Петухова А. В. Социологическая концепция права России : историко-теоретический подход (XIX—XX вв.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Нижний Новгород, 2012. — 27 с.

21. Пионтковский А. А. Преодоление последствий культа личности в советской теории уголовного процесса // Проблемы советского уголовного права в период развернутого строительства коммунизма : тезисы докладов науч. конф. (Ленинград, 14—17 мая 1963 г.). — Ленинград, 1963. — С. 10—13.

22. Прозорова Н. С. Степан Федорович Кечекьян (1890—1967) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1976. — № 2. — С. 97—103.

23. Толстой Ю. К. К теории правоотношения. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1959. — 87 с.

REFERENCES

1. Vyshinskii A. Ya. *Osnovnye zadachi nauki sovetskogo sotsialisticheskogo prava. Doklad A. Ya. Vyshinskogo, preniya i zaklyuchitelnoe slovo na I-m soveshchanii po voprosam nauki sovetskogo gosudarstva i prava (16—19 iyulya 1938)* [Main Tasks of the Science of Soviet Socialist Law. Report by A. Ya. Vyshinskii, Discussions and Concluding Remarks at the 1st Conference on the Science of Soviet State and Law [1938, July 16—19]. Moscow, Yurizdat Publ., 1938. 192 p.

2. Grafskii V. G. Stepan Fedorovich Kechekyan (on the 100th Anniversary of His Birth). *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1990, no. 10, pp. 137—138. (In Russian).

3. Ioffe O. S., Shargorodskii M. D. *Voprosy teorii prava* [Issues of the Theory of Law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961. 381 p.

4. Kareva M. P., Kechekyan S. F. *O sotsialisticheskikh pravootnosheniyakh (Tezisy dokladov)* [On Socialist Legal Relations (Theses of Reports)]. Moscow, 1956. 28 p.

5. Kechekyan S. F. Bourgeois Political Doctrines in the Period of Imperialism. In Kechekyan S. F., Fedkin G. I. (eds). *Istoriya politicheskikh uchenii* [*History of Political Doctrines*]. 2nd ed. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1960, pp. 826—882. (In Russian).

6. Kechekyan S. F. Sources of Soviet Socialist Law. In Kareva M. P., Kechekyan S. F., Fedoseev A. S., Fedkin G. I. (eds). *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1955, pp. 357—381. (In Russian).

7. Kechekyan S. F. Sources of Socialist Law. In Romashkin P. S. et al. (eds). *Teoriya gosudarstva i prava: Osnovy marksistko-leninskogo ucheniya o gosudarstve i prave* [Theory of State and Law: Fundamentals of the Marxist Leninist Doctrine of State and Law]. Moscow, 1962, pp. 405—427. (In Russian).

8. Kechekyan S. F. On the Question of the Essence of Modern Bourgeois Doctrines of Natural Law. *Vestnik MGU. Seria ehkonomiki, filosofii i prava = Bulletin of the Moscow State University. Economics, Philosophy and Law Series*, 1958, no. 4, pp. 119—130. (In Russian).

9. Kechekyan S. F. The "Communist Manifesto" and Contemporary Bourgeois Political Doctrines. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1948, no. 4, pp. 8—21. (In Russian).

10. Kechekyan S. F. Legal Norms and Legal Relations. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1955, no. 2, pp. 23—32. (In Russian).

11. Kechekyan S. F. On the Concept of the Source of Law. *Uchenye zapiski. Trudy Yuridicheskogo fakulteta* [Scientific Notes. Proceedings of the Faculty of Law]. Lomonosov Moscow State University Publ., 1946, iss. 116, bk. 2, pp. 3—25. (In Russian).

12. Kechekyan S. F. *Pravootnosheniya v sotsialisticheskom obshchestve* [Legal Relations in Socialist Society]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1959. 187 p.

13. Kechekyan S. F. Soviet Legislation under the Stalin Constitution. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo = Moscow University Bulletin. Series 11, Law*, 1952, no. 4, pp. 125—136. (In Russian).

14. Kechekyan S. F. Soviet Socialist Law and Its Sources. In Shirokov I. M. (ed.). *Trudy yubileinoi sessii Akademii obshchestvennykh nauk, posvyashchennoi tridtsatiletiyu Velikoi Oktyabrskoi sotsialisticheskoi revolyutsii* [Proceedings of the Jubilee Session of the Academy of Social Sciences Dedicated to the 30th Anniversary of the Great October Socialist Revolution]. Moscow, Pravda Publ., 1948, pp. 165—183. (In Russian).

15. Kechekyan S. F. Theoretical Problems of the Implementation and Application of Legal Norms. *Problemi pravoznavstva = Problems of jurisprudence*, 1969, no. 13, pp. 3—12. (In Ukrainian).

16. Kechekyan S. F. *Uchreditelnoe sobranie* [Constituent Assembly]. Moscow, "Zadruga" Publ., 1917. 47 p.

17. Kechekyan S. F. *Chto takoe svoboda?* [What Is Freedom?]. Moscow, Ryabushinskie Publ., 1917. 32 p.

18. Mikheev V. I., Zaitseva M. I. *Problemy sotsialnykh izmenenii 20-go veka (Obzor dokladov Tretego Mezhdunarodnogo sotsiologicheskogo kongressa. Amsterdam, avust 1956 g.)* [The Problems of Social Change in the 20th Century (Review of Reports at the 3rd International Sociological Congress, Amsterdam, August 1956)]. Moscow, Sovetskaya nauka Publ., 1957. 100 p.

19. Nersesyants V. S. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. 2nd ed. Moscow, Norma, Infra-M Publ., 2013. 848 p.

20. Petukhova A. V. *Sotsiologicheskaya kontseptsiya prava Rossii. Istoriko-teoreticheskii podkhod (19— 20 vv.). Avtoref. Kand. Diss.* [The Sociological Concept of Law in Russia. Historical Theoretical Approach (19th—20th Centuries). Cand. Diss. Thesis]. Nizhniy Novgorod, 2012. 27 p.

21. Piontkovskii A. A. Overcoming the Consequences of the Personality Cult in the Soviet Theory of Criminal Procedure. *Problemy sovetskogo ugolovnogo prava v period razvernutogo stroitelstva kommunizma. Tezisy dokladov nauchnoi konferentsii (Leningrad, 14—17 maya 1963 g.)* [Problems of Soviet Criminal Law in the Period of Large Scale Communist Construction. Theses of Reports of a Scientific Conference (Leningrad, 1963, May 14—17)]. Leningrad, 1963, pp. 10—13. (In Russian).

22. Prozorova N. S. Stepan Fedorovich Kechekyan (1890—1967). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Bulletin of Higher Educational Establishments. Jurisprudence*, 1976, no. 2, pp. 97—103. (In Russian).

23. Tolstoi Yu. K. *K teorii pravootnosheniya* [On the Theory of Legal Relation]. Leningrad State University Publ., 1959. 87 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Прохоров Александр Борисович (Санкт-Петербург) — адвокат «Невской Коллегии адвокатов» Санкт-Петербурга (195027, Россия, Санкт-Петербург, Среднеохтинский просп., д. 51/13, офис 31), стажер Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург); e-mail: al.b.prokhorov@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Prokhorov, Alexander B. (Saint Petersburg) — Attorney at the Nevskaya Bar Association of Saint Petersburg (office 31, 51/13 Sredneokhtinsky Ave., Saint Petersburg, 195027, Russia), Trainee at The Law Institute (St. Petersburg) (3 Gavanskaya St., St. Petersburg, 199106, Russia; e-mail: al.b.prokhorov@yandex.ru).

УДК 340

Е. С. Королева
Саратовская государственная юридическая академия,
Саратов, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8233-9520
ResearcherID: PRR-6791-2026

ВРЕД В ПРАВЕ: КОЛИЧЕСТВЕННАЯ И КАЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 2. — С. 19—28.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.2.19-28
Дата поступления 18.11.2025, дата принятия к печати 01.06.2026, дата онлайн-размещения 05.06.2026.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается количественная и качественная характеристика вреда в праве. Определяется, что для установления количественных величин юридического вреда используется научная категория «мера». Она выражается в различных правовых формах: запрет, обязанность, дозволение, наказание. Выделяются некоторые функции меры как обособленной категории вреда: компенсационная, превентивная, карательная. Указывается, что мера в правовой сфере является характеристикой, определяющей пределы дозволенного или запрещенного поведения, меру ответственности за нарушение правовых норм. Проводится классификация меры вреда в зависимости от выполняемой оценки, различных форм объективации, сферы деятельности и т. д. Автор приходит к выводу, что мера как количественная характеристика вреда в праве представляет собой необходимый инструментарий для оценки объема нанесенного ущерба. В последующем анализируется качественная характеристика вреда в праве. В этой связи изучается научная категория «степень». Отмечается, что с помощью данного критерия дифференцируются свойства таких правовых феноменов, как вина, ответственность, риск, защита прав, а также вред. Резюмируется, что «степень» как качественная характеристика вреда в праве отражает показатели интенсивности и тяжести нанесенного ущерба, учитывая при этом масштаб последствий, их необратимость, длительность воздействия. Выявляются отдельные разновидности степени вреда в зависимости от сферы применения. Отдельным образом выделяются принципы, которые могут применяться при оценке степени вреда: объективность; сравнимость; необходимость привлечения независимых экспертов; связь с законодательством; соблюдение правил этики и справедливости. В итоге констатируется, что количественная и качественная характеристика вреда в праве корреспондируют таким критериям как мера и степень причиненного негативного результата.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Вред в праве, ущерб, качественная характеристика, количественная характеристика, мера, степень, величина.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Королева Е.С. Вред в праве: количественная и качественная характеристика // Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 2. — С. 19—28. — DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.2.19-28.

UDC 340

E. S. Koroleva
Saratov State Law Academy,
Saratov, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-8233-9520
Researcher ID: PRR-6791-2026

HARMS IN LAW: QUANTITATIVE AND QUALITATIVE CHARACTERISTICS

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 2, pp. 19—28.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.2.19-28
Received 18.11.2025, accepted 01.06.2026, available online 05.06.2026.

ABSTRACT The article examines the quantitative and qualitative characteristics of harm in law. It is determined that the scientific category of measure is used to establish quantitative magnitudes of legal harm. This measure is expressed in various legal forms: prohibition, obligation, permission, punishment. Some functions of measure as a distinct category of harm are identified: compensatory, preventive, punitive. It is pointed out that in the legal sphere, measure is a characteristic that defines the limits of permitted or prohibited conduct, as well as the extent of liability for the violation of legal norms. A classification of the measure of harm is provided depending on the type of assessment, various forms of objectification, sphere of activity, etc. The author concludes that measure as a quantitative characteristic of harm in law represents a necessary toolkit for assessing the volume of damage caused. Subsequently, the qualitative characteristic of harm in law is analyzed. In this regard, the scientific category of degree is examined. It is noted that this criterion serves to differentiate the properties of such legal phenomena as guilt, liability, risk, protection of rights, and also harm. The summary states that degree as a qualitative characteristic of harm in law reflects the indicators of intensity and severity of the damage caused, while taking into account the scale of consequences, their irreversibility, and the duration of impact. Certain types of degree of harm are identified depending on the sphere of application. Principles that may be applied when assessing the degree of harm are singled out: objectivity; comparability; the need to involve independent experts; connection with legislation; observance of ethical rules and fairness. Ultimately, it is stated that the quantitative and qualitative characteristics of harm in law correspond to such criteria as the measure and degree of the negative result caused.

KEYWORDS Harm in law, damage, qualitative characteristic, quantitative characteristic, measure, degree, magnitude.

FOR CITATION Koroleva E. S. Harm in Law: Quantitative and Qualitative Characteristics. *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 2, pp. 19—28. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.2.19-28.

В праве феномен вреда, причиненный действием или бездействием лица, как правило, оценивается с точки зрения меры и степени. Данные количественные и качественные характеристики являются ключевыми для оценки размера нанесенного ущерба и тяжести негативных последствий, а также уровня их воздействия на здоровье, окружающую среду и социальные условия.

Количественная характеристика «мера» широко используется в юриспруденции и иных гуманитарных науках. Как верно отмечал Протагор: «Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, несуществующих, что они не существуют». Тем самым указанное понятие использовалось античными философами в качестве обозначения одного из элементов всего сущего [5, с. 81].

Как научная категория «мера» была введена еще Гегелем в «Науке логики», и определена как непосредственное единство количественного и качественного [2, с. 358]. Кроме того, были сформулированы ее признаки, а именно: мера — есть определенное количество, которое имеет качественное значение; мера, в общем, есть отношение специфических определенных количеств как самостоятельных мер; мера может выступать в качестве обратного отношения иных мер, которые как самостоятельные качества по своему существу зиждутся на своем количестве и на своем отрицательном соотношении друг с другом [11, с. 19].

Мера — количественная определенность качества. Все вещи имеют свою меру, то есть количественную определенность и для них безразлично, будут ли они более или менее велики, но вместе с тем это безразличие имеет свой предел. Изменение определенного количества есть так же изменение качества [3, с. 216].

К категории «мера» также обращались Гераклит, Демокрит, Платон, Аристотель, Августин, Фома Аквинский, Кант и многие другие [12]. По мнению А. П. Огурцова, эта величина обобщает способы и результаты измерения предметов [13, с. 528—533].

В свою очередь, каждый предмет представляет собой единство определенного качества и количества — он есть качественная величина (количество и количественно определенное качество). Нарушение меры приводит к изменению качества изделия или явления [17, с. 43]. В этой связи рассматриваемое понятие имеет множество аспектов применения в зависимости от области знания. Оно позволяет определить границы, в которых то или иное свойство (качество) остается неизменным, а выход за эти границы приводит к качественному преобразованию или исчезновению объекта.

Мера в правовой сфере является характеристикой, определяющей пределы дозволенного или запрещенного поведения, меру ответственности за нарушение правовых норм. Вред как правовая категория представляет собой умаление или нарушение охраняемых законом интересов, прав или благ и для эффективного правового регулирования которого необходимо не только констатировать факт причинения вреда, но и определить его меру.

Она может выражаться в различных формах:

а) запрет — форма, которая устанавливает действия, запрещенные законом, например, запрет на убийство, мошенничество и иные противоправные действия;

б) обязанность — предписание определенного, необходимого поведения, например, обязанность платить налоги;

в) дозволение — разрешение на совершение определенных, незапрещенных законом действий, это может быть свобода слова, право на труд и т. д.;

г) наказание — мера ответственности за нарушение правовых норм (лишение свободы, штраф и иные меры).

Правовая мера какого-либо вида общественных отношений позволяет выделить в нем то состояние юридического качества, которое в определенном правовом пространстве и времени будет фиксировать соответствие или несоответствие юридической норме, правомерное или неправомерное поведение субъектов. Поэтому правовая мера есть один из определяющих институтов характеристики правовой материи, ее конкретных составляющих элементов [21, с. 33].

В частности, В. Ф. Халипов под мерой понимает предел, в котором осуществляется, применяется что-либо, а также средство для осуществления чего-либо, мероприятие в практике законодательной, исполнительной, судебной власти. В качестве примера в первом случае называется высшая мера наказания, во втором — меры пресечения, то есть речь идет о правовых аспектах понимания меры [19, с. 212—213].

Важной чертой меры в праве является определенность и предсказуемость, что позволяет гражданам и организациям знать, какие действия являются законными, а какие нет, и какие последствия могут наступить в случае нарушения. Указанные принципы способствуют обеспечению справедливости (снижает риск произвола и дискриминации),

эффективности (сокращает количество правонарушений) и упрощению работы правоохранительных органов и стабильности правовой системы (предусматривает построение долгосрочных планов). Кроме того, они являются катализатором при защите прав и свобод граждан, а также, например, при снижении коррупции, так как позволяют предвидеть последствия своих действий и избегать ситуаций, которые могут привести к неправомерным действиям.

Мера вреда — это количественная оценка ущерба, причиненного потерпевшему в результате правонарушения, определяющая размер компенсации, возмещения или наказания. Можно выделить некоторые функции рассматриваемой категории:

Компенсационная функция. Является одной из фундаментальных функций, целью которой отмечается восстановление нарушенных прав и обеспечение справедливости.

Превентивная функция. Предупреждение совершения новых правонарушений, что способствует снижению уровня преступности и обеспечению безопасности в обществе и государстве в целом.

Карательная функция. Заключается в наказании виновного за совершение правонарушения, что благоприятствует восстановлению справедливости и поддержанию правопорядка.

Все вышеперечисленные функции вместе обеспечивают справедливость, эффективность и стабильность всей правовой системы.

В общем смысле «мера» подразумевает под собой определенные действия, которые принимаются в ответ на нарушения законов и правил. В правовой системе мера вреда может быть оценена с точки зрения гражданского, уголовного, административного и иных отраслей права.

В гражданском праве «мера» может включать несколько аспектов, такие как мера ответственности, определяющая объем обязательства сторон, в том числе последствия за его ненадлежащее исполнение. К примеру, сюда можно отнести границы убытков, которые могут быть взысканы в результате нарушения обязательств [7, с. 214]. Данная категория применяется к лицу в случае нарушения юридических предписаний, с целью восстановления справедливости, защиты общественных интересов и предотвращения повторных правонарушений. Мера обязательств относится к тому, что каждая из сторон обязуется предоставить или выполнить в рамках обязательств; мера защиты прав в зависимости от характера нарушения (восстановление положения, существовавшего до нарушения, или компенсация убытков).

Тем самым «мера» в отрасли гражданского права используется для оценки и определения прав и обязанностей сторон, что способствует упорядочению и облегчению сделок между ними.

В отрасли уголовного права «мера» — это санкции, применяемые к лицу, совершившему преступление, которые направлены не только на наказание, но и на восстановление социальной справедливости. В данном случае употребляют, например, понятия «мера наказания», «мера пресечения», «мера принуждения» и т. д. Рассмотрим некоторые из них более детально.

Мера наказания есть определенный вид и размер наказания, назначенного осужденному приговором суда на основании санкции конкретной нормы уголовного закона, по которой квалифицировано совершенное преступление. Ее можно интерпретировать как форму государственного принуждения, применяемую к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и которая направлена на достижение таких целей, как исправление осужденного, предупреждение новых правонарушений, восстановление социальной справедливости [6, с. 31].

Мера пресечения — вид процессуального принуждения, используемый со стороны государства в лице его уполномоченных органов и должностных лиц в отношении обвиняемого или подозреваемого для обеспечения их явки в суд, предотвращения совершения новых преступлений, защиты потерпевших [16, с. 36—37]. Они наиболее существенно затрагивают права и ограничивают личную свободу человека [23, с. 212].

В административном праве мера связана с несоблюдением общественного порядка, правил безопасности и может выражаться в виде штрафов, административных арестов и иных видов наказания за нарушение административного законодательства. В этой связи можно выделить меру защиты как разновидность данного категории.

Мера защиты — правовой инструмент, направленный на восстановление нарушенных прав, предотвращение правонарушений и защиту законных интересов субъектов права. В нормативных предписаниях можно встретить такие понятия, как меры социальной защиты (ст. 15, 16 и др. Федерального закона от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах»[1],

[1] Российская газета. 2000. 5 янв.

ст. 11 Федерального закона от 7 ноября 2000 г. № 136-ФЗ «О социальной защите граждан, занятых на работах с химическим оружием»[2] и др.), меры по защите экономических интересов (Федеральный закон от 14 апреля 1998 г. № 63-ФЗ «О мерах по защите экономических интересов Российской Федерации при осуществлении внешней торговли товарами»[3]), меры по защите прав ребенка (ст. 9 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»[4]), меры по защите интересов (ст. 53 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»[5]), специальные защитные меры, антидемпинговые меры и компенсационные меры (ст. 27 Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»[6]) и др. [1, с. 25–26].

С мерой защиты тесно переплетена мера вреда, которая зависит от характера нарушенных прав и интересов. Так, в случае причинения материального ущерба мера может быть определена через стоимость утраченного имущества или упущенную выгоду. В случае морального вреда мера определяется через степень физических или нравственных страданий потерпевшего.

Для оценки вреда «мера» может объективироваться в денежном эквиваленте, в частности, в контексте оценки физического или имущественного ущерба, причиненного в результате материального или морального вреда. Для этого используются различные методы, такие как прямые убытки, т. е. фактические затраты, понесенные потерпевшей стороной; упущенная выгода – потенциальный доход, который сторона могла бы получить; моральный вред.

По сфере применения анализируемое понятие можно классифицировать на следующие виды:

а) общие меры, которые применяются ко всем субъектам, вне зависимости от статуса и включают в себя возмещение имущественного вреда, морального и т. п. (например, гражданский иск, уголовное наказание, административный штраф).

б) специальные меры, относящиеся к отдельной категории лиц, учитывая их статус и сферу деятельности.

Мера вреда определяется на основе оценки причиненных негативных последствий. Она отражает его размер или объем, который может быть выражен в конкретных единицах измерения, таких как денежные суммы, временные интервалы, физические параметры и т. д.

Кроме этого, мера вреда может оцениваться во временных интервалах. Например, в экологической сфере он показывает, как долго занимает восстановление экосистемы после загрязнения или разрушения. В контексте аварий и катастроф выражает время, в течении которого последствия негативного события продолжают оказывать влияние на окружающую среду и общество.

Иногда мера вреда выражается в денежных единицах, в особенности в юридическом и финансовом контексте (восстановительные расходы, упущенная выгода, моральный вред), в процентах от общего ущерба, показывая долю от общего масштаба или в других единицах измерения. Например, при оценке страхового случая определяется мера вреда в процентах от общей страховой суммы для понимания, какую часть необходимо выплатить).

Одной из основных проблем в общей теории права является сложность объективной оценки меры вреда, особенно в случаях нематериального ущерба. Так, при определении размера компенсации за моральный вред суды сталкиваются с отсутствием четких критериев, что, чаще всего, приводит к значительным различиям в судебной практике. В сфере экологии проблема заключается в оценке вреда, причиненного окружающей среде в силу того, что последствия могут быть долгосрочными и трудноизмеримыми.

Мера как правовая категория играет важную роль в регулировании общественных отношений, обеспечивая баланс интересов и эффективность правового воздействия. Она создает стабильность и предсказуемость правовых отношений, способствует достижению целей права, таких как справедливости, равенство и законность. Однако для всесторонней и объективной оценки нанесенного вреда применение этой характеристики недостаточно. В этой связи анализ качественной характеристики вреда осуществляется посредством установления степени нанесенных негативных последствий.

Степень, как научная категория, представляет собой важный инструмент для анализа и оценки правовых явлений в науке. Она помогает дифференцировать различные аспекты правовых процессов, таких как вина, ответственность, риск, защита прав и т. д.

[2] Российская газета. 2000.09 нояб.
[3] Там же. 1998. 22 апр.
[4] Там же. 1998.05 авг.
[5] Там же. 1998. 22 июня.
[6] Там же. 2003 18 дек.

Термин «степень» имеет латинские корни: существительное *«gradus»* означало *«ступень»* или *«уровень»*. Слово перешло в древнеславянский язык и сохранило свое значение. Через призму языка оно стало означать различные уровни или степени во многих областях, расширяя свое употребление в русском языке [20, с. 96–100]. Как правило, степень в зависимости от отрасли права обозначает уровень выраженности какого-либо юридически значимого признака или состояния и может быть определена как мера интенсивности или уровня правовых явлений.

Степень в праве применяется для измерения интенсивности, уровня или масштаба правовых явлений, процессов и их последствий. Рассматриваемое понятие помогает более точно оценивать и классифицировать различные ситуации, разрабатывать соответствующие механизмы правового регулирования.

Стоит отметить, что указанная категория, чаще всего, рассматривается не обособленно, а именно в сочетании с тем существительным, для которого служит мерилом [8, с. 1]. В зависимости от контекста можно выделить некоторые аспекты, к которым относится обозначенный термин:

1) *степень вины* – количественное понятие, выражающее сравнительную тяжесть вины, интенсивность психического отношения лица к совершенному деянию [24, с. 68]. В праве она используется для дифференциации ответственности, а в этике – для оценки моральной тяжести поступка. Как отмечает О. Д. Ситковская: «Учитывая, что степень вины является количественным выражением отрицательного отношения лица к интересам личности и общества, показателем искажения его ценностных ориентаций, установление степени вины обуславливает различную меру порицания лица, меру его ответственности» [14, с. 31].

2) *степень ответственности* – категория, определяющая меру обязательств и последствий, возлагаемых на индивида или группу за свои действия. Она состоит не только из юридической, но и из моральной ответственности. В практике степень определяет меру наказания или возмещения ущерба, так, в гражданском праве она зависит от вины, а в уголовном – от тяжести преступления и умысла.

3) *степень риска* – это вероятность наступления случая потерь, а также размер возможного ущерба от него [18, с. 157]. Термин, чаще всего, используется в сфере административного и финансового права для оценки вероятности, потенциальных последствий правовых решений и действий субъектов в результате финансовых операций, инвестиций и т. п.

4) *степень защиты прав человека в международном праве* – комплексный показатель, отражающий уровень обеспечения и соблюдения прав и свобод граждан на национальном и международном уровне.

5) *степень утраты профессиональной трудоспособности* – количественная оценка, выраженная в процентах, характеризующая снижение способности человека выполнять работу по своей профессии, определяющаяся на основании медицинских, социальных и профессиональных критериев[7].

6) *степень общественной опасности* – устанавливается исходя из обстоятельств, которые не отражены в составе преступления, но учитываются судом и влияют на различные аспекты уголовной ответственности [4, с. 144].

7) *степень общественной вредности* – интенсивность, с которой оказывается отрицательное воздействие на определенной ценности объекта [10, с. 22].

8) *степень родства* – фундаментальное понятие в семейных отношениях и наследственном праве, которое подразумевает под собой меру близости между людьми, определяемую количеством поколений, которые их разделяют [22, с. 56–60].

9) *степень вреда* – качественная характеристика тяжести негативных последствий, отражающая влияние причиненного вреда на жизнь и здоровье потерпевшего. Данная категория также является неотъемлемой частью многих областей знаний – медицина, экология, социология, этика и другие. Она используется для оценки масштаба и характера результатов, последовавших за определенными действиями, событиями или процессами.

В праве степень вреда используется для определения ответственности и наказания. Так, если рассматривать сферу уголовного права, она определяет не только вид совершенного преступления, но и меру наказания (тяжкий вред здоровью влечет более строгую ответственность, чем легкий). В гражданском праве степень оценивается для определения размера компенсации.

В социологии степень изучается в контексте социальных конфликтов, неравенства

[7] См.: Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний : Федер. закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3803.

и других явлений, которые негативно влияют на общество.

В медицине степень вреда оценивается для определения тяжести заболевания, травмы или последствий лечения, что является важным элементом при выборе методов терапии и прогнозирования выздоровления. Анализируя понятие степени вреда здоровью, стоит выделить некоторые ее классификационные основания, так, она может быть легкой, средней и тяжелой.

Легкая степень вреда включает незначительными повреждениями, не требующими длительного лечения или не приводящие к серьезным последствиям для здоровья. Чаще всего такие случаи являются основание для гражданского иска, но может и повлечь за собой уголовную ответственность. Средняя степень вреда характеризуется более значительным ухудшением здоровья, повреждениями, требующими медицинского вмешательства, и могут привести к временной утрате трудоспособности, однако не приводит к серьезным и необратимым последствиям. Тяжелая степень вреда подразумевает серьезные повреждения, угрожающие жизни и приводящие к значительной утрате здоровья, которые также могут включать инвалидность или смерть гражданина[8].

Данные разновидности вреда являются неотъемлемой частью, помогающей медицинским работникам и правоохранительным органам оценить и классифицировать степень последствий для определения необходимых мер по оказанию помощи и установлению ответственности.

В экологии степень вреда используется для оценки масштаба воздействия человеческой деятельности на окружающую среду и помогает разрабатывать меры, стратегии по предотвращению, восстановлению и минимизации ущерба.

В данной отрасли классификация степени вреда может быть в зависимости от масштаба, продолжительности и характера воздействия на природные объекты, экосистемы. Основные степени включают:

а) *незначительная степень вреда* характеризуется кратковременными нарушениями, локальным воздействием на окружающую среду, возможность восстановления природных объектов без вмешательства человека (например, временное нарушение ландшафта при строительных работах, небольшие загрязнения почвы или воды).

б) *умеренная степень вреда* заключается в нарушениях экосистемы, требующих вмешательства для восстановления, так, нарушение почвенного покрова, загрязнение водоемов, приводящее к гибели рыбы, частичное уничтожение лесных массивов и т. п.

в) *значительная степень вреда* — это масштабное воздействие, долгосрочные и необратимые нарушения, ведущие за собой серьезные последствия для здоровья человека (загрязнение воздуха, уничтожение редких видов животных, растений, крупные разливы нефти).

г) *катастрофическая степень вреда* является глобальным воздействием, приводящим к разрушению экосистем, изменению климата или исчезновением видов, требующим масштабных усилий для восстановления или невозможности (ядерные катастрофы, глобальное потепление) [15, с. 19—23].

В зависимости от сферы деятельности степень вреда может иметь свои особенности, например в строительстве степень вреда включает в себя оценку ущерба зданиям и сооружениям при проведении строительных работ, ущерб транспортным средствам и инфраструктуре (аварии, повреждения дорожного покрытия), в информационных технологиях — ущерб программному обеспечению и данным.

Оценка степени вреда является важным этапом для анализа и классификации негативных последствий, возникающих в результате воздействий на здоровье граждан, окружающую среду, экономику, социальную сферу. Она позволяет определить размер компенсации и восстановить справедливость.

Выделим некоторые принципы, которые могут применяться при оценке степени вреда: а) объективность (основано на достоверных

---

[8] Медицинскими критериями квалифицирующих признаков в отношении легкого вреда здоровью являются: временное нарушение функций органов и (или) систем (временная нетрудоспособность) продолжительностью до трех недель от момента причинения травмы (до 21 дня включительно) (далее — кратковременное расстройство здоровья); незначительная стойкая утрата общей трудоспособности — стойкая утрата общей трудоспособности менее 10 процентов. Медицинскими критериями квалифицирующих признаков в отношении средней тяжести вреда здоровью являются: временное нарушение функций органов и (или) систем (временная нетрудоспособность) продолжительностью свыше трех недель (более 21 дня) (далее — длительное расстройство здоровья). Значительная стойкая утрата общей трудоспособности менее чем на одну треть — стойкая утрата общей трудоспособности от 10 до 30 процентов включительно (См.: Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апр. 2008 г. № 194н // Российская газета. 2008. 5 сент.).

данных); б) сравнимость различных источников и ситуаций; практическое применение, т. е. результаты используются для принятия решений и разработки мер по устранению вреда; в) в некоторых ситуациях возникает необходимость привлечения независимых экспертов для более точной и объективной оценки; г) важность учитывать законодательные нормы; д) этика и справедливость.

Степень может быть, как количественным понятием, измеряющийся в физических и экономических числовых единицах, так и качественным, описывающим характер причиненного ущерба. Первый подход позволяет сравнивать вред от разных источников и принимать решение на основе объективных данных (например, объем выбросов, площадь загрязнения, количество пострадавших и т. п.). Второй используется, когда количественных данных недостаточно или они не доступны — это такие характеристики, как легкий, умеренный, значительный, катастрофический.

Кроме того, можно выделить комплексный подход, который служит для более полной оценки вреда, и учитывает как объективные данные, так и субъективные [20, с. 96 — 100].

Для определения степени вреда используются несколько критериев, которые могут изменяться в зависимости от сферы применения. Это определенный набор параметров, используемых для определения степени вреда, к ним можно отнести:

а) *интенсивность*, определяет, насколько сильным является вред (низкая — незначительные изменения, средняя — умеренные изменения, требующие вмешательства, высокая — серьезные изменения);

б) *масштаб*, отражает насколько широко распространение вреда (локальный, ограниченный небольшой территорией, региональный, воздействующий на значительную территорию населения, глобальный, охватывает уровень планеты);

в) *длительность*, устанавливает, как долго сохраняются последствия (краткосрочный вред, последствия которого быстро устраняются, и долгосрочный, сохраняющийся в течение длительного периода);

г) *обратимость*, олицетворяет возможность устранения последствий (в определенных ситуациях вред может быть компенсирован, а в других иметь необратимый характер);

д) *социальная значимость*, иллюстрирует в какой степени общество воспринимает то или иное воздействие вреда.

При оценке вреда также учитываются следующие факторы: характер вреда (физический — травмы и повреждения, материальный — ущерб имуществу, моральный и т. д.); тяжесть вреда, оценивающая серьезность вреда (легкая, средняя, тяжелая); обстоятельства дела (место, время, вина лица, причиненного ущерба, поведение потерпевшего и другие) [9, с. 178 — 182].

Таким образом, вред в праве устанавливается посредством определения его меры и степени. Они играют важную роль во многих сферах, так, в гражданском праве используются для определения размера компенсации и восстановления нарушенных прав, в уголовном влияют на квалификацию преступлений и выбор наказания, учитывая тяжесть последствий, в экологическом праве помогают оценить ущерб и разработать пути восстановления экосистемы.

Количественные и качественные характеристики вреда тесно связаны между собой. Количественная характеристика вреда в праве «мера» определяет объем и характер ущерба, а его качественная характеристика «степень» устанавливает уровень интенсивности и тяжести. В этой связи вред является одной из важнейших правовых категорий, поскольку он лежит в основе определения ответственности, компенсации и восстановления нарушенных прав.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ведяхин В. М. Меры защиты как правовая категория // Право и политика. — 2005. — № 5. — С. 21—31.

2. Гегель Г. В. Мера // Наука логики. — Москва : Мысль, 1998. — 1067 с.

3. Гегель Г. В. Энциклопедия философских наук. — Москва : Мысль, 1974. — Т. 1: Наука логики. — 451 с.

4. Ищенко И. В. Характер и степень общественной опасности преступлений и непреступных деяний: проблемы понятия и критериев определения // Ученые записи Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2021. — Т. 7, № 3 (73), ч. 2. — С. 133—147.

5. Лебединская В. Г. Мера — категория философская и языковая // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. — 2012. — № 4 (21). — С. 81—85.

6. Маликов Б. З., Салимова А. М. Мера государственного принуждения — правовое свойство наказания // Вестник Кузбасского института. — 2016. — № 1 (26). — С. 30—36.

7. Маркунин Р. С. Мера поощрения как структурный элемент системы юридической ответственности должностных лиц в РФ // Государственно-правовые исследования. — 2022. — Вып. 5. — С. 213—216.

8. Мартьянова Е. Ю., Волков А. В. Понятие «степени» в юридическом дискурсе // Международный научно-исследовательский журнал. — 2024. — № 9 (147). — С. 1—4.

9. Медицинские и юридические вопросы при определении степени тяжести вреда, причинённого здоровью человека (обзор литературы) / В. В. Зуевский, С. В. Розенко, Т. В. Зуевская, П. И. Павлов // Медицинская наука и образование Урала. — 2018. — Т. 19, № 4 (96). — С. 178—182.

10. Михаль О. А. Характер и степень общественной опасности преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2009. — № 4 (35). — С. 20—24.

11. Новиков М. В. Мера как правовая категория: сущностные свойства и конструкции юридических измерений // Национальная ассоциация ученых. —2015. — № 1 (6). — С. 18—21.

12. Ореховский А. И. Философия ответственности. Методологический, концептуально-теоретический, правовой, аналитико-прогностический аспекты. — Москва : Алисторус, 2015. — 320 с.

13. Огурцов А. П. Мера // Новая философская энциклопедия / В. С. Степин [и др.]. — Москва : Мысль, 2010. — Т. 2. — С. 528—533.

14. Ситковская О. Д. Уголовный кодекс Российской Федерации: психологический комментарий. — Москва : Волтерс Клувер, 2009. — 180 с.

15. Случевская Ю. А. Экологический вред: проблема определения и оценки // Общество и право. — 2020. — № 4 (74). — С. 19—23.

16. Смирнова О. В., Янин М. Г. Определение понятия «меры пресечения» в уголовном процессе // Вестник Челябинского государственного университета. —2020. — Т. 5, № 2. — С. 35—38.

17. Федоров В. К. Взаимный потенциал категорий «количество» и «качество» в инновационных системах // Методы менеджмента качества. — 2015. — № 9. — С. 42—45.

18. Фирсова О. А. Способы оценки степени риска // Наука-2020. — 2012. — № 1 (1). — С. 154—167.

19. Халипов В. Ф. Власть. Кратологический словарь. — Москва : Республика, 1977. — 429 с.

20. Чихрадзе А. М. Эволюция критериев определения степени тяжести вреда здоровью в уголовном праве России: от древнерусского права к современности // Правопорядок: история, теория, практика. — 2025. — № 4 (47). — С. 96—100. — DOI: 10.47475/2311-696X-2025-47-4-96-100.

21. Шпак В. Ю., Корешникова А. О. Правовое изменение: многообразие определенностей и своеобразие содержания // Философия права. — 2007. — № 4. —С. 34—42.

22. Эрделевский А. О. О некоторых вопросах правового статуса свойственников и дальних родственников // Хозяйство и право. — 2021. — № 6. —С. 56—60.

23. Юридический энциклопедический словарь / А. И. Алексеев [и др.]. — Москва : Инфра-М, 2001. — 450 с.

24. Юркач Е. В. Понятие «степень вины» как теоретическая характеристика вины и критерии индивидуализации юридической ответственности // Современные исследования социальных проблем. — 2015. — № 10 (54). — С. 66—73.

REFERENCES

1. Vedyakhin V. M. Defense measures as a legal category. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2005, no. 5, pp. 21—31. (In Russian).

2. Hegel G. W. *Wissenschaft der Logik*. Erster Band, Die objective Logik. Nürnberg, 1812. (Russ. ed.: Hegel G. W. *Nauka logiki*. Moscow, Mysl Publ., 1998. 1067 p.).

3. Hegel G. W. *Ehntsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of Philosophical Sciences]. Moscow, Mysl Publ., 1974. Vol. 1. 451 p.

4. Ishchenko I. V. Nature and Degree of Public Danger of Crimes and Uncertain Activities: Problems of Concept and Criteria of Definition. *Uchenye zapisi Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*, 2021, vol. 7 (73), no. 3, pp. 133—147. (In Russian).

5. Lebedinskaya V. G. Measure as a Philosophical and Linguistic Category. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obschestvennye i gumanitarnye nauki = Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*, 2012, no. 4 (21), pp. 81—85. (In Russian).

6. Malikov B. Z., Salimova A. M. Coercive Measure is Legal Property of Punishment. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2016, no. 1 (26), pp. 30—36. (In Russian).

7. Markunin R. S. Incentive measure as a structural element of the system of legal responsibility of officials in the Russian Federation. *Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya = State Legal Research*, 2022, iss. 5, pp. 213—216. (In Russian).

8. Martyanova E. Y., Volkov A. V. The Concept of "Degree" in Legal Discourse. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatelskii zhurnal = International Research Journal*, 2024, no. 9 (147), pp. 1—4. (In Russian).

9. Zuevskii V. V., Rozenko S. V., Zuevskaya T. V., Pavlov P. I. Medical and Legal Issues in Determining the Severity of Harm Caused to Human Health (Literature Review). *Meditsinskaya nauka i obrazovanie Urala = Medical Science and Education of Ural*, 2018, vol. 19, no 4 (96), pp. 178—182. (In Russian).

10. Mikhal O. A. Natura and degree of social danger. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, 2009, no. 4 (35), pp. 20—24. (In Russian).

11. Novikov M. V. Measure as a Legel Category: Essential Properties and Construction of Legal Measurement. *Natsionalnaya assotsiatsiya uchenykh = National Association of Scientists*, 2015, no. 1 (6), pp. 18—21. (In Russian).

12. Orekhovskii A. I. *Filosofiya otvetstvennosti. Metodologicheskii, kontseptualno-teoreticheskii, pravovoi, analitiko-prognosticheskii aspekty* [Philosophy of Responsibility. Methodological, Conceptual-Theoretical, Legal, Analytical-Prognostic Aspects]. Moscow, Alistorus Publ., 2015. 320 p.

13. Ogurtsov A. P. Measure. In Stepin V. S. et al. (eds). *Novaya filosofskaya ehntsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Moscow, Mysl Publ., 2010, vol. 2, pp. 528—533. (In Russian).

14. Sitkovskaya O. D. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: psikhologicheskii kommentarii* [Criminal Code of the Russian Federation: Psychological Commentary]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2009. 180 p.

15. Sluchevskaya Yu. A. Environmental harm: the problem of determining and assessing. *Obshchestvo i pravo = Society and law*, 2020, no. 4 (74), pp. 19—23. (In Russian).

16. Smirnova O. V., Yanin M. G. The Definition of "Measure of Restriction" in the Criminal Process. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo = Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*, 2020, vol. 5, iss. 2, pp. 35—38. (In Russian).

17. Fedorov V. K. Mutual Potential of the Categories "Quantity" and "Quality" in Innovation Systems. *Metody menedzhmenta kachestva = Methods of Quality Management*, 2015, no. 9, pp. 42—45. (In Russian).

18. Firsova O. A. Methods for Assessing the Degree of Risk. *Nauka-2020*, 2012, no. 1 (1), pp. 154—167. (In Russian).

19. Khalipov V. F. *Vlast. Kratologicheskii slovar* [Power. Cratological Dictionary]. Moscow, Respublika Publ., 1977. 429 p.

20. Chikhradze A. M. Evolution of Criteria for Determining the Severity of Harm to Health in the Criminal Law of Russian Federation: from Old Russian Law to the Modern Day. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Legal and Order: History, Theory, Practice*, 2025, no. 4, pp. 96—100. (In Russian). DOI: 10.47475/2311-696X-2025-47-4-96-100.

21. Shpak V. Yu., Koreshnikova A. O. Legal Measurement: Diversity of Certainties and Peculiarities of Content. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2007, no. 4, pp. 34—42. (In Russian).

22. Erdelevsky A. M. On some issues of the legal status of kin and distant relatives. *Khozyaistvo i pravo = Economy and Law*, 2021, no. 6, pp. 56—60. (In Russian).

23. Alekseev A. I. et al. *Yuridicheskii ehntsiklopedicheskii slovar* [Legal Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Infra-M Publ., 2001. 450 p.

24. Yurchak E. V. The Concept of "Degree of Fault" as Theoretical Characteristics of Individualization of Guilt and Criteria Legal Responsibility. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem = Modern Research of Social Problems*, 2015, no. 10 (54), pp. 66—73. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Королева Екатерина Сергеевна (Саратов) — преподаватель кафедры теории государства и права; аспирант кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии (410056, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104; e-mail: kor.e.s@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Koroleva, Ekaterina S. (Saratov) — Lecturer at the Theory of State and Law Department, Postgraduate Student at the Theory of State and Law Department, Saratov State Law Academy (Chernyshevsky St., Saratov, 410076, Russia; e-mail: kor.e.s@yandex.ru).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 342

А. А. Мохов
главный научный сотрудник
Центра научных исследований
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-8139-7932
ResearcherID: V-4520-2018

СТРАТЕГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КУЛЬТУРЕ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 2. — С. 29—36.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.3.29-36
Дата поступления 09.12.2025, дата принятия к печати 01.06.2026, дата онлайн-размещения 05.06.2026.

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется Стратегия государственной национальной политики и ее возможное влияние на реформу законодательства о культуре. Рассматриваются отправные положения Стратегии государственной национальной политики в части, затрагивающей сферу культуры, развитие соответствующих практик. Отмечается неудовлетворительная ситуация в сфере культуры, в основе которой лежит комплекс нерешенных проблем, в том числе и правового характера. Подвергается критическому анализу действующий Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». Показаны ключевые проблемы правового регулирования сферы отечественной культуры и возможные подходы к их решению. Обращается внимание на положительный опыт Республики Беларусь и Республики Казахстан по обновлению законодательства о культуре с учетом имеющихся вызовов и угроз. Автор полагает возможным заимствовать отдельные законодательные практики этих государств в Российской Федерации. Затрагиваются вопросы формирования и поддержания коллективного ментального иммунитета, обеспечения отдельных видов безопасности. Сфера культуры рассматривается как одна из областей деятельности, имеющих значение для решения целого комплекса задач, включая вопросы обеспечения отдельных видов безопасности. На основе анализа доктрины, документов стратегического планирования, опыта сопредельных государств артикулируются предложения по развитию основ обновленного проектного законодательства о культуре.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Государственная национальная политика, законодательство о культуре, защита интересов личности, семьи, общества и государства.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Мохов А. А. Стратегия государственной национальной политики и развитие законодательства о культуре // Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 2. — С. 29—36. — DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.3.29-36.

UDC 342

A. A. Mokhov
All-Russian State University of Justice,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-8139-7932

THE STATE NATIONAL POLICY STRATEGY AND THE DEVELOPMENT OF CULTURAL LEGISLATION

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 2, pp. 29—36.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.3.29-36
Received 09.12.2025, accepted 01.06.2026, available online 05.06.2026.

ABSTRACT The article examines the State National Policy Strategy and its possible impact on the reform of cultural legislation. It considers the starting points of the State National Policy Strategy in relation to the field of culture and the development of relevant practices. The article highlights the unsatisfactory situation in the field of culture, which is based on a complex of unresolved issues, including legal ones. The current Law of the Russian Federation No. 3612-I "Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Culture" is critically analyzed. The key problems of legal regulation in the field of national culture and possible approaches to their solution are shown. Attention is drawn to the positive experience of our neighbors in updating legislation on culture, taking into account the existing challenges and threats. The author believes that it is possible to borrow certain practices based on the legislation of the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan in the Russian Federation. The article addresses the issues of forming and maintaining collective mental immunity and ensuring certain types of security. The field of culture is considered as one of the areas of activity that is important for solving a wide range of tasks, including ensuring certain types of security. Based on the analysis of the doctrine, strategic planning documents, and the experience of neighboring countries, the article presents proposals for developing the foundations of updated project legislation on culture.

KEYWORDS State national policy, legislation on culture, and protection of the interests of individuals, families, society, and the state.

FOR CITATION Mokhov A. A. The State National Policy Strategy and the Development of Cultural Legislation. *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 2, pp. 29—36. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.3.29-36.

Конец 2025 года был ознаменован появлением Указа Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года»[1], вступившего в силу с 1 января 2026 года. Документ рассчитан на десятилетний срок и предполагает реализацию за этот период довольно широкого круга мероприятий. Подавляющее большинство из них прямо либо опосредованно касаются сферы национальной культуры.

Уже в понятии государственной национальной политики как определенной системы стратегических приоритетов и мер, реализуемых органами публичной власти, институтами гражданского общества, мы находим такие меры, как укрепление единства народа, гражданского самосознания, патриотизма и др.

Нельзя также не обратить внимания на п. 3 анализируемого документа, согласно которому правовую основу Стратегии наряду с Конституцией РФ и рядом федеральных законов также составляют новейшие документы стратегического планирования, в том числе: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»[2], Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[3].

Слово «культура» и производные от него упоминаются в анализируемой Стратегии многократно. Следует указать такие слова и словосочетания, как: «особенности культуры народов», «этнокультурные потребности», «единая российская культура», «работники культуры», «мероприятия в области культуры», «популяризация культуры русского народа».

Документ позволяет нам уяснить и некоторые причины, в силу которых он появился. Так, согласно п. 31 Указа, на фоне усиливающейся нестабильности в мире, все чаще дают о себе знать практические проблемы, обусловленные потребностью в обеспечении приемлемого уровня национальной безопасности.

До настоящего времени недружественными государствами, а также некоторыми негосударственными организациями попытки розыгрыша в своих интересах различных сценариев (межнационального, межэтнического, религиозного и др.), целью которых является раскол российского общества, нарушение его единства.

В целом глобалистская политика последних десятилетий была направлена на размывание идентичности, утрату некоторыми народами исторической памяти, его традиций. Работа эта активно ведется и на собственно ментальном, и на организационном, и на правовом, и на иных уровнях [7, с. 44]. Так называемая «мягкая сила» — традиционный инструмент внешней политики США официально закреплен во многих Стратегиях национальной безопасности, включая новейшую американскую [8].

В неюридической литературе, а позднее и в работах по праву, не без достаточных оснований был поставлен вопрос о формировании и поддержании на приемлемом уровне коллективного ментального иммунитета.

Так, П. И. Сидоров попытался дать определение ментального иммунитета как биопсихосоциодуховной защиты идентичности и основы безопасности личности и общества [9, с. 50]. Также им были показаны основные функции ментального иммунитета, причины, приводящие к ментальным эпидемиям, а также формированию и развитию приобретенного ментального иммунитета [10, с. 85—87].

В специальной литературе также получило широкое хождение словосочетание «ментальные» и подобные им войны [3]. Они развязываются в случаях подготовки в горячей, классической войне, либо тогда, когда в силу наличия у противника достаточных ресурсов предполагается длительное противостояние. Цель — ослабление противника, лишение его населения способности к сопротивлению. Автор настоящей публикации также попытался обосновать важность ввода в более широкий оборот специалистов в области права и безопасности категорий, связанных с ментальным иммунитетом и ментальной безопасностью [5].

Как показывают труды ученых, а также новейшая практика смены режимов в ряде стран, так называемых «цветных революций» и прочих технологий дестабилизации общественных и политических отношений в том или ином регионе, они дают о себе знать в нужное время и в нужном месте. Начинается все с внешне безопасных изменений в сфере культуры, а завершается реализацией серьезных угроз для ментальной, общественной, военной и иных видов безопасности. Итог — слом одного правопорядка и замена его дру-

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 48, ч. 4. Ст. 7312.

[2] Там же. 2021. № 27, ч. 2. Ст. 5351.

[3] Там же. 2022. № 46. Ст. 7977.

гим, «вписанным» в заранее заданный извне императив (на нормативном, управленческом и (или) ином уровнях).

Следовательно, сфера национальной культуры в современных условиях — это не только и не столько область, где удовлетворяются всевозможные потребности граждан в культурно-зрелищных и подобных им услугах, мероприятиях, а совершенно иная сфера, тесно связанная с национальной безопасностью, ее отдельными видами.

Новому пониманию роли культуры в жизни общества и государства способствовали и изменения в Конституции РФ 2020 года[4]. Наряду с ч. 2 ст. 44 Основного закона, закрепившего право каждого на участие в культурной жизни, на доступ к культуре, все большую роль начинают играть также положения ч. 4 ст. 68 (о культуре как наследии многонационального народа; об охране культуры государством), ст. 69 (о защите культурной самобытности народов и общностей России), ст. 114 (обеспечении социально ориентированной государственной политики в области культуры) и некоторые другие.

Однако действующий Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»[5] готовился в крайне либеральной частноправовой парадигме. Культурная деятельность в нем понимается как деятельность по сохранению, созданию, распространению и освоению культурных ценностей. Чьих именно, в каком объеме и с какой целью, из текста документа не ясно. Нередко подспорьем для получения ответа на ряд вопросов, возникающих в правоприменительной практике, являются отраслевые принципы. Но в анализируемом Законе их нет, а имеет место только задача по определению таких правовых принципов. Более чем за тридцатилетнюю историю действия Основ, они так и не появились.

Развязанная странами Запада против России гибридная (санкционная, информационная и др.) война показала истинное лицо тех, кто бьется за безграничные культурные права, их обеспечение в ущерб иным правам и охраняемым законом интересам (включая право на жизнь и здоровье, культурную идентичность, язык и др.).

Часть деятелей культуры с началом осуществления Россией Специальной военной операции проявили себя не самым лучшим образом[6]. Правоохранительные органы и законодатель были вынуждены принимать комплекс «точечных» мер, направленных на стабилизацию отношений в рассматриваемой области.

По-иному подошел к пониманию культурной деятельности законодатель в Республике Беларусь. Согласно ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о культуре от 20 июля 2016 года № 413-З[7], культурная деятельность — деятельность по созданию, восстановлению (возрождению), сохранению, охране, изучению, использованию, распространению и (или) популяризации культурных ценностей, предоставлению культурных благ, эстетическом воспитании граждан Республики Беларусь.

Во главе угла стоит гражданин, а не интересы бизнеса от культуры. Кроме того, здесь выпукло проявляются интересы общества и государства, т.е. публичные интересы.

Важнейшие, отправные положения реализуемой политики проявляются в правовых принципах. Первым среди них в ст. 2 закреплен принцип признания культуры в качестве одного с главных факторов самобытности белорусского народа, национальных общностей, которые проживают в Республике Беларусь, преемственностях поколений, а также в качестве основы для становления и развития личности.

Нельзя не обратить внимание и на принцип приоритета развития белорусской национальной культуры и признание белорусского языка одним из факторов формирования национального менталитета. А. П. Мельников по этому поводу писал следующее: «Культурный потенциал обеспечивает сохранение идентичности и самобытности народа, способствует упрочению национального самосознания и патриотизма...» [4, с. 81].

Близкие по сути формулировки мы можем найти в наших документах стратегического планирования, упомянутых выше, но не в базовом законе, призванном урегулировать отношения в сфере культуры.

Интересные находки с позиций исследуемых нами вопросов можно обнаружить и в законодательстве других стран. Так, Закон Республики Казахстан от 15 декабря 2006 года

[4] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/ Document/ View/0001202007040001.

[5] Российская газета. 1992. 17 нояб.

[6] Некоторые деятели впоследствии были признаны иноагентами; в отношении некоторых физических лиц возбуждались уголовные дела.

[7] URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk1600413&ysclid=mp83l7c6ao809509519.

№ 207 «О культуре»[8] выделяет культурное наследие народа Республики Казахстан как совокупность культурных ценностей, имеющих государственное значение, и принадлежащих Республике Казахстан. Также в нем обособляется общественно значимая литература, а именно, произведения, направленные на повышение духовно-образовательного и интеллектуально-культурного потенциала общества.

Имеются в анализируемом акте и принципы: государственной поддержки культуры, сохранения и развития культурного наследия народа Казахстана; создание правовых гарантий для сохранения исторического наследия казахского народа и этнических диаспор, развития и воспроизводства творческого потенциала общества.

Возвращаясь к Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, следует упомянуть прямое указание на дискредитацию русских языка и культуры.

Здесь уместно также будет упомянуть Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2025 г. № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации»[9]. Документ должен способствовать сохранению, развитию и поддержке русского языка, государственных языков республик РФ и других языков народов РФ, а также продвижению русского языка в мире.

В ряду направлений, задач, требующих оперативного решения, исследуемая Стратегия закрепляет: приобщение молодежи к культуре и традициям народов России; сохранение и развитие культуры межнациональных отношений; защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей; защита исторической правды и памяти; воспитание уважения к российской культуре; популяризация национального творчества; поддержание и развитие объектов культурного наследия, повышение внимания и интереса населения к ним; совершенствование подготовки специалистов в области культуры, в т. ч. культуры народов России.

В документе Россия рассматривается как самобытное государство-цивилизация, что требует реализации единой государственной политики, позволяющей достигать целей и задач государственного строительства, а также обеспечения безопасности с учетом как внутреннего, так и по внешнего контуров.

Впервые словосочетание «государство-цивилизация» появилось в Указе Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»[10]. Документ представляет Россию как самобытное государство-цивилизацию, сплотившее русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира.

Указ предполагает проведение активной культурной политики за пределами страны, что позволит, с одной стороны, нивелировать имеющиеся для нас угрозы, а с другой, продвигать достоверную информацию до граждан иностранных государств (об истории России, имеющихся достижениях в различных сферах деятельности и др.).

Всецело поддерживая основные положения указанных выше документов стратегического планирования, нельзя не обратить внимания на следующее. В правовом государстве даже прямые административные (управленческие) решения реализуются в границах (по компетенции, кругу субъектов, средствам и др.), установленных законодательством. В основном же в культуре и многих других областях, сферах используются косвенные методы и средства регулирования. В них роль нормативных правовых и иных актов нередко еще выше. Конфликты разрешаются в основном в судах, руководствующихся нормами материального права, подлежащими применению по делу.

Документы стратегического планирования, в том числе и Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года — важный документ, принятый в форме Указа Президента РФ в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[11].

Если строго следовать вертикальной иерархии источников — актов той или иной отрасли права или законодательства, то большинство важнейших норм, направленных на урегулирование общественных отношений в сфере культуры мы найдем в подзаконных актах (от Указов Президента РФ до постановлений Правительства РФ и приказов федеральных и региональных органов исполнительной власти). Однако эти акты могут закрыть далеко не все «лакуны» в регулировании, тем более, они не могут входить в противоречие с

[8] URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z060000207.

[9] Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 28. Ст. 3958.

[10] Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 14. Ст. 2406.

[11] Там же. 2014. № 26, ч. 1. Ст. 3378.

нормами федеральных законов, в частности, Закона РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». Потому особо остро стоят вопросы ограничений и запретов, а также позитивных обязываний для субъектов и участников исследуемой области, сферы деятельности.

Не исключаю, что будет меняться подход к пониманию роли и места документов стратегического планирования в имеющейся «системе координат» (особое место в системе, их срочный характер, предполагает наличие изменений в федеральных законах и др. [6]). Процитирую важную мысль авторов научной публикации К. А. Чуйченко, Н. М. Кропачева и В. Е. Кондурова по этому поводу: «... Будь такого рода документы лишь пустой декларацией, вряд ли можно было считать сколь-либо обоснованным проведение мониторинга, оценку эффективности реализации его положений» [12, с. 160]. И еще на одно немаловажное их замечание не могу не обратить внимания. Авторы указывают на обязанность соответствующих лиц по осуществлению действий, направленных на принятие новых нормативных правовых актов, а также ревизию старых.

Эффективная реализация положений как исследуемой нами Стратегии, так и иных новейших документов, касающихся целого ряда политик (в области культуры, языка, безопасности, внешней политики и др.), затруднительна без положительного решения вопроса о разработке и принятии Федерального Закона «О культуре»[12].

Этот вопрос ставился на обсуждение и раньше, но к настоящему времени, на наш взгляд, накопились также проблемы и концептуального, и юридико-технического характера, что вновь актуализирует его.

И. А. Старостина рассмотрела вопрос в контексте современного развития российского права в направлении социально-гуманитарных вопросов на основе нового баланса основных интересов [11].

В. Г. Елизаров на одном из круглых столов, посвященным улучшению законодательства о культуре, привел основные тезисы «за» разработку и принятие нового федерального закона [2, с. 2].

На существенную роль законодательных и иных мер, направленных на защиту прав этносов и индивидов в области культуры, языка, доступа к культурным ценностям, обратили внимание и ученые-юристы из Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ [1, с. 36].

Неоднократно вопрос ставился на обсуждение в профильном комитете Государственной Думы РФ, но все время находились лоббисты, для которых сохранение «статус кво», то есть личных и внутрикорпоративных интересов выше интересов общественных и государственных.

С начала ведения против России санкционной войны, тем более с 2022 года, ситуация начала меняться. В настоящее время имеются предпосылки для начала реальной подготовки нового закона, посредством которого будут гармонизированы частные и публичные интересы в сфере культуры, в том числе появятся правовые средства, способствующие обеспечению отдельных видов безопасности.

Анализ лучших зарубежных практик правового регулирования сферы культуры, обеспечения эффективной государственной политики в области культуры, позволяет нам при разработке концепции законопроекта, а также его структуры во многом опереться на опыт Республики Беларусь. Однако основным «камнем преткновения» на начальном этапе работы будет определение предмета его регулирования. Наши современные документы стратегического планирования свидетельствуют о широком подходе к понятию сферы культуры. Из этого же исходили и наши коллеги в союзном государстве — Республике Беларусь. Согласно ст. 5 Кодекс Республики Беларусь о культуре от 20 июля 2016 года № 413-З, им регулируются отношения как в части организации культурного отдыха (свободного времени) населения, сохранения и использования культурных ценностей, так и по эстетическому воспитанию граждан. Подпадает под его действие библиотечное дело, кинематография и др. В России ряд направлений, традиционно относимых (исторически, а также в других странах), к сфере культуры, «выпали» в девяностые годы XX века из нее.

[12] Наименование условное, может быть также: ФЗ «О государственной политике в области культуры»; «О государственной культурной политике».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васильева Л. Н., Жуков Д. В., Лещенков Ф. А. Защита культурного наследия в России и за рубежом // Вестник Московского университета. Серия 26: Государственный аудит. — 2024. — № 2. — С. 35—57.

2. Елизаров В. Г. Зачем нужен новый Закон «О культуре» // Культурологический журнал. — 2021. — № 1. — С. 2—3.

3. Ильницкий А. М. Ментальная война России // Военная мысль. — 2021. — № 8. — С. 19—33.

4. Мельников А. П. Кодекс Республики Беларусь о культуре: социально-политические аспекты // Беларуская Думка. — 2016. — № 12. — С. 80—85.

5. Мохов А. А. Ментальная безопасность и ментальный иммунитет: организационно-правовой аспект // Современное право. — 2023. — № 2. — С. 19—23.

6. Мохов А. А. Документы стратегического планирования и их значение для гражданского и семейного права России // Известия Юго-Западного университета. Серия: История и право. — 2025. — № 4. — С. 124—135. — DOI: 10.21869/2223-1501-2025-15-4-124-136.

7. Понкин И. В. Об очередном враждебном в отношении России документе США // Вопросы культурологии. — 2023. — № 1. — С. 44—58.

8. Понкин И. В. Стратегия национальной безопасности США // Ветеранские вести. — 2025. — 5 дек. — URL: https://vvesti.com/politika/strategia-nacionalnoj-bezopasnosti-ssa.

9. Сидоров П. И. Ментальный иммунитет как биопсихосоциодуховная матрица идентичности и основа безопасности личности и общества // Экология человека. — 2015. — Т. 22, № 12. — С. 42—52.

10. Сидоров П. И. Синдром приобретенного ментального иммунодефицита // Медицинский академический журнал. — 2015. — Т. 15, № 4. — С. 82—95.

11. Старостина И. А. Новый закон о культуре: конституционно-правовой дискурс // Законодательство. — 2019. — № 8. — С. 50—55.

12. Чуйченко К. А., Кропачев Н. М., Кондуров В. Е. Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте современной правовой политики // Правоведение. — 2024. — Т. 68, № 2. — С. 156—165.

REFERENCES

1. Vasileva L. N., Zhukov D. V., Leshchenkov F. A. Protection of Cultural Heritage in Russia and Abroad. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 26: Gosudarstvennyi audit = Bulletin of Moscow University. Series 26: State Audit*, 2024, no. 2, pp. 35—57. (In Russian).

2. Elizarov V. G. Why Do We Need a New Law "on Culture"? *Kulturologicheskii zhurnal = Journal of Cultural Research*, 2021, no. 1, pp. 2—3. (In Russian).

3. Ilnitskii A. M. Mental Warfare in Russia. *Voyennaya mysl = Military Thought*, 2021, no. 8, pp. 19—33. (In Russian).

4. Melnikov A. P. The Code of the Republic of Belarus on Culture: Socio-Political Aspects. *Belaruskaya dumka = Belarusian Thought*, 2016, no. 12, pp. 80—85. (In Russian).

5. Mokhov A. A. Mental Security and Mental Immunity: Organizational and Legal Aspects. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2023, no. 2, pp. 19—23. (In Russian).

6. Mokhov A. A. Strategic Planning Documents and Their Significance for Russian Civil and Family Law. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law*, 2025, no. 4, pp. 124—135. (In Russian). DOI: 10.21869/2223-1501-2025-15-4-124-136.

7. Ponkin I. V. On the Next US Document Hostile to Russia. *Voprosy Kulturologii*, 2023, no. 1, pp. 44—58. (In Russian).

8. Ponkin I. V. National Security Strategy of the United States of America. *Veteranskie Vesti*, 2025, Dec. 5. (In Russian). URL: https://vvesti.com/politika/strategia-nacionalnoj-bezopasnosti-ssa.

9. Sidorov P. I. Mental Immunity as a Bio-Psycho-Social-Spiritual Matrix of Identity and Personality and Society Safety Basis. *Ekologiya cheloveka = Human Ecology*, 2015, vol. 22, no. 12, pp. 42—52. (In Russian).

10. Sidorov P. I. Original Ideas and Discussions Acquired Mental Immunodeficiency Syndrome. *Meditsinskii akademicheskii zhurnal = Medical Academic Journal*, 2015, vol. 15, no. 4, pp. 82—95. (In Russian).

11. Starostina I. A. The New Law on Culture: Constitutional and Legal Discourse. *Zakonodatelstvo = Legislation*, 2019, no. 8, pp. 50—55. (In Russian).

12. Chuichenko K. A., Kropachev N. M., Kondurov V. E. Traditional Russian Spiritual and Moral Values in the Context of Modern Legal Policy. *Pravovedenie*, 2024, vol. 68, no. 2, pp. 156—165. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мохов Александр Анатольевич (Москва) — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1; e-mail: med-farm-law@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mokhov, Alexander A. (Moscow) — Dr. Sci. (Law), Professor, Chief Researcher at the Research Center, All-Russian State University of Justice, (2/1 Azovskaya St., Moscow, 117638, Russia; e-mail: med-farm-law@mail.ru).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 340:004.8

А. В. Бычков
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-4877-8914
ResearcherID: AAS-3630-2021

А. М. Бычкова
Автономная некоммерческая организация
«Лаборатория права искусственного интеллекта»,
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8233-9520
ResearcherID: AAO-7496-2020

СПОСОБЕН ЛИ ПРОЕКТ ЗАКОНА «ОБ ОСНОВАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕР ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» СТАТЬ «ИИ-КОНСТИТУЦИЕЙ»?

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 2. — С. 37—53.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.4.37-53.
Дата поступления 10.05.2026, дата принятия к печати 01.06.2026, дата онлайн-размещения 05.06.2026.

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», прошедший публичное обсуждение в марте-апреле 2026 года. На основе сопоставления первоначальной редакции, поступивших замечаний (более 400 комментариев) и официальных ответов разработчика — Минцифры России — выявляются ключевые правовые проблемы законопроекта. Рассматриваются дефекты понятийного аппарата, отсутствие классификации ИИ-систем по уровням риска, противоречия между декларируемым технологическим суверенитетом и реальными требованиями к «суверенным» моделям, риски монополизации через реестр доверенных моделей. Особое внимание уделено анализу прав граждан: сужение права на отказ только до государственных услуг, исключение досудебного обжалования, отсутствие права на объяснение алгоритмических решений. Исследуется эволюция норм об ответственности, анализируются спорные положения о маркировке синтезированного контента, инфраструктурных льготах для центров обработки данных, а также полный отказ разработчика от статьи 14, предусматривавшей мониторинг рисков ИИ. Авторы приходят к выводу, что законопроект в его доработанной редакции не только не справляется с задачей стать полноценной «ИИ-конституцией», но и демонстрирует регресс

по сравнению с исходной версией: права граждан оказались существенно урезаны, мониторинг ликвидирован, а ключевые вопросы по-прежнему адресуются подзаконному регулированию. Требуется концептуальная переработка акта с ориентацией на лучшие международные стандарты и восстановление баланса между инновациями, безопасностью и фундаментальными правами человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Искусственный интеллект, законопроект об искусственном интеллекте, правовое регулирование искусственного интеллекта, суверенные ИИ-модели, доверенные ИИ-модели, права граждан, ответственность в сфере искусственного интеллекта, маркировка ИИ-контента, синтетические данные, мониторинг рисков.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бычков А. В., Бычкова А. М. Способен ли проект закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» стать «ИИ-конституцией»? // Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 2. — С. 37—53. — DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.4.37-53.

UDC 340:004.8

A. V. Bychkov
Irkutsk Institute (Branch),
All-Russian State University of Justice,
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-4877-8914
ResearcherID: AAS-3630-2021
A. M. Bychkova
Autonomous non-profit organization
«Artificial Intelligence Law Laboratory»,
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-8233-9520
ResearcherID: AAO-7496-2020

IS THE DRAFT LAW "ON THE FUNDAMENTALS OF STATE REGULATION OF THE SPHERES OF APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE RUSSIAN FEDERATION" CAPABLE OF BECOMING AN "AI CONSTITUTION"?

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2026, no. 2, pp. 37—53.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.4.37-53
Received 10.05.2026, accepted 01.06.2026, available online 05.06.2026.

ABSTRACT

The article analyzes the draft Federal Law "On the Fundamentals of State Regulation of the Spheres of Application of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation", which underwent public discussion in March—April 2026. Based on a comparison of the initial version, the submitted comments (over 400 remarks), and the official responses of the developer — the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation — the study identifies key legal problems of the draft law. The analysis covers defects in the conceptual apparatus, the absence of a risk-based classification of AI systems, contradictions between the declared technological sovereignty and the actual requirements for

"sovereign" models, and the risks of monopolization through the register of trusted models. Special attention is paid to the analysis of citizens' rights: the narrowing of the right to refuse AI solely to public services, the exclusion of pre-trial appeal, and the absence of the right to an explanation of algorithmic decisions. The evolution of liability norms is examined; controversial provisions on the labeling of synthesized content, infrastructural benefits for data processing centers, as well as the developer's complete abandonment of Article 14 (which had provided for AI risk monitoring) are analyzed. The authors conclude that the revised version of the draft law not only fails to become a full-fledged "AI constitution" but also demonstrates regression compared to the initial version: citizens' rights have been significantly curtailed, monitoring has been eliminated, and key issues continue to be delegated to subordinate regulatory levels. A conceptual revision of the act is required, oriented toward best international practices and the restoration of a balance between innovation, security, and fundamental human rights.

KEYWORDS

Artificial intelligence, AI draft law, legal regulation of artificial intelligence, sovereign AI models, trusted AI models, citizens' rights, liability in the field of artificial intelligence, AI content labeling, synthetic data, risk monitoring.

FOR CITATION

Bychkov A. V., Bychkova A. M. Is The Draft Law "On the Fundamentals of State Regulation of the Spheres of Application of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation" Capable of Becoming an "AI Constitution"? *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 2, pp. 37—53. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.4.37-53.

Введение

20-е годы текущего столетия без преувеличения можно назвать периодом расцвета разработки и принятия нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения, связанные с искусственным интеллектом.

Первым в мире комплексным нормативным правовым актом в этой сфере Закон ЕС об ИИ, поэтапно вступающий в силу с 1 августа 2024 года[1]. 4 июня 2025 г. в Японии вступил в силу «Закон о содействии исследованиям, разработкам и использованию технологий, связанных с ИИ»[2], 18 января 2026 г. — Закон Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте»[3]; 22 января 2026 г. — Закон Южной Кореи об искусственном интеллекте (AI Basic Act, «Основополагающий закон о развитии искусственного интеллекта и о создании фундамента для доверия»)[4]; 1 марта 2026 г. — Закон Вьетнама об ИИ № 134/2025/QH15[5].

В информационном поле Российской Федерации присутствуют сведения о трех законопроектах, полные тексты двух из которых («О регулировании систем искусственного интеллекта в Российской Федерации»[6] и «О безопасном использовании систем искус-

[1] Официальный сайт Европейского Союза. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689.

[2] e-Gov. URL: https://laws.e-gov.go.jp/law/507AC0000000053/20250903_000000000000000.

[3] Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230.

[4] URL: https://aibasicact.kr/.

[5] URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/EN/Cong-nghe-thong-tin/Law-134-2025-QH15-Artificial-Intelligence/689735/tieng-anh.aspx.

[6] Законопроект создан «профильной рабочей группой, в которую входят юристы, представители консалтинговых компаний и участников рынка, развивающих ИИ», а также зампред комитета Государственной Думы РФ по информационной политике А. Н. Свинцов, сообщивший, что целью деятельности рабочей группы является проработка и внимательное, детальное изучение всех запросов от различных отраслей (В России обсудят запрет ИИ «с угрожающим уровнем риска». Кто должен нести ответственность за вред, нанесенный технологией человеку // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/11/04/2025/67f7dc399a79477fdd97bf30). О законопроекте сообщил сайт РБК, в открытом доступе в интернете полный текст законопроекта не выявлен.

ственного интеллекта»[7]) относятся к 2025 г. и не размещены в свободном доступе и третий — проект 2026 г. «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» — выложен на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов[8]. Проект подготовлен Минцифры России, прошел стадию публичного обсуждения (18 марта 2026 г. — 15 апреля 2026 г.) и независимой антикоррупционной экспертизы (18 марта 2026 г. — 25 марта 2026 г.). С высокой долей вероятности именно проект Минцифры будет представлен в Государственную Думу для дальнейшего законодательного процесса, поэтому основной вектор внимания в нашей статье мы обращаем именно на проектируемые в нем положения.

В марте-апреле 2026 года Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (далее также — Минцифры, Разработчик) вынесло на публичное обсуждение проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации». Целями будущего закона обозначены создание правовых условий для ускоренного развития и внедрения технологий ИИ, обеспечение безопасности личности, общества и государства, а также государственного технологического суверенитета. Это событие стало важным этапом формирования отечественной правовой архитектуры в области искусственного интеллекта (ИИ).

Настоящая статья представляет собой доктринальный анализ наиболее значимых правовых проблем, выявленных в ходе публичного обсуждения, и оценку промежуточных решений Разработчика[9]. Исследование базируется на сопоставлении первоначальной редакции законопроекта (по состоянию на 18 марта 2026 г.), анализе замечаний и предложений участников и официальных ответов Разработчика — Минцифры России. Методологическую основу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и телеологический методы.

Общая характеристика поступивших замечаний

Обсуждение вызвало беспрецедентный резонанс: поступило 428 комментариев от бизнес-ассоциаций, государственных корпораций, отраслевых союзов, профессиональных объединений, юридических бюро, индивидуальных предпринимателей, научных и экспертных организаций, некоммерческих организаций, граждан.

Характер замечаний варьировался от юридико-технических правок до принципиальной критики концептуальных основ законопроекта. В ходе общественного обсуждения наиболее часто высказывались замечания о *чрезмерном делегировании полномочий Правительству* (более 70 %), *дефектам понятийного аппарата* (65 %), *декларативности ответственности и «презумпции виновности»* (80 %), *рисках технологической изоляции из за требований к «суверенным» моделям* (60 %), а также *о недостаточных гарантиях прав граждан* (50 %). Значительная критика была направлена на *реестр «доверенных моделей» как угрозу монополизации* (45 %), *правовую неопределённость в сфере интеллектуальной собственности* (40 %), *лазейки в маркировке синтезированного контента* (45 %), *отсутствие реального риск-ориентированного подхода* (50 %) и *экономические барьеры для малого и среднего бизнеса* (30 %). Кроме того, фиксировались замечания об ограничении доступа к трансграничным ИИ-решениям, *коррупциогенных факторах, отсутствии специального режима для образования, отсутствии экологических требований* (порядка 20 %) и *неучёте отраслевой специфики* (20 %).

Первое концептуальное замечание к законопроекту касается его названия. В ходе публичного обсуждения проекта федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» неоднократно высказывалась критика несоответствия его наименования действительному содержанию. Участники экспертного сообщества указали, что законопроект регулирует не только «сферы применения», но и разработку, внедрение, эксплуатацию, а также правовой статус моделей, систем и сервисов искусственного интеллекта и отношения между субъектами. Отмечалось,

[7] Законопроект подготовлен в 2025 году группой по разработке федерального законодательства в сфере искусственного интеллекта под руководством сенатора РФ В. И. Кожина. В. Б. Наумов сообщает о том, что «9 декабря 2025 г. на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека с участием Президента РФ о законопроекте было заявлено публично и началось его обсуждение с представителями науки, бизнеса и органами государственной власти» [2], однако в открытом доступе полный текст данного законопроекта отсутствует.

[8] URL: https://regulation.gov.ru/projects/166424/.

[9] В статье использованы материалы Федерального портала проектов нормативных правовых актов (URL: https://regulation.gov.ru/projects/166424/).

что термин «технологии искусственного интеллекта» неоправданно сужает предмет регулирования, тогда как основное содержание посвящено более широкому кругу вопросов, включая права и обязанности разработчиков, операторов, владельцев и пользователей. В качестве альтернативы предлагались новые наименования, например: «Об основах государственного регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации» или «Об основах государственного регулирования в сфере искусственного интеллекта в Российской Федерации». Приведение названия в соответствие с реальным содержанием рассматривается как необходимая юридико-техническая мера, направленная на повышение правовой определённости и устранение коллизий при отсылках в иных нормативных актах.

Кроме того, выскажем собственное мнение о противоречии содержания текста законопроекта и его декларировании Разработчиком как «рамочного». Подразумевается, что данный закон должен стать своего рода ИИ-конституцией, положения которого должны быть учтены в отраслевом законодательстве. В ходе обсуждения высказывались предложения о необходимости закрепления тех или иных позиций в сфере образования, здравоохранения, судопроизводства, однако все они отвергались Разработчиком на том основании, что представленный ими законопроект носит «рамочный характер». Между тем, в законопроекте присутствует обширная группа норм, посвященных интеллектуальной собственности (ст. 13)[10], а также сфере продажи товаров и оказания услуг (ст. 9). С юридико-технической точки зрения в этому случае было бы логичнее назвать законопроект «Об основах государственного регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

[10] Замечания по поводу проектируемых норм относительно интеллектуальной собственности в контексте ИИ обширны, однако в рамках настоящего исследования не рассматриваются. Авторы полагают, что данные нормы некорректно включены в законопроект, позиционируемый как «рамочный» (их место в Разделе VII ГК РФ), а критический анализ этих норм заслуживает отдельной статьи по научной специальности «Частно-правовые (цивилистические) науки». В данной статье мы сосредоточимся на нескольких аспектах, выделенных нами в качестве наиболее значимых.

Понятийный аппарат: между определённостью и технологической нейтральностью

Статья 3 законопроекта содержит определения ключевых понятий. В ходе обсуждения критике подверглись как отсутствие технических критериев, так и введение оценочных категорий. Приведем примеры двух из них.

Определение искусственного интеллекта. Разработчики законопроекта воспроизвели в нем определение искусственного интеллекта из Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490: «Искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их».

Однако это определение, основанное на так называемом антропоморфном подходе, справедливо критикуется. Например, начальник Центра машинного обучения Военного инновационного технополиса «ЭРА» А. Привалов пишет: «Грудной младенец — это человек? Ответ — да! Каковы когнитивные функции грудного младенца? — полагаю, от "искусственного интеллекта" мы ждём чего-то большего», кроме того, «... кто будет определять, насколько результаты выполнения конкретных задач «комплексом технологических решений» сопоставимы с результатами интеллектуальной деятельности человека? — а если мнения авторитетных экспертов кардинально разойдутся?».

Основным контраргументом Разработчика является то, что эти понятия используются в соответствии с Национальной стратегией развития ИИ. Однако разве не повод при разработке закона не настаивать на незыблемости устоявшегося определения, а переосмыслить его?[11] Так, В. Б. Наумов излагает принципиально иной, на наш взгляд, вполне обоснованный подход: «Предлагается ввести так называемую "двуединую" (двухчастную) конструкцию, определяющую взаимосвязь

[11] Более того, и сама «Стратегия» находится в процессе развития, о чем свидетельствует ряд внесенных в нее серьезных изменений.

между подходами, как в различных сферах жизнедеятельности понимается искусственный интеллект: искусственный интеллект — *технология*, обеспечивающая автоматизацию обработки и генерации информации, анализа данных, поиска и автономного принятия решений в различных областях деятельности, а также *совокупность знаний и методов*, содержащих теоретические и практические основы создания, функционирования, развития и регулирования таких технологий; система искусственного интеллекта — *информационная система*, созданная на основе искусственного интеллекта, способная обеспечивать имитацию принятия решений и (или) действий человека, включая создание за него информации вне зависимости от форм ее представления» [2, с. 12].

«Эксплуатация уязвимостей человека» в п. 4 ст. 3 исходной редакции законопроекта определялась как «использование особенностей физического лица или группы лиц (включая возрастные, психологические, когнитивные, социально-экономические, физические особенности, а также временные состояния) для целенаправленного воздействия на поведение, принятие решений или получение несанкционированного доступа к информации, причиняющего или способного причинить вред». Однако восприняв возражения о том, что эта формулировка может быть истолкована как «запрет многих персонализированных сервисов — от рекомендательных систем до психологического консультирования», Разработчик легко отказался от нее. Можно ли трактовать это как разрешение разрабатывать и использовать системы ИИ, которые причиняют или способны причинить вред — ведь ключевым критерием этого определения являлось именно указание на потенциальные или реальные последствия[12]? Безусловно прав В. А. Вайпан, полагающий необходимым в целях предотвращения рисков «... запретить создавать и использовать ИИ-технологии, основанные на манипулировании, дезинформации или обмане, а также эксплуатирующие слабости и уязвимости человека, связанные с его ограниченными возможностями, расовыми различиями, неудовлетворительным социально-экономическим положением и т. п.» [1, с. 9].

Отсутствие классификации по уровням риска

В отличие от EU AI Act, который делит ИИ-системы на четыре категории риска (неприемлемый, высокий, ограниченный, минимальный), российский законопроект не вводит такой классификации. Разработчик ограничился статьёй 5, предписывающей оценивать при принятии нормативных правовых актов «1) назначение технологий ИИ; 2) вероятность рисков причинения вреда (ущерба) и масштаб причиняемого ущерба в связи с применением технологий ИИ; 3) степень автономности систем ИИ; 4) степень влияния систем ИИ на принятие юридически значимых действий; 5) категорию обрабатываемой информации (общедоступная информация или информация ограниченного доступа или иная информация)».

С точки зрения юридической техники, это не классификация, а лишь перечень критериев. Отсутствие в самом законе заранее определённых категорий риска потенциально означает, что каждый отраслевой закон или подзаконный акт будет формировать свою классификацию и свои категории. Это создаёт неопределённость и не позволяет разработчикам заранее планировать свою деятельность.

Следует отметить, что предложения ряда участников (С. С. Бабаев, Д. О. Вострецов и др.) ввести прямое деление на уровни риска были отклонены. Разработчик мотивировал это тем, что в связи со спецификой различных отраслей единая классификация невозможна. Однако это возражение не является убедительным: EU AI Act с его единой классификацией применяется во всех государствах-членах, несмотря на отраслевое разнообразие. Полагаем, что отказ от классификации — это упущенная возможность имплементировать лучшие мировые практики.

Технологический суверенитет или самоизоляция?

Статья 7 законопроекта, посвящённая суверенным и национальным большим фундаментальным моделям ИИ, изначально содержала жёсткие требования локализации: все стадии разработки, обучения и эксплуатации — на территории РФ; все участники — граждане РФ и российские юридические лица; обучение — только с использованием наборов данных, формирование которых осуществляется на территории РФ гражданами РФ и российскими юридическими лицами.

[12] Отметим, что в EU AI Act «размещение на рынке, ввод в эксплуатацию или использование системы искусственного интеллекта, которая эксплуатирует уязвимость...» относятся к запрещенным методам ИИ, тогда как в России разработчик полагает правильным исключить это определение из законопроекта, который заявлен как «рамочный».

Дополнительно давалось узкое определение российского юридического лица[13].

Такая конструкция вызвала шквал критики как с практической, так и с принципиальной точки зрения. Во-первых, она не учитывает глобальный характер ИИ-разработки: использование открытых фреймворков (PyTorch, TensorFlow), международных библиотек и предобученных моделей (LLaMA, Mistral) стало стандартом индустрии. Требование полной локализации делает создание суверенных моделей либо невозможным, либо чрезвычайно затратным. Во-вторых, как отметил Т. И. Валеев, такая норма противоречила бы заявленным в других статьях целям международного сотрудничества (статьи 15—16 первоначальной редакции). В-третьих, возникал риск дискриминации открытой науки и open-source[14].

Разработчик доработал статью 7: исключено требование о необходимости обучения суверенных больших фундаментальных моделей ИИ и национальных больших фундаментальных моделей ИИ на всех стадиях на территории России, а также обучения исключительно на отечественных наборах данных (не содержится запрета на использование открытых компонентов).

Это компромисс, который можно оценить положительно. Однако остаются вопросы, среди которых главный — в чем же все-таки отличия между суверенной большой фундаментальной моделью ИИ *и* национальной большой фундаментальной моделью ИИ. Разработчик разделил их союзом «и», однако в п. 2 ст. 7 проекта к ним предъявляется одинаковый набор требований. Ответ Разработчика на этот часто звучавший вопрос более чем странный: «Дополнительные требования к суверенным и национальным большим фундаментальным моделям ИИ будут определены на уровне акта Правительства РФ, *в том числе будут установлены различия между такими моделями*». Если у Разработчика имеется представление о том, что это разные модели, почему бы не изложить это представление в проектируемых нормах будущего закона, а не делегировать это на уровень подзаконных актов?

В законопроекте поставлен акцент на *сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей:* наряду с обеспечением технологической независимости это обозначено одной из целей поддержки внедрения суверенных и национальных больших фундаментальных моделей ИИ. При этом в первоначальной редакции законопроекта предлагался и механизм проверки соответствия моделей этим ценностям: к полномочиям Правительства РФ относилось «определение уполномоченного органа (экспертной организации) по формированию критериев соответствия моделей, систем, сервисов искусственного интеллекта традиционным российским духовно-нравственным ценностям, а также определение порядка его деятельности». Однако в ответ на критику Комиссии Ассоциации юристов России по новым технологиям и правовому обеспечению цифровизации общества («... на сегодняшний день как у государства, так и у бизнеса, гражданского общества отсутствует запрос на необходимость появления подобных структур в аспекте использования искусственного интеллекта») Разработчик ответил, что «положения об органе (экспертной организации) по формированию критериев соответствия моделей, систем, сервисов ИИ традиционным российским духовно-нравственным ценностям исключены». В итоге практическая реализация установления соответствия модели данным ценностям вообще осталась за рамками законопроекта, что создает правовую неопределенность и в этом вопросе.

Реестр доверенных моделей: безопасность vs. конкуренция

Статья 8 первоначально требовала, чтобы к применению в государственных информационных системах и на значимых объектах критической инфраструктуры (КИИ), «принадлежащих государственным органам и государственным учреждениям, и предприятиям»[15] допускались только модели, включённые

[13] («... если иное не предусмотрено международным договором РФ, находится под контролем РФ, и (или) субъекта РФ, и (или) муниципального образования, и (или) гражданина РФ, не имеющего гражданства другого государства, и (или) контролируемых ими совместно или по отдельности лиц». При этом под контролем понималась «возможность определять решения, принимаемые юридическим лицом, в силу наличия права прямо или косвенно распоряжаться более чем 50 % общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли), составляющие уставный капитал данного юридического лица».

[14] Open-source в контексте искусственного интеллекта (ИИ) — это подход к разработке, при котором ключевые компоненты систем ИИ доступны для свободного использования, изучения, модификации и распространения. Такой подход способствует прозрачности, сотрудничеству и ускорению инноваций.

[15] Сохранена пунктуация первоначального текста законопроекта.

в реестр доверенных моделей (доверенные модели ИИ). Для внесения в реестр модель должна отвечать требованиям безопасности (получить подтверждение Федеральной службы по техническому и экспортному контролю и ФСБ), обрабатывать данные исключительно на территории РФ и иметь подтверждение качества отраслевыми органами.

Критики (М. В. Малышев, Л. Н. Москвитина, Ассоциация больших данных, Аналитический отчёт, Ассоциация предприятий компьютерных и информационных технологий (АПКИТ), Ассоциация «Инфарма», АНО «Агентство инвестиционно-промышленных решений»», ПАО «ВымпелКом», ПАО «Россети») указывали, что такой механизм создаёт высокий административный барьер, который могут преодолеть только крупные игроки. Малые и средние разработчики, университетские лаборатории, стартапы не имеют ресурсов для прохождения сертификации ФСТЭК/ФСБ, которая требует значительных затрат и времени. Это приведёт к монополизации рынка госзакупок ИИ.

Разработчик частично учёл критику: *сужена сфера применения* — требование о доверенных моделях теперь распространяется *только на большие фундаментальные модели ИИ* и только на значимых объектах КИИ РФ, принадлежащих государственным органам, государственным корпорациям, государственным учреждениям и государственным унитарным предприятиям, а также в государственных информационных системах, осуществляющих обработку персональных данных и иной информации ограниченного доступа и (или) используемых государственными органами для реализации социально значимых государственных функций, при условии включения в реестр доверенных моделей искусственного интеллекта. Кроме того, Правительство по предложению отраслевых федеральных органов исполнительной власти, государственных корпораций, Банка России в соответствующих отраслях вправе установить случаи обязательного использования (в банковской сфере и иных сферах финансового рынка — по согласованию с Центральным банком РФ) больших фундаментальных моделей ИИ, включенных в реестр доверенных моделей ИИ, в государственных информационных системах, не входящих в приведенный выше перечень, а также на значимых объектах критической информационной инфраструктуры РФ для: 1) осуществления обработки информации ограниченного доступа, за исключением коммерческой или банковской тайны; 2) принятия автономных (без участия человека) решений; 3) реализации социально значимых государственных функций.

Требование об обработке данных исключительно на территории РФ сохранено — Разработчик мотивирует это государственной информационной безопасностью.

Права граждан между декларацией и демонтажем

Статья 9 в редакции, вынесенной на публичное обсуждение, выглядела как попытка закрепить базовые права граждан при взаимодействии с ИИ. Она включала четыре ключевых элемента: (1) обязанность продавца или исполнителя информировать о применении ИИ при продаже товаров или услуг без участия человека; (2) обязанность любого лица, принимающего автономное решение, затрагивающее права гражданина, уведомлять его об этом; (3) право гражданина отказаться от использования ИИ при получении услуг в случаях, установленных Правительством, с гарантией альтернативного «человеческого» канала; (4) право на досудебное обжалование решений госорганов, принятых с использованием ИИ; (5) право на компенсацию вреда по ГК РФ.

Формально это создавало впечатление, что Разработчик озабочен судьбой человека в цифровую эпоху. Однако уже в первоначальном тексте звучали тревожные сигналы. Обязанность информирования не сопровождалась требованием понятного объяснения — гражданину просто сообщали факт использования ИИ, но не раскрывали логику принятого решения. Право на отказ ставилось в зависимость от будущих актов Правительства («в случаях, устанавливаемых...»), то есть не являлось безусловным. Досудебное обжалование ограничивалось только госорганами и организациями с государственным участием, оставляя «за бортом» частные платформы, банки и страховые компании, где ИИ сегодня принимает решения не менее значимые для человека. Уже на этом этапе было ясно, что статья 9 — скорее политическая декларация, чем работающий механизм.

В ходе публичного обсуждения поступило множество предложений, направленных на превращение прав граждан из формальных в реальные. Их можно сгруппировать в несколько направлений.

1. Требование «человека в контуре» для социально значимых решений. С. С. Бабаев (на основе инициатив платформы РОИ) предлагал дополнить статью 9 положением о том, что в сферах здравоохранения, правосудия, образования, назначения социальных выплат итоговое юридически значимое решение

должно приниматься непосредственно уполномоченным должностным лицом, а ИИ может использоваться только как вспомогательный инструмент. Это прямое заимствование из подхода ЕС к высокорисковым системам, где алгоритмический вывод не может быть единственным основанием для решения.

2. Право на содержательное объяснение. С. С. Бабаев, Д. О. Вострецов, И. Еременко и другие настаивали, что гражданин должен иметь право не просто на уведомление о факте применения ИИ, а на получение в доступной форме логики, основных факторов и критериев, повлиявших на решение. Без этого обжалование (даже если оно формально существует) становится фикцией — нельзя оспорить то, чего не понимаешь.

3. Расширение права на отказ. Участники требовали, чтобы отказ от ИИ был возможен не только в госуслугах, но и в любых отношениях с банками, страховыми компаниями, работодателями, платформами-агрегаторами. Особенно остро этот вопрос стоял в сфере найма, где алгоритмический скрининг резюме уже стал нормой, а дискриминационные практики документированы во многих странах.

4. Полноценное досудебное обжалование с правом пересмотра человеком. Предлагалось закрепить механизм, при котором гражданин мог бы требовать пересмотра решения, принятого с помощью ИИ, уполномоченным должностным лицом без использования ИИ, а также получать мотивированный ответ о том, почему алгоритм пришёл именно к такому выводу.

5. Критика оценочности и отсылок к подзаконным актам. Многие эксперты (Т. И. Валеев, О. С. Молибога и др.) указывали, что фразы «в случаях, устанавливаемых Правительством» делают право на отказ не правом, а возможностью, которую регулятор может никогда не реализовать. Это классическая уловка: создать видимость защиты, передав ключевое решение чиновникам, которые могут годами не принимать необходимых актов.

Разработчик в своих ответах на замечания использовал несколько стандартных приёмов, чтобы отклонить практически все предложения по усилению прав граждан.

Приём первый — «рамочный характер закона». На требования о детальной регламентации прав в образовании, здравоохранении, занятости Разработчик неизменно отвечал: «Специальные условия для развития искусственного интеллекта устанавливаются отраслевым законодательством с учётом специфики». Это означает, что закон об ИИ не будет содержать никаких конкретных гарантий — их якобы должны прописать в законах «Об образовании», «Об охране здоровья», Трудовом кодексе. Но ни один из этих законов на момент обсуждения не содержал таких норм, и сроков их внесения Разработчик не назвал. Фактически это отложенное обещание, которое может никогда не исполниться.

Приём второй — «общий порядок обжалования уже есть». Часть 4 статьи 9 (о досудебном обжаловании) была полностью исключена. Разработчик аргументировал это тем, что «обжалование действий должностных лиц органов власти осуществляется в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации». Но действующее законодательство не учитывает специфику ИИ: оно не требует от госоргана предоставлять объяснение алгоритма, не обязывает проводить пересмотр дела без использования ИИ, не устанавливает сокращённых сроков для таких споров. Исключение этой нормы — не упрощение, а сознательное лишение граждан дополнительного инструмента защиты.

Приём третий — сужение сферы отказа до госуслуг. Разработчик изменил часть 3 статьи 9 так, что обязанность обеспечить альтернативную услугу без ИИ теперь распространяется только на «органы государственной власти, органы местного самоуправления, подведомственные им учреждения и предприятия». Частный сектор полностью освобождён. В ответах это объяснялось тем, что «частного сектора указанное требование не касается». Но почему? Если банк использует ИИ для отказа в кредите, а гражданин не хочет полагаться на алгоритм, почему у него не должно быть права обратиться к кредитному специалисту-человеку? Разработчик просто снял с бизнеса эту обязанность, не предложив никакой альтернативы.

Приём четвёртый — превращение информирования в право Правительства. Часть 1 статьи 9 была переписана: из императивной обязанности информировать о применении ИИ она превратилась в норму, согласно которой «Правительство Российской Федерации вправе определить критерии» такой обязанности. То есть информирование может и не требоваться вовсе — если Правительство не сочтёт нужным устанавливать критерии. Это не усиление прав граждан, а их эрозия.

Таким образом, работая над первоначальным вариантом нормы после получения замечаний к статье 9, Разработчик последовательно ослаблял каждую (и без того нетвердую) гарантию. Обозначим, почему промежуточный вариант проектируемой нормы недопустим.

Во-первых, исключение досудебного обжалования — это прямое нарушение ло-

гики законопроекта. В статье 4 в качестве одного из принципов заявлено «верховенство прав, свобод и законных интересов человека и гражданина». Но нельзя говорить о «верховенстве», если гражданин лишается даже возможности быстро и без суда оспорить решение госоргана, которое, возможно, было принято ошибочным алгоритмом? Ссылка на «общий порядок» — лукавство. Общий порядок досудебного обжалования (например, по ФЗ № 59[16]) не требует от органа предоставлять объяснение логики ИИ, не предусматривает приостановления действия решения на время проверки, не обязывает проводить пересмотр человеком. Специальная норма была нужна именно потому, что общий порядок не учитывает специфику ИИ.

Во-вторых, сужение права на отказ до госуслуг — это капитуляция перед цифровым бизнесом. Частные компании (банки, маркетплейсы, каршеринги, работодатели) используют ИИ для принятия решений, которые могут разрушить жизнь человека: отказ в ипотеке, блокировка аккаунта, дисквалификация при найме, повышение тарифа на основе поведенческого скоринга. Законопроект не требует от них предоставлять альтернативу без ИИ. Гражданин оказывается в ловушке: он вынужден подчиняться алгоритму, даже если не доверяет ему. А если алгоритм ошибается, доказать это почти невозможно. Разработчик предпочёл защитить бизнес от дополнительных издержек, а не человека — от произвола кода.

В-третьих, отсутствие механизма реализации «права на отказ» даже в госуслугах: норма содержит оговорку «в случаях, устанавливаемых Правительством». Какие это будут случаи? Только те, где альтернатива без ИИ технически возможна и не слишком затратна? Скорее всего, Правительство установит такие случаи минимально, чтобы не создавать нагрузку на госорганы. Гражданин, который хочет получить паспорт или записаться к врачу без участия ИИ, может столкнуться с отказом.

В-четвертых, отказ от права на объяснение делает все остальные права фиктивными. Вы имеете право обжаловать решение — но не знаете, на каких основаниях оно принято. Вы имеете право на компенсацию вреда — но не можете доказать, что вред вызван именно дефектом алгоритма, а не вашими собственными действиями. Право на объяснение алгоритмических решений является фундаментальным для реализации других прав. Разработчик проигнорировал это, возможно, потому, что требование объяснения сложно технически и неудобно для бизнеса. Но закон потому и существует, чтобы устанавливать обязательства, а не следовать удобству.

В-пятых, превращение информирования из обязанности в право Правительства — это циничный приём. В первоначальной редакции информирование было обязательным всегда. Теперь оно ставится в зависимость от усмотрения Правительства. Правительство может просто не принять соответствующие критерии, — и норма становится замершей. Более того, закон не устанавливает даже минимальных требований к содержанию информирования — должно ли оно включать предупреждение о возможных ошибках ИИ, о вероятностном характере выводов, о праве на обжалование? Обычная надпись «на сайте используются алгоритмы» будет свидетельством того, что требование формально выполнено.

В-шестых, отказ от специальных гарантий в социально значимых сферах под видом «отраслевого регулирования» — это перекладывание ответственности. Разработчик говорит, что образование и здравоохранение должны регулироваться своими законами. Но эти законы не содержат и в ближайшие годы, скорее всего, не будут содержать норм об ИИ. А закон об ИИ, который как раз и призван заполнить этот пробел, уходит в сторону. В результате школы и больницы смогут внедрять ИИ-системы распознавания эмоций, автоматической проверки знаний, диагностики без каких-либо специальных ограничений. Дети будут подвергаться алгоритмическому контролю, пациенты — рисковать ошибочными диагнозами, а у родителей и пациентов не будет ни права на отказ, ни механизма обжалования. Разработчик предпочёл закрыть глаза на эту проблему.

Ответственность за вред, причинённый ИИ: от презумпции виновности к отсылочным нормам

В первоначальной версии статьи 11 конструкция ответственности звучала следующим образом: «Разработчик модели ИИ, оператор системы ИИ, владелец сервиса ИИ несут ответственность в соответствии с законодательством РФ за результат, полученный с использованием ИИ, нарушающий законодательство РФ, *при условии*, что указанные лица *заведомо знали или должны были знать о возможности* получения такого результата с

[16] О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : Федер. закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 19. Ст. 2060.

использованием модели, системы или сервиса ИИ, Разработчиком, оператором или владельцем которых они являются, если в результате *следственных действий* не будет доказано обратное». При этому указанный круг субъектов мог быть освобожден от ответственности в случае принятия «исчерпывающих мер» к предотвращению получения такого результата и соблюдения требований законодательства РФ при разработке модели, эксплуатации системы и предоставлении доступа к сервису ИИ. У оператора системы ИИ, возместившего вред, существовала возможность обратиться с регрессными требованиями к Разработчику. Эта конструкция вызывала обоснованную критику со стороны практикующих юристов, Разработчиков ИИ и научного сообщества.

Основные юридические пороки этой редакции виделись в следующем:

— невозможность для Разработчика стохастической модели доказать, что он «не должен был знать» о конкретном вредоносном сценарии — эффект чёрного ящика делает такую норму фиктивной;

— «исчерпывающие меры» — неопределённый стандарт, который на практике привёл бы к бесконечным спорам и заведомо завышенным требованиям, тормозящим инновации;

— регресс к Разработчику не учитывает, что модели ИИ могут дообучаться или дрейфовать после передачи — технически невозможно доказать, что недостаток существовал именно в момент передачи.

Минцифры России, столкнувшись с лавиной критики, пошёл на радикальный шаг: статья 11 была полностью переписана. Итоговая редакция состоит из трёх лаконичных частей:

«1. Лица, виновные в нарушении настоящего Федерального закона и принимаемых в соответствии с ним нормативных правовых актов, несут гражданскую, уголовную, административную и иную ответственность в соответствии с законодательством РФ. 2. В случае, если пользователь сервиса ИИ использует сервис с нарушением законодательства РФ, владелец сервиса не несет ответственность за такое использование при условии выполнения требований настоящего Федерального закона, иных федеральных законов и принимаемых в соответствии с ними нормативных правовых актов. 3. Оператор системы ИИ, владелец сервиса ИИ несут ответственность за обеспечение информационной безопасности соответственно системы ИИ, сервиса ИИ в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Однако демонтаж специальной ответственности не решает проблему, а лишь откладывает её. Общее законодательство не приспособлено для распределения ответственности в цепочке «Разработчик модели — интегратор — оператор системы — пользователь» при причинении вреда автономным ИИ. ГК РФ оперирует понятиями «изготовитель», «продавец», «владелец источника повышенной опасности», но не знает субъекта «Разработчик модели ИИ», который может не иметь никакого отношения к конечному использованию. Если беспилотный автомобиль (система ИИ) сбивает человека, кого привлекать? Разработчика алгоритма (который не контролирует сборку и настройку)? Интегратора (который адаптировал модель под конкретную марку)? Владельца автомобиля (который не может влиять на логику работы сети)? Суды будут вынуждены применять ст. 1064 ГК (общее основание для возмещения вреда) и ст. 1079 (источник повышенной опасности) по аналогии, что породит противоречивую практику и длительные споры.

Вторая проблема — отсутствие понятия «безопасность ИИ» как специального объекта регулирования. Отсылка к «законодательству об информационной безопасности» (ст. 11 ч. 3) не охватывает риски, связанные с содержательными решениями ИИ: ошибочный медицинский диагноз, дискриминация при выдаче кредита, неправильная классификация в системе видеонаблюдения. Это не «информационная безопасность» в смысле утечки данных или взлома, это предметные последствия применения ИИ. Для них в законе нет ни стандартов, ни ответственности, кроме общих норм о некачественных услугах или внедоговорном вреде — но снова с проблемой доказывания вины Разработчика.

Третья (системная) проблема — отсутствие дифференциации по типам систем. Крупная страховая компания, использующая проприетарную модель для скоринга миллионов клиентов, и студент, написавший простого чат-бота, подпадают под одни и те же отсылочные нормы. Закон не вводит сниженных стандартов для низкорисковых систем, но и не повышает требований для высокорисковых. Получается «регулирование одной меркой», что плохо.

Четвёртый риск — переложение ответственности на потерпевшего. Без специальной презумпции вины Разработчика и без правила о раскрытии информации об алгоритме (статья 9 содержит лишь право на информирование, но не на объяснение решения) гражданин, пострадавший от ИИ, оказывает-

ся в крайне слабой позиции. Он должен доказать, что именно Разработчик (который может находиться в другой юрисдикции или быть неустановленным) допустил небрежность при обучении модели — при том, что исходные данные и архитектура модели обычно являются коммерческой тайной. На практике это делает привлечение к ответственности почти невозможным.

Пятый аспект — уголовная ответственность. Отсылка к УК РФ без каких-либо уточнений означает, что, например, за причинение смерти по неосторожности при эксплуатации беспилотного автомобиля будет применяться ст. 109 УК. Но кому вменять эту неосторожность? Разработчику, который не мог предвидеть конкретные дорожные условия? Владельцу, который не имел доступа к исходному коду? Скорее всего, суды начнут привлекать к ответственности лиц, непосредственно управлявших (или обязанных управлять) транспортным средством, что при высоком уровне автономности противоречит самой идеи автопилота. Законопроект эту коллизию игнорирует.

Отдельно стоит отметить, что Разработчик в ответах на замечания неоднократно подчёркивал: «вопросы ответственности регулируются ГК, УК, КоАП». Это звучит как ответ на критику, но фактически является отказом от решения проблемы. Получается, что закон об ИИ декларирует важность безопасности и прав граждан, но не создаёт для этого работающих правовых механизмов. В отличие от EU AI Act, где для высокорисковых систем вводится обязательная оценка соответствия, пострегистрационный мониторинг и чёткое распределение ответственности между поставщиком, пользователем и импортёром, российский законопроект отдаёт всё это на откуп неопределённой судебной практике и общему законодательству, которое к ИИ не адаптировано.

Более того, отсылочная норма в части первой («лица, виновные в нарушении настоящего Федерального закона...») создаёт иллюзию наличия специальных составов. Но самого нарушения закона об ИИ без принятия подзаконных актов (требований к реестру, к маркировке, к информационной безопасности) почти не существует. То есть до тех пор, пока Правительство не утвердит соответствующие порядки, ответственность не наступит — и это ещё одна отсрочка.

Таким образом, изменения статьи 11 — это не шаг вперёд к продуманному режиму ответственности. Законопроект просто уходит от проблемы, оставляя её решение отраслевому законодательству и правоприменительной практике. Это может быть оправдано как временная мера (пока отрасль не созреет), но не как окончательное регулирование. В этой части законопроект нуждается в серьёзной доработке — введении категорий риска, обязанности раскрытия информации об алгоритме для высокорисковых систем, распределение ответственности по цепочке создания стоимости — все это как раз и является «основами регулирования», но пока остаётся задачей на будущее.

Инфраструктурные льготы для ЦОД: потенциальное перекрёстное субсидирование под видом поддержки

Статья 20 (в исходной редакции) предусматривала для центров обработки данных (ЦОД), включённых в специальный перечень, широкий набор льгот: преимущественное технологическое присоединение к электрическим сетям, освобождение от платы за такое присоединение, сниженные регулируемые тарифы на электроэнергию, приоритетное выделение мощности от генерирующих объектов с государственной собственностью, долгосрочные договоры с фиксацией цены и т. д.

Энергетическое сообщество (АО «Мосэнергосбыт», ПАО «Форвард Энерго», ПАО «Россети») выступило резко против, указывая, что такие льготы приведут к перекрёстному субсидированию — нагрузка ляжет на других промышленных потребителей, которые и так несут колоссальные издержки (в том числе 400 млрд руб. перекрёстного субсидирования в 2025 году). Это противоречит Энергетической стратегии до 2050 года[17], ставящей задачу снижения перекрёстного субсидирования. Кроме того, льготы ставят ЦОД в преимущественное положение перед иными энергоёмкими производствами (металлургия, химия), нарушая принцип равноправия потребителей (ст. 6 Закона об электроэнергетике).

Ответ Разработчика столь любопытен, что представляется важным привести его полностью: «Законопроектом не устанавливаются дискриминационные условия, а предусматриваются *возможные* меры поддержки отдельных ЦОД, которые Правительство Российской Федерации *вправе* реализовать путем установления специального регулирования. В случае принятия соответствующего решения

[17] Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года : Распоряжение Правительства РФ от 12 апр. 2025 г. № 908-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 16. Ст. 2075.

будут дополнительно проработаны механизмы реализации мер поддержки и закреплены в нормативных правовых актах, *создающих основания для их реализации*. Реализация мер поддержки за счет производителей электрической энергии или гарантирующих поставщиков не рассматривается. При этом законопроект *не устанавливает обязательных требований* в части мер поддержки отдельных ЦОД, а определяет *возможные направления проработки* мер обеспечения благоприятных условий создания ЦОД, используемых для применения технологий ИИ».

В связи с данной позицией возникает закономерный вопрос: разработан проект закона или проект «декларации о намерениях»? Исполнимость законодательных норм является их ключевой характеристикой — и это не подразумевает «возможности...», «отсутствия обязательных требований...», а «определение компетенции по формуле "вправе"» как диспозитивное установление возможности совершения государственными органами, органами местного самоуправления или организациями (их должностными лицами) действий в отношении граждан и организаций» относится к числу коррупциогенных факторов, устанавливающих для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил[18].

Таким образом, заключим, что проектируемая ст. 20 в части льгот относительно использования электроэнергии носит популистский характер и вряд ли будет реализована в заявленном виде без изменений в законодательство об электроэнергетике.

Маркировка синтезированного контента: сужение сферы обязательного использования

В ходе публичного обсуждения законопроекта статья 12, регулирующая идентификацию синтезированного информационного материала, вызвала одну из самых острых дискуссий. Участники — от независимых Разработчиков до крупных отраслевых ассоциаций (АКАР, Ассоциация больших данных, Медиа-Коммуникационный Союз) — указали на несколько системных недостатков первоначальной редакции.

Первое и главное замечание касалось обязательной маркировки в человекочитаемом формате. Часть 2 статьи 12 требовала размещения информационного предупреждения «в формате, воспринимаемом человеком» для любого аудио-, визуального материала «или иного контента» (то есть потенциально и для текстов). Эксперты (Ю. Е. Баляева, А. Ю. Сердюков, В. В. Вайнбендер) обоснованно указали, что видимая надпись «Сгенерировано ИИ» на эстетически значимом контенте (дизайн, кино, реклама, арт-объекты) убивает его коммерческую ценность и творческую составляющую. Кроме того, требование распространялось на «иной контент» — неопределённое понятие, которое могло быть истолковано расширительно, вплоть до текстовых сообщений и комментариев, что создало бы невыполнимую нагрузку на пользователей.

Второе замечание — обязанность платформ с аудиторией более 100 тысяч пользователей проверять наличие предупреждения и при его отсутствии самостоятельно размещать его или удалять контент. Часть 4 статьи 12 возлагала на владельцев социальных сетей и крупных информационных систем функцию цензора, по сути, обязывая их детектировать ИИ-происхождение материалов. Критики (в том числе представители малого и среднего бизнеса) справедливо указывали, что современные алгоритмы не способны надёжно определять факт генерации контентом ИИ (особенно в случае тонкой доработки созданного человеком материала). Это привело бы либо к массовому удалению законного контента под угрозой штрафов, либо к технически нереализуемым требованиям. Организации ЖКХ и топливно-энергетического комплекса в своих отзывах дополнительно отмечали, что для них порог в 100 тысяч пользователей слишком низок и потребует найма дополнительных сотрудников для ручной проверки каждого поста.

Третье замечание касалось лазейки, заложенной в части 5 статьи 12. Договором между пользователем и владельцем сервиса можно было предусмотреть «отсутствие обязательности размещения информационного предупреждения в формате, воспринимаемом человеком», при условии информированного и сознательного согласия пользователя. На практике это означало бы, что любое пользовательское соглашение включит пункт об отказе от видимой маркировки, и норма о человекочитаемом предупреждении станет фикцией. Кроме того, текст части 5 не уточнял, может ли пользователь отказаться от *машиночитаемой* метки — это создавало риск полно-

[18] Подп. «б» п. 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативно правовых актов, утвержденной постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (СПС «КонсультантПлюс»).

го исчезновения идентификации синтезированного контента. Наконец, ряд участников (О. А. Яманова, Е. Т. Борисенко) настаивали на том, что маркировка должна распространяться также на текстовый контент, созданный языковыми моделями, поскольку дипфейки в тексте (например, фальшивые заявления от лица публичных лиц) не менее опасны, чем поддельные видео.

Разработчик учёл большинство из перечисленных критических замечаний, предложив кардинально смягчённую редакцию. В итоговой версии статьи 12 предупреждение размещается не всегда, а только «в случаях, установленных Правительством Российской Федерации». То есть обязательная маркировка вводится не автоматически, а по мере выявления конкретных сфер с высоким риском дезинформации (например, политическая реклама или новостные материалы). Это снимает проблему тотальной маркировки творческого и малозначимого контента.

Обязательным стал только машиночитаемый формат — метка в метаданных, технических характеристиках файла. Случая и порядок размещения метки в формате, воспринимаемом человеком, могут быть установлены соглашением между пользователем сервиса ИИ и владельцем сервиса ИИ (а не по умолчанию). Тем самым законодатель отказался от навязывания визуальной маркировки, признав её избыточной для большинства случаев, однако полагаем, что предоставление возможности видеть человекочитаемые метки в соглашении должно быть не правом, а обязанностью сервиса ИИ.

Обязанность платформ проверять наличие предупреждения, самостоятельно маркировать и удалять контент полностью исключена. Вместо этого часть 3 новой редакции обязывает владельцев сайтов, страниц и информационных систем, *определённых Правительством*, лишь «обеспечить пользователям *возможность* размещения информационного предупреждения». При этом не совсем понятно, почему бы не распространить обеспечение такой возможности на все сервисы, предоставляющие услуги генерации контента, и зачем из всего их многообразия для этих целей вычленять лишь некоторые.

Понятие «иной контент» исключено — маркировка распространяется только на аудио- и визуальный информационный материал. Текстовый контент остался вне сферы действия статьи 12 (хотя Разработчик отметил, что риски текстовых дипфейков могут быть минимизированы иными инструментами, включая требования к суверенным моделям из статьи 7).

Контроль за соблюдением требований возложен на уполномоченный орган в сфере ИИ, но без права внеплановых проверок — порядок контроля будет устанавливаться Правительством в соответствии с общим законом о госконтроле (248-ФЗ).

Таким образом, первоначальная жёсткая модель «маркируй всё, удаляй без метки» трансформировалась в более гибкий инструмент: машиночитаемая идентификация по умолчанию, человекочитаемая — по договорённости, случаи обязательной маркировки — по решению Правительства. Такой подход снижает административную нагрузку на бизнес и цифровые платформы, но одновременно, по сути, лишает пользователя право понимать, что предлагаемый ему контент является результатом работы ИИ, предоставляя для этого права лишь ограниченный набор сервисов и усмотрение владельцев большинства из них.

Мониторинг как инструмент контроля (и почему от него отказались)

Статья 14 в версии, вынесенной на публичное обсуждение, называлась «Мониторинг, анализ и оперативное реагирование на риски и угрозы в сфере применения технологий искусственного интеллекта». Она наделяла уполномоченные федеральные органы исполнительной власти правом осуществлять «непрерывный мониторинг» последствий применения технологий ИИ на основе данных, поступающих от операторов систем ИИ. Мониторинг включал сбор и систематизацию информации об инцидентах, угрозах и рисках информационной безопасности, оценку масштаба и характера негативных последствий, прогнозирование возникновения угроз. При выявлении угрозы или риска, способных причинить существенный вред правам и законным интересам личности, общества или государства, уполномоченный орган получал право инициировать внеплановую проверку оператора системы и выдавать обязательные для исполнения предписания об устранении выявленных нарушений.

Формально статья выглядела как благо: государство берёт на себя функцию раннего предупреждения рисков ИИ. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживались серьёзные проблемы.

Первая проблема — неопределённость предмета мониторинга. Что именно должны были собирать и анализировать органы? «Инциденты, угрозы и риски информационной безопасности» — это очень широкое понятие. Любой сбой в работе ИИ-системы, любое нештатное поведение, любая жалоба пользователя могли быть квалифицированы как инцидент. Отсутствовали критерии существенно-

сти, пороги, методики оценки. Это создавало возможность для произвольного толкования.

Вторая проблема — неопределённость источников данных. Мониторинг должен был осуществляться «на основе данных, поступающих от операторов систем ИИ». Но какие именно данные, в каком объёме, с какой периодичностью — проект не уточнял. Операторы могли быть обязаны предоставлять логи, дампы, архитектурные описания, данные об обучении — всё, что сочтёт нужным контролирующий орган. Это не только создавало огромную административную нагрузку, но и ставило под угрозу коммерческую тайну.

Третья проблема — внеплановые проверки без оснований. Статья давала право инициировать внеплановую проверку при выявлении «угрозы или риска». Но кто и как определяет наличие такой угрозы? Могла ли это быть анонимная жалоба? Внутренняя аналитическая записка? Информация из СМИ? Закон не устанавливал порогов и процедур, что открывало дорогу для злоупотреблений.

Четвёртая проблема — предписания без суда. Уполномоченный орган мог выдавать обязательные предписания об устранении нарушений. Что именно можно было предписать? Изменить архитектуру системы? Прекратить использование определённых данных? Уволить Разработчиков?

Пятая проблема — отсутствие связи с законодательством о контроле. Статья не упоминала Федеральный закон № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»[19], который устанавливает процедуры проверок, права проверяемых лиц, обжалование. Фактически статья 14 создавала параллельный режим контроля без гарантий для подконтрольных субъектов.

Участники публичного обсуждения — от бизнес-ассоциаций до независимых экспертов — были практически единодушны в негативной оценке статьи 14. Высказывались следующие аргументы о коррупциогенности, избыточности, нарушении прав бизнеса, отсутствие финансирования, конфликт с принципом риск-ориентированного подхода, дублирование полномочий.

Разработчик в ответах на замечания поступил неожиданно: он полностью исключил статью 14 из законопроекта. В таблице учёта замечаний появилась запись: «Положения о мониторинге и анализе последствий применения технологий ИИ исключены из текста законопроекта». Это один из немногих случаев, когда Разработчик не стал отбиваться от критики, а согласился с ней, удалив спорную норму.

Формальным обоснованием, видимо, стало то, что общий мониторинг может осуществляться в рамках действующего законодательства о контроле (хотя это и не было прямо прописано). Однако никаких развёрнутых объяснений — почему норма была сочтена избыточной, почему ею можно пренебречь — Разработчик не дал.

Такое решение можно расценивать двояко. С одной стороны, это позитивный шаг: убрана коррупциогенная, неопределённая и потенциально репрессивная норма. С другой стороны, это уход от проблемы: мониторинг рисков ИИ действительно необходим, но Разработчик не предложил альтернативного, юридически выверенного механизма, а просто отказался от регулирования.

Фактически Разработчик передал все вопросы контроля и надзора в сфере ИИ в общее русло — под действие 248-ФЗ и отраслевого законодательства. Но это не решение, а создание нового пробела.

На первый взгляд может показаться, что исключение статьи 14 — это победа здравого смысла и бизнес-сообщества над бюрократическим рвением. Однако при более глубоком анализе становится ясно, что это не достижение, а провал законопроекта.

Во-первых, мониторинг рисков ИИ действительно необходим. Искусственный интеллект — это технология с высокой степенью неопределённости и потенциальной уязвимости. Системы могут дрейфовать со временем, давать ошибочные результаты в новых контекстах, быть подвержены атакам со стороны злоумышленников. Ни одна страна, серьёзно относящаяся к регулированию ИИ, не отказывается от мониторинга. EU AI Act требует пострыночного мониторинга для высокорисковых систем. Китайские меры обязывают провайдеров сообщать об инцидентах. Россия же просто говорит: «контроль будет по общим правилам». Но общие правила не учитывают специфику ИИ — они не требуют, например, мониторинга дрейфа модели, проверки на дискриминацию, тестирования на adversarial-атаки[20].

[19] Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31, ч. 1. Ст. 5007.

[20] *Adversarial-атаки (состязательные атаки)* — это преднамеренное манипулирование входными данными модели машинного обучения с целью заставить её выдать неправильные предсказания. Такие атаки используют уязвимости алгоритмов, создавая специально сгенерированные данные, которые мало отличаются от нормальных, но способны вызвать сбой в работе модели (URL: https://habr.com/ru/companies/vtb/articles/718024/).

Во-вторых, исключение статьи 14 создаёт правовой вакуум. Что делать, если ИИ-система, уже находящаяся в эксплуатации, начинает вести себя опасным образом? Кто и на каком основании может потребовать её остановки или доработки? Общее законодательство о контроле не даёт ответа, потому что оно не создавалось для самообучающихся алгоритмов. Уполномоченный орган в сфере ИИ не имеет полномочий проводить проверки безопасности ИИ-систем — эти полномочия были в исключённой статье, а теперь их нет. ФСТЭК и ФСБ занимаются информационной безопасностью в узком смысле (защита от взлома, утечек), а не содержательными ошибками ИИ. Роскомнадзор — защитой персональных данных, но не качеством алгоритмов. Прокуратура может реагировать только на уже причинённый вред. Получается, что никто не отвечает за профилактику рисков ИИ. Это серьёзный дефект.

В-третьих, Разработчик не предложил альтернативы. Если статья 14 была плохой, следовало её переработать, а не выбрасывать целиком. Можно было: (а) ограничить мониторинг только высокорисковыми системами (определив их критерии); (б) установить чёткий перечень данных, подлежащих предоставлению, и периодичность; (в) предусмотреть, что внеплановые проверки проводятся только на основании решения суда или при явных признаках нарушений; (г) согласовать процедуры с 248-ФЗ. Ничего этого не сделано. Вместо разработки нормального механизма — просто отказ.

В-четвёртых, исключение статьи 14 противоречит другим частям законопроекта. Например, статья 8 (доверенные модели) предполагает, что модели, включённые в реестр, должны соответствовать требованиям безопасности и качества. Но кто и как будет проверять, что они продолжают соответствовать этим требованиям после включения в реестр? Модель может измениться (дообучение), условия эксплуатации могут измениться. Без мониторинга реестр превращается в формальность: один раз сертифицировался — и всё, дальше можно делать что угодно.

В-пятых, это выглядит как уступка крупным IT-игрокам, которые явно не хотели дополнительного контроля. Но закон должен защищать общественные интересы, а не удобство бизнеса. Мониторинг ИИ — это не прихоть чиновников, а необходимость, признанная во всём мире. Уступая бизнесу, Разработчик подорвал доверие к законопроекту как к инструменту обеспечения безопасности.

В-шестых, отсутствие мониторинга делает невозможным эффективное применение других статей. Статья 9 даёт гражданину право на компенсацию вреда, но как доказать, что вред причинён именно ИИ, без данных мониторинга? Статья 11 отсылает к общей ответственности, но без систематического сбора информации об инцидентах невозможно выявлять системные проблемы. Статья 7 (суверенные модели) обещает поддержку, но без мониторинга нельзя оценить, работает ли эта поддержка. Закон превращается в набор деклараций, не обеспеченных обратной связью.

Исключение статьи 14 — это яркий пример того, как публичное обсуждение может привести к уничтожению необходимого, хоть и плохо написанного, регулирования. Критика была справедливой: первоначальная норма действительно страдала неопределённостью, коррупциогенностью и отсутствием процедур. Но правильный ответ должен был заключаться в доработке, а не в исключении. Разработчик выбрал лёгкий путь — уступить давлению и убрать статью целиком, вместо того чтобы создать сбалансированный, прозрачный и пропорциональный механизм мониторинга.

Поэтому отказ от статьи 14 — это серьёзный недостаток законопроекта. Он создаёт риск бесконтрольного использования ИИ, особенно в высокорисковых сферах, и лишает государство возможности профилактировать инциденты. Без мониторинга другие статьи закона (о доверенных моделях, о правах граждан, об ответственности) во многом теряют свою эффективность. Граждане и общество остаются безоружными перед лицом алгоритмических рисков.

Полагаем правильным вернуться к идее мониторинга, но в значительно более мягкой и прозрачной форме — только для высокорисковых систем, с чёткими основаниями для проверок, с гарантиями для бизнеса и с отсылкой к 248-ФЗ. Если этого не сделать, Россия рискует получить закон, который создаст видимость регулирования, но не обеспечит ни безопасности граждан, ни технологической независимости, ни инновационного развития.

Заключение

Вернемся к вопросу, вынесенному в заглавие. Способен ли представленный общественности проект федерального закона в его промежуточной редакции стать полноценной «ИИ-конституцией», то есть фундаментальным правовым актом, задающим системные, непротиворечивые и эффективные рамки регулирования искусственного интеллекта в России? Проведённое исследование вынуж-

дает дать отрицательный ответ. Многочисленные замечания экспертного и профессионального сообщества, выявленные в ходе публичного обсуждения, зафиксировали глубокие концептуальные дефекты исходной редакции, включая дефекты понятийного аппарата, необоснованную «рамочность», делегирование ключевых полномочий подзаконным актам, декларативность прав граждан и отсутствие гарантий безопасности.

Парадоксальным образом промежуточный вариант норм законопроекта, представленных Разработчиком после обсуждения, не только не устранил большинство системных недостатков, но в ряде аспектов привёл к их усугублению. Право граждан на отказ от использования ИИ было сужено исключительно до государственного сектора, досудебное обжалование — полностью исключено, обязанность информирования о применении ИИ трансформирована из императивной в диспозитивную, поставленную в зависимость от усмотрения Правительства. Отказ от мониторинга рисков ИИ (статья 14) при отсутствии альтернативных механизмов создаёт правовой вакуум, а включённые в законопроект нормы, затрагивающие вопросы интеллектуальной собственности, торговли и оказания услуг, противоречат самой логике «рамочного» регулирования: такие положения следовало бы перенести в Гражданский кодекс Российской Федерации и Закон РФ «О защите прав потребителей», оставив в специальном законе действительно основополагающие ориентиры, задающие вектор для отраслевого и подзаконного нормотворчества.

Таким образом, законопроект в его доработанной редакции не только не справляется с задачей создания надёжной и человекоцентричной правовой основы для развития ИИ в России, но и демонстрирует регресс в части защиты прав граждан и правовой определённости. Этому документу требуется не косметическая правка, а концептуальная переработка акта с ориентацией на лучшие международные стандарты и восстановление баланса между инновациями, безопасностью и фундаментальными правами человека, а также чёткое разграничение сфер регулирования между отраслевыми законами и кодифицированными актами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вайпан В. А. Искусственный интеллект: концепция нормативного регулирования его использования // Право и экономика. — 2026. — № 3. — С. 5—12.

2. Наумов В. Б. Десять идей для законопроекта о безопасном искусственном интеллекте в России // Юрист. — 2026. — № 5. — С. 10—17.

REFERENCES

1. Vaypan V. A. Artifical Intelligence: The Concept Regulatory Regulation of Its Use. *Pravo i ekonomika* = *Law and Economics*, 2026, no. 3, pp. 5—12. (In Russian).

2. Naumov V. B. Ten Ideas for a Safe Artificial Intelligence Bill in Russia. *Yurist* = *Jurist*, 2026, no. 5, pp. 10—17. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бычков Артур Викторович (Иркутск) — кандидат юридических наук, доцент, директор Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, Россия, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4; e-mail: 0338@mail.ru).

Бычкова Анна Михайловна (Иркутск) — кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Иркутской области, директор автономной некоммерческой организации «Лаборатория права искусственного интеллекта» (Россия, Иркутск; e-mail: amb-38@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bychkov, Arthur V. (Irkutsk) — Cand. Sci (Law), Docent, Director, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (4 Nekrasov St., Irkutsk, 664011, Russia; e-mail: 0338@mail.ru).

Bychkova, Anna M. (Irkutsk) — Cand. Sci (Law), Docent, Honored Lawyer of the Irkutsk region, Director of the autonomous non-profit organization "Artificial Intelligence Law Laboratory" (Irkutsk, Russia; e-mail: amb-38@mail.ru).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 342:004

Д. В. Орлов
Нижегородская академия МВД России,
Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0485-6140
ResearcherID: I-8719-2018

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СФЕРЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПУТЬ ОПТИМИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СОКРАЩЕНИЯ ИЗДЕРЖЕК

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 2. — С. 54—65.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.5.54-65
Дата поступления 21.01.2026, дата принятия к печати 01.06.2026, дата онлайн-размещения 05.06.2026.

АННОТАЦИЯ

Одной из важных и актуальных проблем правового регулирования является определение его эффективности и выработка путей оптимизации, приводящих к достижению поставленной цели меньшими издержками различного рода. Предполагается, что одним из вариантов оптимизации является внедрение и использование инновационных информационных технологий, в том числе искусственного интеллекта. В статье предпринята попытка анализа доктринальных источников, практики использования информационных технологий в правотворческом процессе и при правореализации с целью выявления положительных и отрицательных аспектов такого использования, возможности использования данных технологий в перспективных сферах, определения проблем с этим связанных. Применение метода анализа, диалектического, логического, формально-юридического метода познания позволило выявить единство в научной сфере по вопросу высокого уровня значимости и необходимости использования искусственного интеллекта в сфере правового регулирования общественных отношений, широту внедрения и использования на практике указанных технологий. В ходе исследования выявлены и систематизированы проблемы, связанные с внедрением искусственного интеллекта, а также экономические предпосылки использования инновационных технологий, к которым автор отнес: 1) сокращение издержек за счет автоматизации рутинных процессов, снижающих затраты времени, материальных, финансовых и кадровых ресурсов на выполнение уже имеющихся задач или издержек, потенциально возникающих в перспективе увеличения количества таких задач; 2) снижение вероятности ошибок, способных привести к финансовым потерям в виде новых издержек на исправление ситуации или издержкам репутационного характера; 3) расширение возможности прогнозного моделирования, к которому относится исследование вероятности наступления различных рисков. В то же время автор приходит к выводу,

что некоторые сферы пока еще далеки от возможности использования в них искусственного интеллекта, поскольку остается нерешенным ряд правовых, этических и организационных задач.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Цифровизация, информационные технологии, искусственный интеллект, правовое регулирование, законотворчество, правоприменение, издержки, оптимизация управленческой деятельности.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Орлов Д. В. Цифровизация и искусственный интеллект в сфере правового регулирования общественных отношений: путь оптимизации деятельности и сокращения издержек // Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 2. — С. 54—65. — DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.5.54-65.

UDC 342:004

D. V. Orlov
Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia
Nizhniy Novgorod, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-0485-6140
ResearcherID: I-8719-2018

DIGITALIZATION AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS: A PATH TO OPTIMIZING OPERATIONS AND REDUCING COSTS

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2026, no. 2, pp. 54—65.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.5.54-65
Received 21.01.2026, accepted 01.06.2026, available online 05.06.2026.

ABSTRACT

One of the important and pressing issues in legal regulation is determining its effectiveness and identifying ways to optimize it so that the intended goal can be achieved at lower costs of various kinds. It is assumed that one such way to optimize legal regulation is the introduction and use of innovative information technologies, including artificial intelligence. This article attempts to analyze doctrinal sources and the practice of using information technologies in lawmaking and the implementation of law, with the aim of identifying the positive and negative aspects of such use, the potential for employing these technologies in promising areas, and the associated problems. The use of the methods of analysis, dialectics, logic, and formal legal reasoning has revealed a consensus in the academic community regarding the high level of importance and the necessity of using artificial intelligence in the legal regulation of public relations, as well as the wide extent to which these technologies are already being introduced and used in practice. The study identifies and systematizes the problems associated with the implementation of artificial intelligence, as well as the economic prerequisites for using innovative technologies. The author lists the latter as follows: (1) cost reduction through the automation of routine processes, which reduces the time, material, financial, and human resources needed to perform existing tasks or costs that may potentially arise if the number of such tasks increases in the future; (2) a lower probability of errors that could lead to financial losses in the form of additional costs to remedy the situation or reputational damage; and (3) expanded opportunities

for predictive modeling, which includes assessing the likelihood of various risks. At the same time, the author concludes that some areas are still far from being able to use artificial intelligence, because a number of legal, ethical, and organizational issues remain unresolved.

KEYWORDS Digitalization, information technologies, artificial intelligence, legal regulation, lawmaking, law enforcement, costs, optimization of managerial activities.

FOR CITATION Orlov D. V. Digitalization and Artificial Intelligence in the Legal Regulation of Public Relations: A Path to Optimizing Operations and Reducing Costs. *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 2, pp. 54—65. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.5.54-65.

Вопросу эффективности правового регулирования и экономии средств посвящены многочисленные научные труды как общетеоретического, так и отраслевого характера. Ученые задавались вопросами о причинах необходимости оценки правового регулирования [10, с. 51—55], искали способы оптимизации в процедурах и установлении новых институтов, формировали предложения законодателю. Однако качественно ситуация во многом менялась, когда общество переходило на новый уровень общественных отношений благодаря внедрению различного рода инновационных технологий.

При этом внедрение технологий зачастую происходит одновременно с формированием их самих. Примером тому служит формирующаяся в настоящее время нормативная основа технологий, используемых при цифровизации, а также разное смысловое наполнение базовых для этой сферы понятий в правовых актах. Так, под цифровизацией понимается и способ представления, хранения, передачи, применения информации с помощью цифровых устройств[1], и процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов[2].

В нормативных правовых актах также уже устоялось определение понятия искусственный интеллект как комплекс технологических решений, состоящий из информационно-коммуникационной инфраструктуры, программного обеспечения, а также процессов по обработке данных и поиску решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты сравнимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их[3].

Полагаем, что искусственный интеллект является разновидностью технологий в рамках цифровизации и включает в себя системы, способные имитировать человеческое мышление, машинное обучение и нейросети, анализ больших данных с прогнозированием, распознавание образов и речи, автономные решения без прямого участия человека, адаптацию и самообучение алгоритмов.

Сегодня без преувеличения цифровизация, включая внедрение искусственного интеллекта, является драйвером оптимизации правовых отношений. Причем влияние это проявляется как в плане деятельности по подготовке нормативных правовых актов, так и при реализации этих норм.

О важности цифровизации в правотворческой деятельности писали многие ученые еще в начале этого пути, в 2017—2022 годах, строя прогнозы о существенном увеличении показателей эффективности, сокращении затрат и о проблемах, связанных с этими явлениями.

[1] ГОСТ Р 43.0.22-2020 Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Интеллектуализация деятельности // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200177379?section=status.

[2] Об утверждении разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : Приказ Минкомсвязи России от 1 авг. 2018 г. № 428 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

Так, Т. Я. Хабриева обращает внимание на то, что с развитием цифровых технологий становится острее противоречие между потребностью в качественных нормативных правовых актах, которые могут появиться с помощью новых технологий и фактического невысокого качества актов, произведенного «классическим» образом, трудом субъектов, связанных с этим процессом. «Преодоление этого противоречия видится в "оцифровке" юридических технологий, применяемых в правотворчестве <...> технологиях правового мониторинга, юридического прогнозирования, юридического моделирования, проектирования юридических норм, экспертизы проектов нормативных правовых актов, оценки регулирующего воздействия и др. Это позволит не только вывести правотворчество на новый качественный уровень, но и существенно снизить нагрузку на аппараты правотворческих и иных органов, задействованных в правотворческом процессе» [19, с. 101].

И. А. Карева, рассматривая вопросы типизации права, на примере уставов муниципального образования обращает внимание на значимость эксперимента по созданию правовых актов в машиночитаемой форме, что открывает, на ее взгляд, путь к действительно «умному регулированию» [7, с. 98].

Э. В. Талапина указывает на важность происходящих изменений в системе государственного управления под влиянием времени и информационных технологий. Существенным плюсом складывающейся системы управления с внедрёнными элементами искусственного интеллекта ученый видит в снижении коррупции благодаря как возможностям проведения антикоррупционной экспертизы при помощи технологий искусственного интеллекта [18, с. 126–136], так и возможностям аналитических операций искусственного интеллекта, позволяющих определять риски наступления правонарушений коррупционной направленности в деятельности чиновников при существующих условиях и нормах. Кроме того, она приходит к выводу, что последовательное проведение цифровизации в государственном управлении невозможно без правового регулирования двух ключевых аспектов – собственно процесса управления и внедрения цифровых технологий [17, с. 113].

А. Л. Бредихин и Д. Е. Проценко обращают внимание, что в последнее время происходят существенные изменения в части упрощения правовых процедур, что повышает их доступность и снижает издержки для их реализации [4, с. 114]. Связывают ученые данный положительный результат с внедрением информационных технологий, предоставлением государственных услуг населению в электронном формате, возможностью получения справок и документов без требований их предоставления гражданами и самостоятельного истребования у сторонних субъектов.

Подобные мнения сегодня отчетливо подтверждаются практикой. На данный момент в работу государственных органов внедрено уже много инструментов, ежедневно упрощающих выполнение сложных задач. К таковым инструментам относится используемая с 2020 года в практической деятельности всех федеральных министерств и ведомств информационная система мониторинга ключевых задач. Заместитель Председателя Правительства – Руководитель Аппарата Правительства Д. Ю. Григоренко не раз обращал внимание на положительный результат и перспективы использования системы: «В режиме онлайн система отображает, кто допускает нарушения, а главное – в каком объёме. Это позволяет нам видеть риски несвоевременной подготовки законодательных инициатив и оперативно на них реагировать. Одновременно цифровой инструмент мотивирует исполнителей к более ответственному планированию своей работы, что в конечном итоге существенно повышает качество законопроектной деятельности»[4].

Наглядным подтверждением этих слов является показатель выполнения объема запланированной работы, который составил по итогам первого полугодия 2024 года 100 %, тогда как в сравнении с 2020 годом, до внедрения этого инструмента, показатель не превышал 88 %. Процент возврата законопроекта на доработку также был снижен в 4 раза и составил всего 5 %[5].

Считаем важным отметить, что несмотря на очевидную полезность рассматриваемых технологий, данные показатели не могли бы иметь место без систематической административной работы специалистов различных органов на основе выводов, сделанных по итогам деятельности прошедших периодов, в связи с чем можно предположить переоценку эффективности внедрения искусственного интеллекта в данной сфере.

Данная система мониторинга применяется не только для правотворчества исполни-

[4] Цифровизация повысила качество законопроектной деятельности // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: https://ac.gov.ru/news/page/cifrovizacia-povysila-kacestvo-zakonoproektnoj-deatelnosti-27854.

[5] URL: https://ac.gov.ru/news/page/cifrovizacia-povysila-kacestvo-zakonoproektnoj-deatelnosti-27854.

тельными органами, но и для контроля за реализацией принятых решений как отдельных, так и связанных между собой общими целями и задачами. Так, Правительством РФ утвержден временный порядок управления и мониторинга Единого плана по достижению национальных целей развития России на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года[6], который с помощью государственных автоматизированных информационных систем позволяет видеть этап и степень исполнения проектов, контролировать их выполнение. Отмечается, что впервые примененные технологии искусственного интеллекта позволяют анализировать массивы данных и отслеживать реализацию всех мероприятий одновременно с предупреждением о появлении возможных рисков невыполнения работ, что способствует предупреждению возникновения проблем[7]. В результате применения системы уровень достижения показателей национальных проектов в 2023 году приблизился к 100 %[8].

Расходы на внедрение данных технологий государством немалые. Напомним, что ранее в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» ставилась задача сформировать цифровую платформу для взаимодействия в сфере стратегического управления в целях согласования действий участников стратегического планирования на всех уровнях государственного управления в достижении стратегических приоритетов за период с 2019 по 2024 год. К первоочередным мероприятиям относилось выявление и устранение излишних документов и процессов, уменьшение на порядок количества и типов документов стратегического планирования, созданных «на бумаге», отмена или перевод в цифровое пространство рутинных и организационных процессов по всему жизненному циклу документа. На эти цели было предусмотрено 690 млн. рублей. Если же говорить в целом о расходах на «Цифровое государственное управление», то за этот же период было предусмотрено 235,7 млрд. рублей, а на национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации», в структуру которой входит шесть национальных проектов, включая указанный выше, — предусмотрены расходы в размере 1,6 трлн. рублей[9].

Учитывая большое количество направлений цифровизации государственного управления, пилотный характер некоторых решений, небыструю окупаемость материальных издержек и сложность оценки показателей социальной полезности нововведений, говорить об эффективности пока еще рано. В то же время переход на новые технологии обоснован развитием общественных отношений, их существенным ускорением.

Если говорить о правоприменении, то тут надо также отметить тенденцию внедрения цифровых технологий и искусственного интеллекта. Директор Федеральной службы судебных приставов Д. В. Аристов отметил успешность внедрения искусственного интеллекта в деятельность, способствующую вынесению автоматического постановления, без участия должностного лица ФССП России. Так, за 10 месяцев, с января по октябрь 2024 года общее количество процессуальных решений, принятых в автоматическом режиме, превысило 57 млн., из них 5,1 млн. решений — по вопросам возбуждения исполнительного производства[10]. Данное нововведение позволяет как снимать превышающую многократно нагрузку с должностных лиц, экономить ресурсы государства, так и снижать количество ошибок, приводящих к нарушениям прав субъектов.

Выступая на Петербургском Международном Юридическом форуме в 2022 году, Д. А. Аристов сообщил об инновации в применении иной информационной технологии, а именно рассылки уведомлений в электронном виде, которая за короткий срок позволила сэкономить расходы в размере 80 млрд. рублей[11].

---

[6] Временный порядок управления и мониторинга Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : утв. резолюцией Д. Ю. Григоренко от 25.06.2025 № ДГ-П6-23252 // Центр проектного менеджмента РАНХиГС. URL: https://gasu.gov.ru/documents?folderId=13157.

[7] Дмитрий Григоренко: Цифровой мониторинг единого плана по достижению национальных целей обеспечивает его выполнение. URL: http://government.ru/news/55560.

[8] Цифровая модель управления — это инструмент достижения результата. URL: https://ac.gov.ru/news/page/cifrovaa-model-upravlenia-eto-instrument-dostizenia-rezultata-27785.

[9] Паспорт национального проекта «Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации"» : утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7 // СПС «КонсультантПлюс».

[10] С учётом региональной специфики: глава ФССП — о работе ведомства на новых территориях. URL: https://russian.rt.com/russia/article/1390472-pristavi-slujba-fssp-aristov-interview.

[11] Перевод уведомлений должников в цифровой формат экономит десятки миллиардов бюджетных рублей — глава ФССП. URL: https://www.interfax-russia.ru/northwest/news/perevod-uvedomleniy-dolzhnikov-v-cifrovoy-format-ekonomit-desyatki-milliardov-byudzhetnyh-rubley-glava-fssp.

Автоматизация происходит во многих аспектах деятельности ФССП: снятие ограничений на выезд должника за границу в случае оплаты им своих долгов, консультирование граждан с помощью использования голосового бота, обмен информацией между ведомствами. Например, с 2022 года происходит обмен данными между ФССП и ГИБДД о нарушителях ПДД, об оплаченных штрафах в ГИС ГМП, что ведет к автоматическому возбуждению исполнительного производства и упрощает привлечение граждан к ответственности.

Эти положительные результаты стали возможны благодаря появлению и реализации сервиса «Цифровое исполнительное производство», облегчившего взаимодействие населения с государственными органами, сократившего сроки обработки исполнительных производств и сделавшего эти процедуры гораздо прозрачнее. Сокращение штатной численности сотрудников — одно из последствий внедрения технологий, однако это не означает, что специалисты станут не нужны. Отдельные ситуации по-прежнему будут требовать индивидуального подхода.

По мнению Ю. А. Свирина существуют некоторые препятствия, затрудняющие интеграцию цифровых технологий в сферу исполнительного производства, а именно: 1) несоответствующая квалификация сотрудников, 2) недостаточная материально-техническая база службы; 3) недостаточная развитость законодательства, регулирующего эти процессы; 4) сокращение ответственности приставов-исполнителей; 5) сохранение в достаточном объеме бумажного документооборота, тормозящего цифровую составляющую исполнительного производства; 6) не полностью решенный вопрос с безопасностью данных [13, с. 161].

Существенный недостаток действующей системы и, соответственно, предложения высказывает Е. Д. Зверева, отмечая, что сервис не позволяет соотносить активы должника с его обязательствами с целью комплексной оценки исполнения обязательств [6, с. 304].

Основательный анализ «плюсов» и «минусов» автоматизированного процесса исполнительного производства проводит Е. Г. Стрельцова, которая оценивает совместимость текущих правил исполнительного производства с упрощенным цифровым, а также риски дополнительных бюджетных расходов в связи с несовершенным механизмом поворота исполнения в цифровом исполнительном производстве [16, с. 135].

Несмотря на успешность внедрения и использования искусственного интеллекта в подзаконном нормотворчестве и правоприменении, в законотворчестве пока нет существенных изменений в этом вопросе. Как считает председатель Совета Федерации В. И. Матвиенко, «... использовать мы, конечно, будем и учимся это использовать, но так, чтобы принимать сразу закон, написанный искусственным интеллектом, — думаю, что это более далекая перспектива. Но облегчить работу законодателей он существенно может»[12]. Более остро о проблеме высказал свое мнение Председатель Государственной Думы В. В. Володин. Он полагает, что заменить парламентариев роботами невозможно, поскольку у искусственного интеллекта отсутствует совесть и ответственность, которые важны для принятия решения[13]. Кроме того, «... к ИИ стали прибегать даже в тех сферах, где его применение по сути своей недопустимо. Например, при вынесении судебных решений»[14]. В этой связи В. В. Володиным также отмечается важность развития морально-этической экспертизы законодательства, необходимость «вводить правовые ограничения на применение тех или иных технологий, если они несут в себе угрозу разрушения человеческой личности»[15].

Указанные выше мнения показывают, что далеко не все сферы могут быть охвачены возможным внедрением искусственного интеллекта. Во многом это связано с недостаточной научной «проработкой» вопроса, сложностью и важностью сферы общественных отношений, отсутствием нормативного правового регулирования, этическими ограничениями, а также принятием волевого решения. В этой связи интерес представляют научные позиции ученых относительно внедрения искусственного интеллекта в различные сферы правотворчества и правоприменения. Отме-

---

[12] Матвиенко заявила о возможности использования ИИ для подготовки законопроектов. URL: https://tass.ru/ekonomika/19598853.

[13] Володин объяснил отсутствием у ИИ совести невозможность заменить парламентариев роботами. URL: https: //lenta.ru/news/2025/09/26/volodin-ob-yasnil-otsutstviem-u-ii-sovesti-nevozmozhnost-zamenit-parlamentariev-robotami/?ysclid=mjxai1zuf5144709336.

[14] Вячеслав Володин: теме искусственного интеллекта планируем посвятить большие парламентские слушания в конце года. URL: http://duma.gov.ru/news/62275/.

[15] В 1906—2026: история и современность. Вячеслав Володин — о развитии парламентаризма в России // Российская газета. 2026. 26 апр. URL: https://rg.ru/2026/04/24/1906-2026-istoriia-i-sovremennost.html?utm_referrer=http%3A%2F%2Fduma.gov.ru%2F/.

тим, что многие воззрения субъективны и неоднозначны, о чем свидетельствуют заочные споры в научных источниках.

Существенный вклад внесен научными трудами Ю. С. Балалаевой, обратившей внимание на проблему рамок использования искусственного интеллекта в правотворчестве, выделяя при этом возможные варианты его использования: генерирование проектов нормативных правовых актов и осуществление в отношении них экспертиз. Анализируя потенциальные проблемы, ученый приходит к выводу, что не следует противопоставлять искусственный интеллект человеку, а необходимо проводить разумную политику, соединяя их возможности для достижения максимальной эффективности [3, с. 86].

В. И. Червонюк, рассматривая законодательные технологии, делает вывод, что улучшить качество принимаемых законов могли бы нейролингвистические технологии, в связи с чем пишет: «Очевидно, что в структуре парламента, в пределах существующего финансирования, должны быть учреждены структуры, которые подобным идеям придавали бы практико-ориентированный характер, трансформируя инновации в законодательную деятельность. Кроме заинтересованности палат Федерального Собрания (т. е. самого парламента), никаких иных препятствий к тому не существует» [21, с. 31].

Обратим внимание, что в некоторых государствах уже несколько лет как законодательно закреплены основы использования информационных технологий, в том числе искусственного интеллекта. Например, Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» с 2023 года содержит среди основных принципов нормотворческой деятельности принцип цифровизации, который, как отражено в статье 7[1], «обеспечивается широким применением информационных технологий на всех стадиях нормотворческого процесса, в том числе за счет развития электронного документооборота, максимального использования цифровых инструментов в процессе нормотворческой деятельности»[16]. Как указывает П. В. Соловьев относительно этого нововведения, «... цифровизация нормотворческого процесса является важным инструментом создания и функционирования эффективной системы нормативных правовых актов» [14, с. 121].

Х. Д. Аликперов видит будущее эффективного применения искусственного интеллекта в определении меры наказания с помощью электронной системы «Электронных весов правосудия». Он полагает, что данный программный продукт с нейронными сетями имеет социально-правовую и экономическую ценность. Социально-правовая ценность, на его взгляд, заключается: в единообразии применения уголовного закона; в повышении воспитательного значения приговора; в формировании судебной практики, отвечающей целям уголовно-правовой политики; в обеспечении справедливости назначения наказания на основе закона. Экономическая же ценность проявляется в экономии средств, выделяемых на содержание органов правосудия, органов уголовного преследования и пенитенциарной службы. Сокращение издержек будет происходить за счет сокращения осужденных, приговоренных судами к реальному сроку лишения свободы на 15—20 %, а также в связи с сокращением апелляционных представлений (жалоб) сторон уголовного процесса [1, с. 99]. Здесь своевременно отметить, что подобное решение очень удачно и грамотно вписывается в другую тенденцию, связанную с реализацией экономии репрессии в мерах уголовной ответственности и их назначении [15] и может выступать, на наш взгляд, как инструмент для достижения общих целей.

Подобные предложения вызывают много споров. Так, Ю. С. Харитонов, Т. Ян [20, с. 235], а также Д. О. Дрозд [5, с. 87—98] указывают на нарушения основополагающих принципов осуществления правосудия. Ю. С. Балалаева, напротив, полагает, что роль искусственного интеллекта может заключаться в оказании помощи судье при выполнении отдельных юридических операций, как например, выяснение фактических обстоятельств, определение правовой квалификации и анализе представленных доказательств: тех действий, которые необходимы для вынесения судебного решения. Ученый допускает даже возможность генерирования проекта судебного решения, но лишь в том случае, при котором существует необходимость в сложном интеллектуально-познавательном процессе, где нет возможности обойтись хорошо известными способами решения проблемы [3, с. 145].

Напомним, что внедрение искусственного интеллекта в судопроизводство по сути являлось этапом развития идеи «электронного суда», о котором писали некоторые ученые более 10 лет назад. Например, М. В. Чижов на страницах своей диссертации определял данное понятие как «совокупность информаци-

[16] URL: https://etalonline.by/document/?regnum=h11800130&ysclid=mjyrqs3i2q445557967.

онных и коммуникационных технологий, которые на основе разработанных для каждой категории дел алгоритмов рекомендуют судье совершить предусмотренные нормами материального и процессуального права действия и принять необходимые процессуальные решения на каждой стадии судебного разбирательства» [22, с. 9].

Иная составная часть данного направления — переход на электронное уголовное дело. Как полагают О. В. Кузьмина и М. М. Скотникова, отсутствие внимания законодателя к рассматриваемому вопросу может быть связано «... как с наличием иных приоритетных проблем, имеющихся в правовом поле страны, так и с несоизмеримым объемом ресурсов, которые потребуются для создания и поддержания функционирования столь сложного программного обеспечения» [8, с. 177].

Рассматривая ситуацию с изменениями УПК в 2016—2023 годах[17], регламентирующими порядок использования электронных документов в ходе судебного производства, К. М. Малыгин приходит к выводу, что одной из причин неудачного результата реализации введенных положений является отсутствие соответствующей технической возможности [9, с. 8]. При этом подчеркивается, что в сравнении с аналоговой информацией, цифровая обладает рядом преимуществ в виде снижения издержек на ее сбор, документирование, передачу, и, что не менее важно, — возможности хранения огромных массивов данных [Там же, с. 3].

Другое перспективное направление применения искусственного интеллекта — это судебная экспертология. В. А. Юматов и Э. Г. Юматова видят роль слабого искусственного интеллекта как программного инструмента, интеллектуального помощника, а сильного искусственного интеллекта в решении автоматизации исследовательских задач, обработки большого количества данных и системного анализа, допуская гипотетическую возможность идентификации данного программного комплекса как субъекта экспертного исследования [23, с. 143].

Е. Р. Россинская, анализируя уже имеющуюся практику по внедрению нейронных сетей в различные сферы, существующие примеры ошибочных результатов использования искусственного интеллекта, а также важность, сложность и специфичность сферы судебной экспертологии приходит к выводу, что в настоящее время данные технологии следует внедрять с большой осторожностью [11, с. 31].

А. А. Саркисян, размышляя о технологических и методических проблемах производства судебных экспертиз в эпоху цифровизации, указывает, что «цифровизация как процесс требует значительных материальных и человеческих ресурсов ... из минимального технического оснащения, соответствующего предъявляемым к нему требованиям, регламентов работы с оборудованием, наличия специализированных пакетов ПО и процедуры контроля качества» [12, с. 17].

Исходя из множества фактов внедрения технологий искусственного интеллекта, как в правотворчестве, так и при правореализации, перспективных научных разработок его использования в отдельных сферах, полагаем, что внедрение искусственного интеллекта на практике связано с множеством проблем, к которым относятся: 1) высокие начальные затраты на внедрение инновационных технологий; 2) дефицит квалифицированных кадров, в первую очередь профессиональных юристов и IT-специалистов; 3) проблемы интеграции с существующими системами как организационного и процедурного характера, так и ранее внедренными иными технологиями; 4) правовые проблемы, выражающиеся в отсутствии базовых нормативных правовых актов, устанавливающих принципы организации и деятельности данных технологий, а также отсутствие нормативного правового регулирования в конкретных узких сферах, где планируется применять искусственный интеллект; 5) риски безопасности и конфиденциальности данных; 6) отсутствие этических норм; 7) определение баланса между автоматизацией и сохранением человеческого контроля.

Кроме того, несмотря на то, что уже несколько лет искусственный интеллект успешно справляется с отдельными задачами при подзаконном правотворчестве, его внедрение в законотворческую деятельность видится проблематичным. Наиболее возможным вариантом использования искусственного интеллекта в данной сфере предполагается в качестве помощника подготовки аналитических

[17] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти : Федер. закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26, ч. 1. Ст. 3889 ; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 29 дек. 2022 г. № 610-ФЗ // Там же. 2023. № 1, ч. 1. Ст. 57 ; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 25 дек. 2023 г. № 672-ФЗ // Там же. 2024. № 1, ч. 1. Ст. 53.

материалов, проведение правовой, антикоррупционной и лингвистической экспертиз.

Необходимо создать нормативную базу по вопросам гражданско-правового регулирования искусственного интеллекта, установить четкость в вопросах правосубъектности, юридической ответственности за вред в результате применения данных технологий. В данном случае не получится ограничиться только поправками по отдельным вопросам, «поскольку создание правовых условий для функционирования новых технологий требует комплексного реформирования законодательства и переосмысления основных понятий, содержащихся в существующих доктринах» [2, с. 91].

К слову, главную проблему, связанную с отсутствием федерального закона, устанавливающего правовую основу регулирования сфер применения искусственного интеллекта, уже начали решать. В. В. Путин отметил: «На повестке — первые контуры нормативной базы в сфере искусственного интеллекта. С учетом зарубежного опыта нужно найти свою оптимальную, сбалансированную модель регулирования этих технологий, кардинально меняющих весь мир»[18].

Разработанный Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации проект федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» 18 марта 2026 года был размещен на портале проектов нормативных правовых актов для общественного обсуждения[19]. Важность данного законопроекта сложно переоценить — она характеризуется закреплением основных понятий, общих принципов и особенностей регулирования отношений в сфере применения данных технологий, требований к моделям искусственного интеллекта, особенностям в отношении прав на объекты интеллектуальной собственности, созданных с его использованием, а также порядком мониторинга, анализа и реагирования на риски в сфере применения технологий искусственного интеллекта.

Еще одним важным аспектом проекта закона является закрепление в тексте обязанности по уведомлению граждан, в отношении которых приняты автономные решения на основе использования технологий искусственного интеллекта. В этой связи имеет место и норма о возможности получения гражданами услуг без автономного использования данных технологий, то есть с участием человека-специалиста. Данные нормы позволят оставить за человеком выбор в части внимания к его ситуации и не допустить издержек в виде нарушения существующих прав, а также отношения человека к принимаемым органами власти решений.

Однако некоторые положения проекта закона и сопроводительных документов к нему вызывают вопросы. Например, в части издержек в пояснительной записке к законопроекту указывается, что реализация положений законопроекта не окажет влияние на доходы и расходы бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, что видится весьма сомнительным. Так, статья 14 проекта закона устанавливает нормы в отношении мониторинга, анализа и оперативного реагирования на риски и угрозы в сфере применения технологий искусственного интеллекта, которые могут существенно увеличить нагрузку на органы государственной власти. Соответственно, это повлечет расходы на заработную плату вновь принятым специалистам и увеличение издержек на дополнительные вычислительные мощности для этой деятельности. Стоит отметить, что существенные расходы, связанные с реализацией закона, будут и у юридических лиц, занимающихся разработкой, внедрением и использованием этих технологий, что, скорее всего, покажет процедура оценки регулирующего воздействия, проводимая вслед за общественным обсуждением.

В свою очередь, считаем уместным предложить внесение изменений в ряд правовых актов, регулирующих подготовку проектов нормативных правовых актов, как на федеральном уровне, так и на уровне субъекта Российской Федерации. Например, следует внести изменения в Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации[20], а также в Регламент Государственной Думы Федерального Собра-

[18] Выступление Владимира Путина на заседании Совета законодателей при Федеральном Собрании РФ 27 апреля 2026 года. URL: http://duma.gov.ru/news/63497/.

[19] Проект федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[20] Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации : Постановление Правительства Российской Федерации от 13 авг. 1997 г. № 1009 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 33. Ст. 3895.

ния Российской Федерации[21], включив нормы о случаях использования технологий искусственного интеллекта при нормотворчестве, запретах использования этих технологий, ответственности субъектов в части использования технологий, приводящих к неэффективной деятельности и издержкам, с ней связанным.

Подводя итог отметим, что экономическими предпосылками внедрения новых технологий, в том числе искусственного интеллекта в регулирование правовых отношений являются следующие. Во-первых, сокращение издержек за счет автоматизации рутинных процессов, снижающих затраты времени, материальных, финансовых и кадровых ресурсов на выполнение уже имеющихся задач или издержек, потенциально возникающих в перспективе увеличения количества таких задач. Во-вторых, снижение вероятности ошибок, поскольку минимизируется человеческий фактор, повышающий точность анализа юридически значимых фактов, генерации текста, анализа огромного массива информации. Ошибки могут привести к финансовым потерям в виде новых издержек на исправление ситуации или издержкам репутационного характера. В-третьих, это расширение возможности прогнозного моделирования, к которому относятся риски исходов судебных дел, риски негативного исхода реализации какого-либо проекта, как например, реализации плана национального проекта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аликперов Х. Д. Электронная технология определения меры наказания: «Электронные весы правосудия». — Санкт-Петербург : Юридический центр, 2020. — 170 с.

2. Афанасьевская А. В. Правовой статус искусственного интеллекта // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2021. — № 4 (141). — С. 88—92.

3. Балалаева Ю. С. Теоретико-правовое регулирование использования искусственного интеллекта в юридической сфере. — Москва : Юрлитинформ, 2025. — 168 с.

4. Бредихин А. Л., Проценко Д. Е. Эффективность правовой процедуры и реализация права // Право и государство: теория и практика. — 2025. — № 3. — С. 113—115. — DOI: 10.47643/1815-1337_2025_3_113.

5. Дрозд Д. О. Непосредственность судебного разбирательства при использовании искусственного интеллекта // Российский юридический журнал. — 2022. — № 4 (145). — С. 87—98.

6. Зверева Е. Д. Цифровизация системы исполнительного производства в Российской Федерации // Технологии XXI века в юриспруденции : Материалы Третьей междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 21 мая 2021 г.) / отв. ред. Д. В. Бахтеев. — Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2021. — С. 300—305.

7. Карева И. А. Типовой устав муниципального образования как средство юридической техники // Правовая парадигма. — 2021. — Т. 20, № 3. — С. 94—99. — DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2021.3.15.

8. Кузьмина О. В., Скотникова М. М. Электронное уголовное дело: зарубежный опыт и перспективы внедрения в российский уголовный процесс // Вестник Костромского государственного университета. — 2024. — Т. 30, № 4. — С. 173—177. — DOI: 10.34216/1998- 0817-2024-30-4-173-177.

9. Малыгин К. В. Использование электронных документов в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4. — Ульяновск, 2024. — 35 с.

10. Орлов Д. В. О проблеме определения стоимости правового регулирования // Российский юридический журнал. — 2023. — № 5 (152). — С. 51—57.

11. Россинская Е. Р. Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2024. — № 3 (115). — С. 21—33.

12. Саркисян А. А. Цифровизация судебно-экспертной деятельности: теоретические, правовые и организационные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4. — Москва, 2024. — 24 с.

13. Свирин Ю. А. Цифровые технологии в исполнительном производстве // Вестник Московского университета МВД России. — 2025. — № 2. — С. 157—162. — DOI: 10.24412/2073-0454-2025-2-157-162.

14. Соловьев П. В. Трансформация содержания нормативного правового акта в условиях цифровизации // Право.by. — 2023. — № 4 (84). — С. 120—127. TR

15. Степашин В. М. Реализация экономии репрессии в мерах уголовной ответственности и их назначении. — Москва : Юрлитинформ, 2024. — 328 с.

16. Стрельцова Е. Г. Цифровое исполнительное производство // Lex Russica (Русский закон). — 2023. — Т. 76, № 10 (203). — С. 135—145. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.135-145.

[21] О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Постановление Государственной Думы от 22 янв. 1998 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 801.

17. Талапина Э. В. Государственное управление в условиях цифровизации: шанс на повышение качества // Журнал российского права. — 2025. — Т. 29, № 9. — С. 103—115. — DOI: 10.61205/S160565900034794-7.

18. Талапина Э. В., Южаков В. Н., Ефремов А. А., Черешнева И. А. Возможности применения искусственного интеллекта в государственном управлении и юридические экспертизы. — Москва : ИД Дело, 2022. — 190 с.

19. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. — 2018. — № 1 (253). — С. 85—102.

20. Харитонова Ю. С., Ян Т. Правовые проблемы трансформации основных начал правосудия в условиях цифровизации цивилистического процесса в России и Китае // Вестник гражданского процесса. — 2023. — Т. 13, № 1. — С. 203—235

21. Червонюк В. И. Инновации в праве: современные юридические технологии в контексте цифровой реальности. Статья 4. Современные технологии законодательствования (законодательные технологии) // Вестник Московского университета МВД России. — 2021. — № 5. — С. 29—34.

22. Чижов М. В. Применение информационных и коммуникационных технологий в судебной деятельности в условиях формирования информационного общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11. — Москва, 2013. — 22 с.

23. Юматов В. А., Юматова Э. Г. Искусственный интеллект в судебной экспертологии: проблемы и перспективы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2025. — № 4. — С. 137—146.

REFERENCES

1. Alikperov Kh. D. *Ehlektronnaya tekhnologiya opredeleniya mery nakazaniya: ''Ehlektronnye vesy pravosudiya''* [Electronic Technology for Determining Punishment: "Electronic Scales of Justice"]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Publ., 2020. 170 p.

2. Afanasyevskaya A. V. Legal Status of Artificial Intelligence. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy*, 2021, no. 4 (141), pp. 88—92. (In Russian).

3. Balalaeva Yu. S. *Teoretiko-pravovoe regulirovanie ispolzovaniya iskusstvennogo intellekta v yuridicheskoi sfere* [Theoretical and Legal Regulation of the Use of Artificial Intelligence in the Legal Sphere]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2025. 168 p.

4. Bredikhin A. L., Protsenko D. E. Efficiency of legal procedure and implementation of law. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*, 2025, no. 3, pp. 113—115. (In Russian). DOI: 10.47643/1815-1337_2025_3_113.

5. Drozd D. O. Immediacy of Judicial Proceedings When Using Artificial Intelligence. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Juridical Journal*, 2022, no. 4 (145), pp. 87—98. (In Russian).

6. Zvereva E.D. Digitalization of the System of Enforcement Proceedings in the Russian Federation. *Tekhnologii XXI veka v yurisprudentsii. Materialy 3-ei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Ekaterinburg, 21 maya 2021 g.)* [21st Century Technologies in Jurisprudence. Proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference (Yekaterinburg, 2021, May 21)]. Yekaterinburg, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev Publ., 2021, pp. 300—305. (In Russian).

7. Kareva I. A. The Standard Charter of a Municipality as a Means of Legal Technique. *Pravovaya paradigm = Legal Concept*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 94—99. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.15.

8. Kuzmina O. V., Skotnikova M. M. Electronic Criminal Case: Foreign Experience and Prospects for Implementation in Russian Criminal Proceedings. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 173—177. (In Russian). DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-4-173-177.

9. Malygin K. V. *Ispolzovanie ehlektronnykh dokumentov v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii i zarubezhnykh stran. Avtoref. Kand. Diss.* [Use of Electronic Documents in Criminal Proceedings in Russia and Foreign Countries. Cand. Diss. Thesis]. Ulyanovsk, 2024. 35 p.

10. Orlov D. On the Problem of Determining the Cost of Legal Regulation. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Juridical Journal*, 2023, no. 5 (152), pp. 51—57. (In Russian).

11. Rossinskaya E. R. Neural Networks in Forensic Expertology and Expert Practice: Problems and Prospects. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina = Courier of the university named after O. E. Kutafin (MSAL)*), 2024, no. 3 (115), pp. 21—33. (In Russian).

12. Sarkisyan A. A. *Tsifrovizatsiya sudebno-ehkspertnoi deyatelnosti: teoreticheskie, pravovye i organizatsionnye aspekty. Avtoref. Kand. Diss.* [Digitalization of Forensic Expert Activity: Theoretical, Legal and Organizational Aspects. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2024. 24 p.

13. Svirin Yu. A. Digital Technologies in Enforcement Proceedings. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2, pp. 157—162. (In Russian). DOI: 10.24412/2073-0454-2025-2-157-162.

14. Soloviov P. V. Transformation of the Content of a Normative Legal Act in the Conditions of Digitalization. *Pravo.by*, 2023, no. 4 (84), pp. 120—127. (In Russian).

15. Stepashin V. M. *Realizatsiya ehkonomii repressii v merakh ugolovnoi otvetstvennosti i ikh naznachenii* [Implementing Economy of Repression in Criminal Liability Measures and Their Imposition]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2024. 328 p.

16. Streltsova E. G. Digital Enforcement Proceedings. *Lex Russica*, 2023, vol. 76, no. 10, pp. 135—145. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.135-145.

17. Talapina E. V. Public Administration in the Context of Digitalization: a Chance to Improve Quality. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, 2025, vol. 29, no. 9, pp. 103—115. (In Russian). DOI: 10.61205/S160565900034794-7.

18. Talapina E. V. Yuzhakov V. N., Efremov A. A., Chereshneva I. A. *Vozmozhnosti primeneniya iskusstvennogo intellekta v gosudarstvennom upravlenii i yuridicheskie ehkspertizy* [Possibilities of Using Artificial Intelligence in Public Administration and Legal Expertise]. Moscow, Delo Publ., 2022. 190 p.

19. Khabrieva T. Y., Chernogor N. N. The Law in the Conditions of Digital Reality. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 1 (253), pp. 85—102. (In Russian).

20. Kharitonova Iu. S., Yang T. Legal Problems of Transforming the Basic Principlesof Justice in the Context of Digitalizationof the Civilization Process in Russia and China. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of Civil Procedure*, 2023, vol. 13, no. 1, pp. 203—235. (In Russian).

21. Chervonyuk V. I. Innovation in Law: Modern Legal Technologies in the Context of Digital Reality. Article 4. Modern Technologies of Legislation (Legislative Technologies). *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 5, pp. 29—34. (In Russian).

22. Chizhov M. V. *Primenenie informatsionnykh i kommunikatsionnykh tekhnologii v sudebnoi deyatelnosti v usloviyakh formirovaniya informatsionnogo obshchestva. Avtoref. Kand. Diss.* [Application of Information and Communication Technologies in Judicial Activity in the Conditions of the Formation of the Information Society. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2013. 22 p.

23. Yumatov V. A., Yumatova E. G. Artificial Intelligence in Forensic Science: Challenges and Prospects. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 2025, no. 4, pp. 137—146. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Орлов Дмитрий Викторович (Нижний Новгород) — кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела Нижегородской академии МВД России (603950, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3, Бокс-268; e-mail: dm_orlov@rambler.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Orlov, Dmitry V. (Nizhny Novgorod) — Cand. Sci. (Law), Docent, Doctoral Candidate of the Research Department, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (3 Ankudinovskoye Shosse, Box 268, Nizhny Novgorod, 603950, Russia; e mail: dm_orlov@rambler.ru).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 341.492: 004.8

А. С. Ершова
Волгоградский государственный университет,
Волгоград, Российская Федерация
ORCID 0009-0004-5713-8403
ResearcherID: PQB-4452-2026

ПРЕДЕЛЫ ПОЛНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ИЗ СИСТЕМЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 2. — С. 66—78.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.6.66-78
Дата поступления 26.03.2026, дата принятия к печати 01.06.2026, дата онлайн-размещения 05.06.2026.

АННОТАЦИЯ

Современные технологии захватывают все больше различных сфер, в том числе и сферу правосудия. Развитие экономики под влиянием цифровой трансформации способствует изменению гражданско-правовых отношений. Необходимость последовательного внедрения инструментов искусственного интеллекта в судебную систему обусловлена возможностью оптимизации, сокращения рабочей нагрузки судей и аппарата судебной системы, повышением эффективности. С развитием искусственного интеллекта судебная система имеет опасения относительно возможных перспектив поглощения машинным интеллектом деятельности судьи-человека. Несмотря на относительно небольшой по историческим меркам срок существования технологий искусственного интеллекта, с учетом накопленного опыта его использования в судебной деятельности, автором в данном исследовании рассмотрены вопросы противостояния технологий искусственного интеллекта и отправлением правосудия судьей, разграничены и проанализированы преимущества искусственного интеллекта перед работой судьи-человека, а также возможные риски его использования в судебной деятельности. Методологическую основу исследования составили такие методы, как диалектический, анализ, синтез, структурно-функциональный, сравнительно-правовой, формально-юридический, историко-правовой. Акцентом авторской позиции будет потенциал использования гибридных систем в судебной деятельности. Использовав метод сравнительного анализа, также автором рассмотрена проблематика возможности алгоритмизировать деятельность судьи-человека с определением формулы осуществления его деятельности, при использовании искусственного интеллекта. Ориентируясь на российский подход к внедрению искусственного интеллекта в судебной системе и степени готовности общества к его внедрению, автор приходит к выводу о том, что технологии искусственного интеллекта позиционируются и могут быть использованы в судебной деятельности, как помощник на уровне сотрудничества, но не заменяя работу судьи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Искусственный интеллект, цифровые технологии, суд, судья, судебная деятельность, правосудие, судебная система, принятие судебных решений.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Ершова А. С. Пределы полного исключения человека из системы принятия решений в сфере искусственного интеллекта на примере судебной системы // Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 2. — С. 66—78. — DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.6.66-78.

UDC 341.492: 004.8

A. S. Ershova
Volgograd State University,
Volgograd, Russian Federation
ORCID 0009-0004-5713-8403
ResearcherID: PQB-4452-2026

THE LIMITS OF COMPLETE HUMAN EXCLUSION FROM ARTIFICIAL INTELLIGENCE DECISION-MAKING SYSTEMS: THE CASE OF THE JUDICIAL SYSTEM

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 2, pp. 66—78.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.6.66-78
Received 26.03.2026, accepted 01.06.2026, available online 05.06.2026.

ABSTRACT Modern technologies are taking over an increasing number of diverse spheres, including the justice system. The digital transformation of the economy is leading to changes in civil law relations. The need for the systematic implementation of artificial intelligence tools in the judicial system stems from the potential to optimize operations, reduce the workload of judges and court staff, and improve efficiency. As artificial intelligence develops, the judicial system harbours concerns that machine intelligence might one day supplant the human judge. Despite the relatively short history of AI technologies by historical standards, and drawing on accumulated experience of their use in judicial practice, this study examines the tensions between artificial intelligence technologies and the administration of justice by a human judge. It identifies and analyzes the advantages of AI over human judges, as well as the potential risks of using machine intelligence in judicial activity. The methodological framework includes dialectics, analysis, synthesis, the structural-functional method, the comparative-legal method, the formal-legal method, and the historical-legal method. The author focuses on the potential of using hybrid systems in judicial activities. Using a comparative approach, the author also explores whether it is possible to algorithmize a human judge's work and to formulate a formula for decision-making with the help of artificial intelligence. Focusing on Russia's approach to introducing AI into the judicial system and the extent of society's readiness for such implementation, the author concludes that artificial intelligence technologies are designed to serve as a collaborative assistant, not as a replacement for the judge.

KEYWORDS Artificial intelligence, digital technologies, court, judge, judicial activity, justice, judicial system, judicial decision making.

FOR CITATION Ershova A. S. The Limits of Complete Human Exclusion from Artificial Intelligence Decision-Making Systems: The Case of the Judicial System. *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 2, pp. 66—78. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.6.66-78.

Современный мир невозможно представить без цифровизации и искусственного интеллекта во всех сферах жизни. Вектор политики государств большинства стран мира и бизнес-сообществ направлен на то, чтобы быть первыми в данной отрасли и поскольку искусственный интеллект (далее — ИИ) способствует развитию экономики, следовательно, в правовом обществе возникают правоотношения, которые требуют соответствующего правого регулирования.

Захватывая все новые сферы, в том числе систему правосудия, ИИ ставит ряд вопросов перед профессиональным сообществом: каковы пределы использования ИИ в судебной системе, какая деятельность может быть заменена машинным интеллектом, сможет ли ИИ вытеснить судью-человека? В свою очередь, у граждан, возникают иные вопросы: насколько результат работы искусственного интеллекта, т. е. его конечный продукт, будет объективным, гуманным, беспристрастным, законным и справедливым, и чем больше вопросов будет сформулировано, тем объемней будут параметры задач, поставленных перед искусственным интеллектом в системе правосудия.

Дискурс о замене судьи-человека на ИИ — это многогранный вопрос, требующий детального погружения и изучения сквозь призму проблематики, вскрывающейся в практической деятельности.

В основе ИИ лежит процесс работы алгоритмических моделей, который регулируется системой дискурса, основанной на коде. Система технического языка ИИ точна и лаконична. Вместе с тем многие вопросы в сфере юриспруденции не имеют стандартных ответов. Анализ и толкование норм права в своей основе базируются на сложных мыслительных процессах, оценочных суждениях и учете различных факторов (социальных, временных, пространственных, процессуальных). Когда искусственный интеллект пытается взаимодействовать с правовой системой, всплывают на поверхность фундаментальные различия между лежащими в их основе базовыми принципами работы.

Объемы информации, предлагаемые современным институтами в сфере общественной жизни, не позволяют их изучить, освоить и применить в практической деятельности как индивиду, который не имеет знаний в области юриспруденции, так и лицам, имеющим специальные познания. Не являются исключением и процессуальные участники правоприменения, в том числе служители Фемиды [14, с. 140].

В Российской Федерации законодательной базой использования ИИ стала Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»[1].

Именно в данном документе закреплено законодательное понятие ИИ, под которым понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их (п. «а», ст. 5).

В рамках данного определения ИИ толкуется как широкий спектр технологических компонентов, объединенных в единую систему. К ним относятся информационно-коммуникационная инфраструктура, обеспечивающая сбор, хранение и передачу данных, программное обеспечение, реализующее алгоритмы машинного обучения [3, с. 61—71].

Сфера правосудия достаточно аккуратно подходит к внедрению ИИ.

Основные определяющие векторы задач и пределы использования ИИ в судебной системе в тезисном своем выражении были отражены на заседании рабочей группы по внедрению технологий искусственного интеллекта в судебную систему Российской Федерации, состоявшемся 4 апреля 2025 года в Совете судей РФ. Члены рабочей группы подчеркивали, что основной задачей искусственного интеллекта в сервисе «Правосудие онлайн» станет автоматизированное составление проектов судебных актов на основе анализа текста процессуального обращения и материалов судебного дела, создания интеллектуальной поисковой системы с возможностью анализа и систематизации судебной практики.

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

В апреле 2025 года в Ханчжоу состоялось XX Совещание председателей Верховных судов государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), на котором участники обсудили широкий спектр вопросов, касающихся как технологической стороны обеспечения правосудия, так и практики рассмотрения различных категорий дел[2]. Позиция Верховного суда Российской Федерации относительно пределов использования инструментов искусственного интеллекта несколько лет остается неизменной и сводится к тому, что автоматизированное правосудие возможно только по бесспорным вопросам, когда работа судьи не связана с анализом правоотношений сторон и носит исключительно технический характер, т. е. автоматизация приказного производства. Иными словами, вопрос о замене судей на искусственный интеллект в российской судебной системе в видимой перспективе в настоящее время не возникает[3].

Судья является одним из ключевых участников судебной системы и играет важную роль в обеспечении справедливости и защите прав граждан.

В данной работе автором будут выделены преимущества ИИ перед судьей-человеком, риски и проблемы, которые ограничивают внедрение ИИ в судебную систему, а также проиллюстрированы основополагающие принципы работы судьи-человека, которые не позволят исключить его из системы принятия решений в обозримой перспективе.

Возможно ли алгоритмировать деятельность судьи подобно работе машинного интеллекта? Обращаясь к истокам римского права, следует вспомнить, что судьей мог быть всякий взрослый римский гражданин, который потенциально мог и не знать отдельных нюансов применения норм римского права [9, с. 69]. Сначала сведущий в юриспруденции претор составлял формулу, по которой затем действовал гражданский судья. Существующие части формулы напоминали некий силлогизм или логическую операцию импликации, где из обстоятельств дела и правовой нормы следует решение спора [10, с. 237—265]. В настоящее время объем нормативных правовых актов и многогранность правоотношений не позволяют осуществлять правосудие лицу, не имеющему специальной подготовки, образования, опыта работы и не обладающему высокими моральными качествами.

Основополагающие принципы деятельности судьи в Российской Федерации при отправлении правосудия, помимо процессуального законодательства, закреплены в Кодексе судейской этики, утвержденном VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 года[4].

Согласно Кодексу судейской этики, судья при рассмотрении дела обязан придерживаться независимой и беспристрастной позиции в отношении всех участников процесса, должен руководствоваться принципом равенства, поддерживать баланс между сторонами, обеспечивая каждой из них равные возможности, проявляя объективность, беспристрастность, с одинаковым вниманием относиться ко всем участникам судопроизводства вне зависимости от их пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, жительства, отношения к религии (ст. 8, 9 Кодекса).

Таким образом, исходя из Кодекса судейской этики, основополагающие принципы работы судьи — это независимость, беспристрастность, объективность, равенство, компетентность и добросовестность. Сможет ли робот-ИИ отвечать этим принципам, и кто одержит победу в этом противостоянии: судья-человек или искусственный интеллект?

Преимущества инструментов ИИ перед деятельностью судьи-человека

Алгоритмы искусственного интеллекта могут создать конкуренцию судье-человеку, поскольку именно машинные алгоритмы предназначены для беспристрастного анализа большого объема данных, без влияния предрассудков или эмоций. В той же степени ИИ, если вести речь о компетентности и добросовестности, будет также превосходить судью-человека именно в скорости. В отличие от человека, ИИ не требуется время, чтобы открыть справочно-правовые системы для поиска нормы права, подлежащих применению, их изучения и анализу. Таким образом, ИИ по скорости принятия решений, создания процессуального документа безусловно будет превосходить судью-человека. Следует подчеркнуть, что на современном этапе развития технологий в судебной деятельности используется «слабый», то есть узкоспециализированный ИИ, работающий строго по алгоритмам, предназначенным для решения конкретной задачи.

[2] Официальный сайт Совета судей РФ. URL: https://ssrf.ru/news/mieropriiatiia/56905.

[3] URL: https://ssrf.ru/news/mieropriiatiia/56905.

[4] Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 2.

Внедряя ИИ в судебную систему, государство в первую очередь ставит перед новыми технологиями задачу оптимизации технологических процессов.

Под оптимиза́цией (от лат. *optimus* — наилучший) понимается процесс, имеющий целью направить развитие какого-либо объекта или метода к лучшему состоянию [6, с. 720]. Оптимизация любых процессов возможна при определении критериев (параметров), в зависимости от конечной цели. Рассматривая оптимизацию сквозь призму отправления правосудия, с экономической точки зрения и рабочего (человеческого) ресурса, оптимизация проявляется в возможности сэкономить расходы бюджетных денежных средств на человеческий ресурс (оплату труда, иных социальных выплат, выходных пособий, отпускных), заменив человеческий труд на работу искусственного интеллекта. С точки зрения процедуры отправления правосудия, оптимизация заключается в ускорении процесса вынесения судебного постановления, минимизации судебных ошибок, исключения волокиты, в конечном результате в восстановлении нарушенного права в максимально сжатые сроки. В этой гонке, как мне представляется, приоритет будет на стороне ИИ, а не судьи-человека.

На сегодняшний день российское правосудие открывает двери искусственному интеллекту для осуществления автоматизации приказного производства, где отсутствует предмет спора (спор о праве) и минимизированы риски судебных ошибок. Апробация данных инструментов уже проведена в Российской Федерации. Например, в 2021 году некоторые участки мировых судей Белгородской области участвовали в реализации пилотного проекта с использованием специального программного обеспечения, разработанного сотрудниками «Мегафон Ритейла», под наименованием «робот-судья» (ИИ) для подготовки судебных приказов по делам о взыскании с граждан имущественного, транспортного и земельного налогов. Данное программное обеспечение самостоятельно формировало карточку дела, осуществляло проверку реквизитов. Проект просуществовал два месяца и доказал свою эффективность. Так, время, затрачиваемое на подготовку судебного акта, уменьшилось на 84 %. А время, которое нужно на заполнение карточки дела, сократилось на 96 %[5].

Таким образом, автором выше приведены положительные стороны использования технологий ИИ в судебной деятельности, которые дают ему преимущество перед работой судьи-человека.

Риски использования ИИ в судебной деятельности

Однако использование ИИ в правосудии также создает важные проблемы. Одной из проблем является **этика** его использования.

Вопросу этики использования ИИ в судебной системе уделяется приоритетное внимание на международном уровне, в связи с чем Европейской комиссией по эффективности правосудия (CEPEJ) в декабре 2018 года в Страсбурге принята Хартия об этических принципах применения искусственного интеллекта в судебных системах (далее — Хартия)[6]. В Хартии провозглашены пять основополагающих принципов:

— уважение фундаментальных прав: разработка и внедрение искусственного интеллекта в судебную деятельность не должны нарушать фундаментальные права человека;

— отказ от дискриминации: предотвращение появления или усиления дискриминации в отношении отдельных людей и групп;

— качество и безопасность: обработка судебных решений и данных должна проводиться в технически защищенной обстановке, на основании проверенных источников и с применением моделей, разработанных специалистами нескольких научных дисциплин;

— открытость, беспристрастность и честность: методы обработки данных должны быть доступными и понятными для возможности проверки третьей стороной;

— право пользователя отказаться от предписывающего подхода, возможность выступать информированным участником и контролировать свой выбор.

Кроме того, сферу использования технологий искусственного интеллекта регулирует «Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта», принятая в ноябре 2021 г. 193 государствами-членами ЮНЕСКО (далее — Рекомендации). В Рекомендациях подняты вопросы этики при работе с новыми технологиями: например, влияние на цифровое неравенство, защиту персональных дан-

[5] XIII Международный юридический форум, 01.07.2022 год. URL: https://pravo.ru/lf/story/241675 (дата обращения: 9.11.2025).

[6] Европейская этическая Хартия принята на 31 пленарном заседании (CEPEJ) (Страсбург, 3—4 дек. 2018 г.). URL: https://www.coe.int/en/web/cepej/cepej-european-ethical-charter-on-the-use-of-artificial-intelligence-ai-in-judicial-systems-and-their-environment.

ных, демократию, верховенство закона, обеспечение безопасности и правопорядка, права человека и основные свободы. В качестве ценностных установок указаны: уважение, защита и поощрение прав человека и основных свобод и человеческого достоинства, жизнь в мирных, справедливых обществах. Основными принципами работы с ИИ по рекомендациям выступают:

— соразмерность и непричинение вреда;

— безопасность и защищенность;

— справедливость и отказ от дискриминации;

— право на неприкосновенность частной жизни и защита данных;

— подконтрольность и подчиненность человеку;

— прозрачность и объяснимость;

— ответственность и подотчетность;

— осведомленность и грамотность[7].

В Российской Федерации в 2021 году разработан «Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта», в котором определены риски и угрозы, сопровождающие внедрение ИИ в жизнь: дискриминация, потеря приватности, потеря контроля над ИИ, причинение вреда человеку ошибками алгоритма, применение в неприемлемых целях[8]. В июле 2025 года Центральный Банк РФ разработал также «Кодекс этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке»[9]. Оба документа носят рекомендательный характер.

В данных Кодексах закреплены основные принципы внедрения и использования ИИ: человекоцентричность; прозрачность; правдивость; ответственность; надежность; инклюзивность; беспристрастность; безопасность и конфиденциальность.

В Кодексах особо подчеркивается необходимость защиты интересов и права человека посредством человеко-ориентированного и гуманистического подходов, уважения автономии и свободы воли человека и соответствия закону.

Анализируя данные документы, можно заключить, что этические принципы не носят техноцентрического, системно-ориентированного характера — напротив, имеют выраженный гуманистический подход, универсальный характер и могут быть применимы также в медицине, науке, искусстве, образовательной деятельности.

Как мне представляется, из всех вышеперечисленных документов наиболее релевантным для судебной системы является Хартия, поскольку разработке данного документа предшествовало углубленное изучение правового вопроса использования ИИ в европейских судебных системах, а выработанные принципы сформулированы с учетом специфики судебной деятельности.

Таким образом, ИИ должен быть запрограммирован на уважение основополагающих принципов справедливости; принимаемые решения должны быть прозрачными либо, напротив, конфиденциальными (в случае, если речь идет о делах, рассматриваемых в закрытых судебных заседаниях и иных спорах, не подлежащих публикации). На текущую дату исследования каких-либо нормативных правовых актов в Российской Федерации, содержащих общеобязательные нормы, регулирующие вопросы этики использования искусственного интеллекта, не принято.

Вопрос недопустимости **дискриминации** является второй проблемой при внедрении ИИ в судебную деятельность. Ярким примером проявления данной проблемы, которая тормозит внедрение ИИ в процесс отправления правосудия является использование в США системы COMPAS и PSA. Так, при назначении наказания судьями используются методы оценки рисков совершения подсудимым преступлений в будущем с помощью программ ИИ. Система COMPAS или «Профилирование управления исправления правонарушителей» с целью назначения альтернативных санкций, может прогнозировать уровень рецидивов у правонарушителя, риск насильственного рецидива, неявки в суд, используя различные точки данных, касающиеся личности. COMPAS делит их на статические и динамические факторы. Менее предвзятым инструментом оценки рисков является «Оценка общественной безопасности» (PSA). Данная система использует несколько иные факторы риска для прогнозирования уровня рецидивизма, насильственного рецидивизма и неявки в суд. Однако и данная система продемонстрировала свое несовершенство, в частности, нарушая принцип недискриминации, применяя

[7] Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта ЮНЕСКО. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus (дата обращения: 14.11.2025).

[8] Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. URL: https: //a - ai.ru/wp - content/uploads/2021/10/ (дата обращения: 14.11.2025).

[9] О Кодексе этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке : информ. письмо Банка России от 9 июля 2025 г. № ИН-016-13/91. URL: https://cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/10045.

более жёсткие меры наказания к лица с черным цветом кожи[10].

Еще одной проблемой использования результатов машинного интеллекта ИИ является **подотчетность**. Когда судебные решения принимаются системами ИИ, важно определить, кто несет ответственность за ошибки, поскольку машинный интеллект основан на алгоритмах и моделях, которые возможно будет сложно контролировать. В настоящее время работа ИИ построена по принципу работы «черного ящика», его алгоритмы понятны для его разработчиков, но никак не для судей вышестоящей инстанции в случае пересмотра такого судебного постановления. Алгоритмы создаются программистами, и на алгоритмический код могут влиять предпочтения программистов и другие субъективные факторы. Таким образом, алгоритмы по своей природе несут в себе человеческие атрибуты, что делает неизбежными такие проблемы, как алгоритмическая дискриминация и предвзятость. Алгоритмическая предвзятость и проблема черного ящика могут привести к отсутствию прозрачности, справедливости и незаметным рискам при проверке точности процесса принятия решений и результатов [12, с. 83—104].

Еще одним из барьеров для тотального внедрения ИИ в судебную систему и отправление правосудия с помощью инструментов машинного интеллекта является отсутствие сформированного **доверия** общества к продукту (результату) ИИ.

Вопросу доверия в праве уделяется большое значение. Как отмечает один из исследователей, доверие к суду — это прежде всего доверие к закону и одновременно признак высокой правовой культуры общества. Казалось бы, принцип доверия к суду носит абстрактно-философский характер, однако важно то, что проблема доверия к суду привлекает внимание общества [8. с. 37—42]. Критика судебной деятельности (если это конструктивный анализ, а не тенденциозная сосредоточенность на минусах) позволяет увидеть недостатки судопроизводства [11, с. 124—126].

Вопрос доверия к суду не ограничивается возможностью заявить отвод конкретному судье в судебном заседании — это вопрос доверия к судебной системе в целом, желания обращения лиц за защитой нарушенного права в судебном порядке и гарантия получения итогового результата в виде восстановления нарушенного права.

В сентябре 2012 года Правительством Российской Федерации принята концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013—2020 годы», утверждённая распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2012 года № 1735-р (далее — Программа). Согласно данной концепции обеспечение доступа граждан к правосудию и обеспечение его максимальной открытости и прозрачности, реализация принципа независимости и объективности при вынесении судебных решений являются основными направлениями дальнейшего развития судебной системы. С целью реализации задач Программы принят ряд федеральных законов, направленных на обеспечение открытости и прозрачности правосудия, повышение эффективности и качества рассмотрения дел, обеспечение доступности правосудия и предотвращение коррупции в органах судебной власти[11].

Результаты исследования «О судах и судьях», проведённые Фондом «Общественное мнение» (далее — ФОМ) в январе 2013 года показали, что при ответе на вопрос «Как вы в целом оцениваете деятельность российских судов и судей: положительно или отрицательно?» преобладали отрицательные оценки: 40 % отвечали «отрицательно», только 24 % — «положительно», 36 % затруднились ответить. На вопрос о том, стоит ли человеку обращаться в суд в случае нарушения его прав и ущемления законных интересов, 44 % ответили, что в суд следует обращаться только в крайнем случае, ещё 28 % затруднились с ответом, и только оставшиеся 28 % заявили, что в подобной ситуации нужно сразу идти в суд[12].

Концепция «Развитие судебной системы России на 2013—2024 годы», закрепила основными задачами обеспечение открытости и доступности правосудия, независимости судебной власти. Программа подчеркивает, что «в настоящее время существует ряд проблем, связанных с качеством правосудия, сроками судопроизводства, недостаточной информированностью граждан о деятельности судебной системы, неудовлетворительной работой

[10] Artificial Intelligence Criminal Justice System-2021. URL: https://pixelplex.io/blog/artificial-intelligence-criminal-justice-system.

[11] Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013—2020 годы» : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сент. 2012 г. № 1735-р // Российская газета. 2012. 2 окт.

[12] URL: https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/10551 (дата обращения: 14.11.2025).

судов, неэффективным исполнением судебных актов, отсутствием необходимых условий для осуществления правосудия и др.»[13].

Исследования, проведённые ФОМ в 2017 году, показывают, что 32 % опрошенных оценивают положительно работу российских судови36% — отрицательно.ПоданнымНезависимого исследовательского центра в 2018 году половина (50 %) опрошенных граждан в разной степени не доверяли российской судебной системе, и только 34 % питали доверие к судебной власти, 14,6 % затруднились ответить и 1,4 % выбрали свой вариант ответа[14]. В 2022 году «Левада-Центр»[15] зафиксировал значительный рост доверия граждан ко всем государственным органам. В частности, 36 % респондентов высказались за доверие судебной власти, 17 % — не доверяют, 16 % — затруднились ответить, 32 % ответили, что судебная власть не вполне заслуживает доверия[16]. Ввиду отсутствия более актуализированных статистических данных относительно данного вопроса, дискурс о проблеме доверия носит несколько ретроспективный характер. Анализируя итоги проведенного опроса, можно сделать вывод о том, что уровень доверия и недоверия населения находятся примерно на одном уровне, чуть в пользу доверия.

Хочется надеяться, что с учетом принятых государством мер, уровень доверия общества к правосудию в целом будет стремиться в сторону его роста.

Процесс формирования доверия общества к системе правосудия, которая отправляется судьями, в современной истории Российского государства носил постепенный и поэтапный характер, и для того, чтобы завоевать это доверие понадобилось более 20 лет. Внедрение инструментов ИИ при отправлении правосудия, которые будут участвовать в принятии решений (судебных актов), тем самым заменяя живого судью, могут разрушить имеющийся уровень доверия, а для формирования доверия общества к ИИ потребуется длительный период, его апробация, как с положительными результатами, так и с анализом соответствующих рисков.

Как верно отмечает один из авторов, доверие, обеспеченное формальными правовыми механизмами, становится частью правовых ценностей, позволяющих сформировать образ ожидаемого будущего для страны [7, с. 28 — 37].

Отправление правосудия требует нюансов, сопереживания, слушания, человечности и данные составляющие никогда не будут подвластны роботу-судье.

При вынесении решения судья руководствуется законом, совестью и внутренним убеждением (ст. 17 УПК РФ, ч. 1 ст. 71 АПК РФ, ст. 67 ГПК РФ)[17].

Под внутренним убеждением понимается личный уверенный взгляд судьи на обстоятельства рассматриваемого дела. Это результат рационального познания обстоятельств дела, ценностного к ним подхода, их соотношения с нормами права и морали. Совесть также является нравственным ориентиром в работе судьи[18]. Она влияет на внутреннее убеждение судьи, помогает оценить соответствие способов получения доказательств требованиям морали, этичность использования в процессе тех или иных полученных сведений.

Ответ на вопрос, обладает ли ИИ компонентом внутреннего убеждения совестью и моралью, является очевидным. Как бы не пытались и судебная система, и правовая наука разработать критерии, формулы, например, по определению четкого размера компенсации морального вреда при причинении вреда здоровью, судья исходит из правовых отношений, конкретных обстоятельств дела, а также степени физических и нравственных страданий конкретного лица. Ни один ИИ, даже самый «сильный» (на сегодняшнем этапе развития технологий) не может уловить разницу между одинаковой степенью причиненного вреда здоровью (сломанная нога) в результате дорожно-транспортного происшествия,

[13] О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 — 2024 годы» : Постановление Правительства Российской Федерации от 27 дек. 2012 г. № 1406 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 1. Ст. 13.

[14] Отношение россиян к судебной системе (итоги всероссийского опроса) // Независимый исследовательский центр. 2018. URL: http://исследовательскийцентр.рф/otnoshenie-rossiyan-k-sudebnojsisteme-itogi-vserossijskogo-oprosa/ (дата обращения: 20.01.2020).

[15] В 2022 году АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом РФ в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

[16] Доверие общественным институтам. URL: https://www.levada.ru/2022/09/20/doverie-obshhestvennym-institutam-2/ (дата обращения: 03.05.2026)

[17] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532 ; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Там же. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921.

[18] Большая Российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/philosophy/text/3588915.

причиненного в первом случае девушке в возрасте от 18 до 20 лет, которая следовала в кинотеатр и в итоге не попала в кино, и ДТП, в котором пострадала девушка аналогичного возраста с той же травмой, следуя из салона красоты в ресторан на банкет по случаю собственной свадьбы.

В этом случае алгоритмизация отправления правосудия создает риск его **дегуманизации**, когда индивидуальные юридически значимые обстоятельства дела (приведенные в вышеизложенном примере) могут быть подменены формализованными критериями, не учитывающими всю полноту социального контекста и особенностей конкретной правовой ситуации.

В своей судебной практике мне нередко встречались ситуации, при которых, потерпевшие по уголовным делам, воспринимали непосредственное участие в судебном разбирательстве, как способ добиться справедливости не с точки зрения достижения целей наказания, а с точки зрения того, чтобы быть услышанными, почувствовать от государства в лице судьи-человека, должностного лица сочувствие, понимание, эмпатию. И, несмотря на то, что судья должен быть беспристрастным, поддерживать баланс между сторонами, обеспечивая каждой из них равные возможности, проявляя одинаковое внимание ко всем участникам судопроизводства, он может раскрыть не только эмоциональный окрас чувств лица, участвующего в деле, а выявить как можно больше обстоятельств, характеризующих нарушение личных неимущественных прав. Это может быть достигнуто путем правильно заданных уточняющих вопросов, а также путем невербального общения (непроизвольное кивание головой в знак согласия с участником процесса, взгляд, интонация). Так, профессор психологии Калифорнийского университета США Альберт Меграбян еще в 1971 году установил, что передача информации происходит за счет невербальных средств на 7 %, за счет интонации — на 38 % и за счет мимики и жестов — на 55 %. Визуальная система общения включает жесты, мимику, позу, кожную реакцию, контакт глазами, акустическую систему (темп голоса, его тональность, диапазон) [13, с.196]. Особенностью невербального языка является то, что его появление обусловлено импульсами человеческого подсознания, и человек, не владеющий методикой контроля своих невербальных средств выражения не может подделать эти импульсы [5, с. 72—76]. Все это в своей совокупности будет способствовать проявлению сочувствия в той степени, которая будет соответствовать справедливости. И, напротив, робот-судья (ИИ) не сможет оценить искренние слезы истца при рассмотрении искового заявления о компенсации морального вреда, причиненного в связи со смертью близкого родственника.

Принцип непосредственного участия в судебном процессе создает одну из самых сложных комбинаций психологического влияния на каждого участника процесса. Навык участия в судебном заседании приобретается с опытом. И владение данным инструментом достигает своего апогея, когда ты в полной мере обладаешь знаниями процессуального и материального характера, преодолел свой страх публичных выступлений и эмоциональный страх не среагировать вовремя на другого оппонента. Каждый профессиональный юрист (адвокат, прокурор, юристы-представители) вначале своей профессиональной деятельности сталкиваются со страхом участия в судебном заседании. Непосредственность судебного разбирательства при ведении судебного процесса под председательством судьи-человека, направлена не только на соблюдение регламента судебного заседания, но и оказывает психологическое влияние на каждого участника судебного процесса и, как итог, способствует обеспечению справедливого и гуманного правосудия. Как мне представляется, непосредственность судебного разбирательства является преимуществом в оправлении правосудия не только при его осуществлении судьей-человеком, но и в целом, если рассматривать вопрос о справедливом и законном правосудии.

Есть и другой аспект принципа непосредственного участия в судебном разбирательстве. Еще во времена Римской империи судебному процессу уделялось особое внимание. Процесс состоял из двух стадий: первая была строго формальной, а вторая, напротив, свободной процедурой. На второй стадии судоговорение имело значительную роль. Так, согласно тексту Законов XII таблиц судоговорение в присутствии двух сторон ограничивалось только заходом солнца, т. е. могло длиться весь день [4, с. 58]. В настоящее время в связи с дефицитом времени как у участников процесса, так и в силу загруженности судов, сфера юриспруденции утрачивает важность и ценность техники судебной речи. Ведь принцип состязательности сторон, гарантированный ст. 123 Конституции РФ, в судебном процессе проявляется не только процессуальными правами, но также раскрывается непосредственно и в судебных речах, излагаемых профессиональными юристами. Судебная речь — это искусство излагать мысль, которое проявляет-

ся через красноречие, придающее силу речи [1, с. 172—189]. Непосредственной целью любой судебной речи является то, что она должна быть понятна и ясна для тех, к кому она обращена, и, в первую очередь, к суду. В последнее время очень редко можно услышать красивую интересную речь адвокатов, прокуроров и просто представителей, которые осуществляют защиту прав граждан в суде. Одно из ценных свойств судебной речи — это проявление высокого ума, а также навык излагать свои мысли профессионально, то, чего так не хватает в судебных процессах сегодня. Замена судей на роботов ИИ создаст серьезную угрозу **жизнеспособности института искусства судебной речи** юристов, необходимости готовиться к выступлению в судебных заседаниях и будет способствовать снижению значимости судебной риторики как профессионального навыка.

Следует также акцентировать внимание на **неизбежности ошибок**, допускаемых в процессе самостоятельного обучения системы ИИ, или ошибочности внесенных в нее данных, в результате чего принимаемые ИИ решения не будут соответствовать ни нормам права, ни здравому смыслу, ни судебной практике. Примером может служить случай в судебной практике Колумбии. ИИ предложил судье неверный вариант решения вопроса (не основанный на существующем правовом регулировании), и судья, не проверив его, вынес судебное решение[19].

Таким образом, ИИ не может застраховать судебную систему от ошибок. При этом машинный интеллект не является субъектом ответственности. А судья-человек в полной мере отвечает за вынесенное судебное постановление и может нести как дисциплинарную, так и уголовную ответственность.

Машинный интеллект не обладает эмоциональной способностью определять, что является разумным или вводящим в заблуждение, не обладает интуицией, не может выражать эмпатию. А значит, автоматизировать большинство споров остается сложно. ИИ или робот-судья не сможет обеспечить справедливое и гуманное правосудие.

Продолжая логику эмпирического исследования пределов полного исключения человека из системы принятия решения в сфере ИИ при отправлении правосудия, интересным будет пример одного эксперимента, проведенного в Японии, одобренного Комитетом по этической проверке кафедры поведенческих наук Высшей школы гуманитарных наук Университета Осаки. Целью данного эксперимента было выяснить, как смягчающие обстоятельства и источники принятия решений (ИИ против судей-людей) влияют на решения присяжных заседателей и будут ли присяжные соглашаться с решением судьи-человека с большей вероятностью, чем с решением ИИ.

Чтобы установить эти обстоятельства, предложен «Эксперимент 1», когда обвиняемая, ставшая жертвой домашнего насилия, убила своего мужа, и «Эксперимент 2», когда обвиняемый убил свою мать, у которой был неизлечимый рак (совершил убийство из-за выгорания во время ухода за больной). Организаторы исследования ожидали, что на решения участников по делу будет влиять решение судьи-человека, и что они с большей вероятностью выберут тюремное заключение, если судья поддержит тюремное заключение, либо условное наказание, если судья выступает за условное наказание.

В обоих экспериментах присяжные не отдали предпочтения ни решению судьи, ни ИИ при вынесении приговоров, а в большей степени акцентировали внимание на смягчающие обстоятельства. Эти результаты дали основания предположить, что присяжные не отвергают алгоритмических суждений и не отдают приоритет источникам принятия решений, будь то человек или ИИ [15].

Это подчеркивает потенциал гибридных систем в комбинации «человек судья + ИИ» для уменьшения чрезмерной зависимости либо от эмоциональной составляющей человека, либо от алгоритмической объективности ИИ, предлагая дополнительную динамику.

Примером работы в тандеме гибридных систем робота ИИ и судьи-человека является использование инструментов ИИ в Китайской Народной Республике. Так, система «Умный Судья» Высшего суда Пекина использует технологии ИИ и машинное обучение, чтобы оказывать поддержку судьям в вынесении решений[20].

Также в провинции Чжэцзян используются роботы-судьи, такие как «Xiaozhi»

[19] Colombian judge says he used ChatGPT in ruling // The Guardian. 2023. Feb. 23. URL: https://www-theguardian-com.translate.goog/technology/2023/feb/03/colombia-judgechatgptruling?_x_tr_sl=auto&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru.

[20] 《北京法院依托"睿法官"系统推进同案同判》 2017 [Суды Пекина полагаются на систему «Умный судья» для вынесения единообразия решений по аналогичным делам 2017 г.]. URL: https://china.huanqiu. com/article/9CaKrnK0Lmo.

(Сяоджи), которые могут эффективно прогнозировать результат рассмотрения дела, подсчитывать сумму судебного решения и автоматически создавать судебные акты после окончательного решения судьи [2, с. 241 – 256].

Судами Сучжоу применяются инструменты ИИ, участвующие в принятии судебных решений, за результатом которого осуществляет надзор человек-судья – это система «Судья ИИ». Здесь ИИ генерирует варианты решений, которые затем подтверждаются судом (судьей), принимающим решения, перед непосредственным созданием документов. В этом процессе судья играет контролирующую роль в принятии решений и может изменить решение в случае необходимости[21].

Оценивая готовность общества и систему правосудия к имплементации инструментов ИИ в судебную деятельность, мы привели как позитивные, так и негативные последствия его использования. К преимуществам использования ИИ относятся: беспристрастность, точность выполнения поставленных задач, сокращение сроков рассмотрения дел, поиск и обработка большого объема информации, оптимизация. Однако, с другой стороны, ИИ не обладает эмоциональной способностью определять, что является разумным или вводящим в заблуждение; не обладает интуицией; не может выражать эмпатию, а, значит, ИИ не сможет обеспечить справедливое и гуманное правосудие. Риски этики использования ИИ в системе правосудия, возможные ошибки его деятельности, отсутствие проработанного метода подотчётности результата работы машинного интеллекта, а также угроза жизнеспособности института искусства судебной речи создают объективные препятствия на пути имплементации ИИ в судебную систему. Отсутствие прозрачности алгоритмов, применяемых технологий ИИ и доверия общества к пониманию архитектуры данного алгоритма, станет также барьером на пути к внедрению технологий ИИ в судебную деятельность. Для более эффективного продвижения ИИ в систему правосудия необходимо детальное законодательное регулирование данного процесса, наличие технической возможности и обеспечение всех уровней судебной системы инструментами ИИ.

Если формула технологии ИИ состоит из трех элементов: наборов данных, алгоритмов и вычислительной мощности, то работу судьи-человека в системе правосудия с использованием технологий ИИ можно выразить по следующей формуле ((С + Т + О) + (ВУ + З + Э + С + М))*ОП = ЗСП, где (С – скорость, Т – точность, О – объективность + ВУ – внутренние убеждение, З – законность, Э – эмпатия, С – совесть, М – мораль, ОП – опыт правоприменения, ЗСП – законное и справедливое правосудие).

Как мне представляется, на сегодняшнем этапе развития технологий и готовности общества к внедрению ИИ в судебную деятельность, его использовании при вынесении судебных актов, судья-человек должен применять инструменты ИИ в качестве помощника на уровне сотрудничества лишь в первой части формулы: С + Т + О (скорость, точность, объективность). Вторая половина ВУ + З + Э + С + М (внутренние убеждение, законность, эмпатия совесть, мораль) – доступна только человеку. Но эти части можно объединить, для достижения законного и справедливого правосудия. Представленная автором формула является концептуальной метафорой и не является потенциалом для будущей алгоритмизации.

Иными словами, ИИ в судебной деятельности не может быть соперником судье-человеку и не должен восприниматься, как угроза судейскому сообществу, вытесняя, либо заменяя его в отправлении правосудия.

Сферой судебной деятельности, где инструменты ИИ смогут заменить судью-человека, является приказное производство. Активное внедрение ИИ для бесспорных формализованных кейсов будет способствовать автоматизации приказного производства и снижению судебной нагрузки. В то же время, даже в случае использования инструментов ИИ для полного цикла приказного производства, нельзя утверждать о полном исключении судьи-человека из данного процесса, в силу необходимости подписания судебного постановления электронно-цифровой подписью и осуществлением контроля за результатом сгенерированного судебного постановления. В свою очередь, сферы судебной деятельности, где имеется спор о праве, индивидуальные юридически значимые обстоятельства и доказательства, требующие оценки, а также принятие решений, ограничивающих конституционные права граждан, не могут быть переданы ИИ для генерации судебных решений.

С учетом анализа приведенных возможных рисков при рассмотрении вопроса имплементации ИИ в судебную деятельность, резюмирую, что угроза полного исключения человека из принятия решений при осущест-

[21] Edwin Lee Yong Cieh. Special cyber court and E-Court. URL: https://gltlaw.my/2018/05/24/special-cyber-court-and-e-court/.

влении судебной деятельности в видимой перспективе отсутствует. ИИ создан в помощь человеку-судье, а не человек-судья является вспомогательным инструментом для искусственного интеллекта. Использование комплексного подхода (человек-судья + ИИ) позволит усилить преимущества человеческого и машинного разума, минимизировав риски.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васючкова О. А., Афонин В. П. Правовой инфантилизм: Размышления о том, как возродить искусство судебной речи // Вестник гражданского процесса. — 2023. — Т. 13, № 4. — С. 173—189.

2. Гун Н., Дун Д. Применение и теоретическое развитие искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве // Правоведение. — 2024. — Т. 68, № 2. — С. 241—256. — DOI: https://doi.org/10.21638/spbu25.2024.208.

3. Егоров Г. Г., Севостьянов М. В., Шубенкова К. В. Нормативно-правовое интерпретирование систем на основе «искусственного интеллекта» и нейронных сетей (международные аспекты) // Правовая парадигма. — 2025. — Т. 24, № 1. — С. 61—71. — DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.9.

4. Законы XII таблиц / сост. и пер. Л. Л. Кофанова. — Москва : ИВИ, 1996. — 58 с.

5. Игебаева Е. А. Язык жестов в деловом общении // Актуальные вопросы профессиональной коммуникации в государственном и муниципальном управлении : сб. ст. науч.-практ. конф. — Уфа : БАГСУ, 2010. — С. 72—76.

6. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. — Изд. 2-е, доп. — Москва : Наука, 1976. — 720 с.

7. Костюнина О. В. Доверие в системе ценностных и целевых приоритетов России на современном этапе // Правовая парадигма. — 2025. — Т. 24, № 2. — С. 28—37. — DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.4.

8. Кокотов А. Н. Доверие и сущность российского права // Бизнес, менеджмент и право. — 2003. — № 4. — С. 37—42.

9. Римское частное право : учебник для вузов / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. — Москва : Юрайт, 2024. — 607 с.

10. Рыбин А. И. К вопросу о применении искусственного интеллекта для оправления правосудия // Труды института государства и права РАН. — 2025. — Т. 20, № 3. — С. 237—265.

11. Середина И. Б. Профессиональная правовая культура мировых судей: взгляд со стороны // Экономика, социология и право. — 2017. — № 3. — С. 124—126.

12. Guo Zh., Yang J. The Application of Artificial Intelligence in China's Criminal Justice System // Legal Issues in the Digital Age. — 2025. — Vol. 6, № 1. — P. 83—104. — DOI: 10.17323/2713-2749.2025.1.83.104.

13. Mehrabian A. Silent Messages: Implicit Communication of Emotions and Attitudes. — 2nd ed. — Belmont, Calif. : Wadsworth Pub. Co, 1981. — 196 p.

14. Wang L. Discourse Conflict in the Practice of Judicial Big data and Artificial Intelligence // Legal Forum. — 2018. — Vol. 33, № 5. — P. 140.

15. Watamura E., Liu Y., Ioku T. Judges versus artificial intelligence in juror decision-making in criminal trials: Evidence from two pre-registered experiments // PLoS ONE. — 2025. — № 20 (1). — e0318486. — URL: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0318486.

REFERENCES

1. Vasyuchkova O. A., Afonin V. P. Legal Infantilism: Reflections on How to Revive the Art of Judicial Speech. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of Civil Process*, 2023, vol. 13, no. 4, pp. 173—189. (In Russian).

2. Gong N., Dong D. Application and theoretical development of artificial intelligence in civil proceedings. *Pravovedenie*, 2024, vol. 68, no. 2, pp. 241—256. (In Russian). DOI: https://doi.org/10.21638/spbu25.2024.208.

3. Egorov G. G., Sevostyanov M. V., Shubenkova K. V. The Regulatory and Legal Interpretation of g Systems Based on "Artificial Intelligence" and Neural Networks (International Aspects). *Pravovaya paradigma = Legal Concept*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 61—71. (In Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.9.

4. Kofanov L. L. (ed.). *Zakony XII tablits* [Laws of the Twelve Tables]. Moscow, Russian Academy of Sciences, Institute of General stories Publ., 1996. 58 p.

5. Igebaeva E. A. Sign Language in Business Communication. *Aktualnye voprosy professionalnoi kommunikatsii v gosudarstvennom i munitsipalnom upravlenii. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Current Issues of Professional Communication in State and Municipal Administration. Materials of Research Conference. Materials of Research Conference]. Ufa, Bashkir academy of public service and administration under the head of the Republic of Bashkortostan Publ., 2010, pp. 72—76. (In Russian).

6. Kondakov N. I. *Logicheskii slovar-spravochnik* [Logical Dictionary-Reference]. 2nd ed. Moscow, Nauka Publ., 1976. 720 p.

7. Kostyunina O. V. Trust in the System of Value and Target Priorities of Russia at the Present Stage. *Pravovaya paradigma = Legal Concept*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 28—37. (In Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/ lc.jvolsu.2025.2.4.

8. Kokotov A. N. Trust and the Essence of Russian Law. *Biznes, menedzhment i pravo = Business, Management and Law*, 2003, no. 4, pp. 37–42. (In Russian).

9. Novitskii I. B., Pereterskii I. S. (eds). *Rimskoe chastnoe pravo* [Roman Private Law]. Moscow, Yurait Publ., 2024. 607 p.

10. Rybin A. I. Of the Usage of Artificial Intelligence for the Court Judgements. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2015, vol. 20, no. 3, pp. 237–265. (In Russian). DOI: 10.35427/2073-4522-2025-20-3-rybin.

11. Seredina I. B. Professional Legal Culture of Justices of the Peace: An Outsider's View. *Ehkonomika, sotsiologiya i pravo = Economics, Sociology and Law*, 2017, no. 3, pp. 124–126. (In Russian).

12. Guo Zh., Yang J. The Application of Artificial Intelligence in China's Criminal Justice System. *Voprosy prava v tsifrovuyu ehpokhu = Legal Issues in the Digital Age*, 2025, vol. 6, no 1, pp. 83–104. DOI:10.17323/2713-2749.2025.1.83.104.

13. Mehrabian A. *Silent Messages: Implicit Communication of Emotions and Attitudes*. 2nd ed. Belmont, Calif., Wadsworth Pub. Co, 1981. 196 p.

14. Wang L. Discourse Conflict in the Practice of Judicial Big data and Artificial Intelligence. 法学论坛=*Legal Forum*, 2018, vol. 33, no. 5, p. 140. (In Chinese).

15. Watamura E., Liu Y., Ioku T. Judges versus artificial intelligence in juror decision-making in criminal trials: Evidence from two pre-registered experiments. *PLoS ONE*, 2025, no. 20 (1), e0318486. URL: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0318486.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ершова Антонина Сергеевна (Волгоград) – соискатель степени кандидата юридических наук кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета (400062, Россия, г. Волгоград, пр-т Университетский, д. 100; e-mail: c666c@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ershova, Antonina S. (Volgograd) – Applicant for the Degree of Candidate of Legal Sciences, Constitutional and Municipal Law Department, Volgograd State University (100 Universitetsky Avenue, Volgograd, 400062, Russia; e-mail: c666c@yandex.ru).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 340:004.8

В. Ф. Васюков
Московский государственный университет международных отношений МИД России (МГИМО), Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0743-5616
ResearcherID: ABF-6284-2020

ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОБЪЕКТ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 2. — С. 79—91.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.7.79-91
Дата поступления 20.01.2026, дата принятия к печати 01.06.2026, дата онлайн-размещения 05.06.2026.

АННОТАЦИЯ

В статье проводится комплексное научное исследование Временных мер по управлению службами генеративного искусственного интеллекта, принятых в Китайской Народной Республике в 2023 году. Анализируемый нормативный акт рассматривается как системный элемент формирующейся модели публично-правового регулирования генеративных технологий, ориентированной на сочетание инновационного развития и обеспечения национальной, информационной и социальной безопасности. В работе раскрываются нормативные основания принятия Временных мер, их место в системе китайского законодательства, а также выявляются ключевые принципы государственного подхода к регулированию генеративного искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется ценностным и содержательным ограничениям алгоритмической генерации контента, требованиям к обучающим данным, маркировке информации, договорной модели взаимодействия провайдера и пользователя, а также механизмам надзора и юридической ответственности. Отдельно анализируется трансграничное измерение регулирования и расширительное понимание цифрового суверенитета, при котором решающим фактором выступает фактическое воздействие сервиса на внутреннее информационное пространство государства. Обосновывается вывод о формировании в КНР превентивной и управляемой модели регулирования генеративного искусственного интеллекта, в рамках которой алгоритм и провайдер приобретают статус объектов повышенного публичного интереса. Сделанные выводы позволяют рассматривать Временные меры не только как переходный нормативный акт, но и как концептуальную основу для дальнейшей кодификации регулирования генеративного искусственного интеллекта, а также как значимый ориентир для сравнительно-правовых и международно-правовых исследований в данной сфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Генеративный искусственный интеллект, правовое регулирование, цифровой суверенитет, алгоритмическая ответственность, информационная безопасность, обучающие данные, государственный надзор, Китайская Народная Республика.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Васюков В. Ф. Генеративный искусственный интеллект как объект публично-правового регулирования в Китайской Народной Республике // Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 2. — С. 79—91. — DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.7.79-91.

UDC 340:004.8

V. F. Vasyukov
Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-0743-5616
ResearcherID: ABF-6284-2020

GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN OBJECT OF PUBLIC LAW REGULATION IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 2, pp. 79—91.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.7.79-91
Received 20.01.2026, accepted 01.06.2026, available online 05.06.2026.

ABSTRACT The article provides a comprehensive academic analysis of the Interim Measures for the Administration of Generative Artificial Intelligence Services adopted in the People's Republic of China in 2023. The examined regulatory act is considered a systemic element of an emerging public law model for governing generative technologies, aimed at balancing innovative development with national, information, and social security. The study examines the legal foundations of the Interim Measures, their place within the Chinese legal system, and the core principles underlying the state approach to regulating generative artificial intelligence. Particular attention is paid to content-related and value-based restrictions on algorithmic generation, requirements for training data, information labeling procedures, the contractual framework governing interactions between providers and users, as well as mechanisms of supervision and legal liability. Special emphasis is placed on the cross-border dimension of regulation and the expanded concept of digital sovereignty, under which the decisive factor is the actual impact of a service on the domestic information space of the state. The article substantiates the conclusion that a preventive and managed regulatory model of generative artificial intelligence is being formed in China, within which both algorithms and service providers acquire the status of objects of heightened public interest. The findings suggest that the Interim Measures should be regarded not merely as a transitional regulatory instrument, but as a conceptual foundation for future codification of generative artificial intelligence regulation and as an important reference point for comparative and international legal research in this field.

KEYWORDS Generative artificial intelligence, legal regulation, digital sovereignty, algorithmic responsibility, information security, training data, state supervision, People's Republic of China.

FOR CITATION Vasyukov V. F. Generative Artificial Intelligence as an Object of Public Law Regulation in the People's Republic of China. *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 2, pp. 79—91. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.7.79-91.

Стремительное развитие технологий генеративного искусственного интеллекта и их широкое внедрение в сферу публичной коммуникации обусловили качественные изменения в характере информационных процессов и механизмах социального взаимодействия. Алгоритмическая генерация текстов, изображений, аудио- и видеоконтента перестала быть экспериментальным инструментом и превратилась в массово используемую технологию, способную оказывать прямое влияние на общественное мнение, экономические отношения и политическую стабильность [3].

В условиях высокой скорости распространения автоматически создаваемой информации традиционные регулятивные механизмы, ориентированные на постфактум-реагирование, оказались недостаточными для обеспечения устойчивости информационного пространства и защиты публичных интересов.

Осмысление указанных трансформаций нашло отражение в работах российских и зарубежных исследователей, посвящённых правовой природе искусственного интеллекта, рискам алгоритмического управления и пределам государственного вмешательства в цифровой сфере[1] [1; 4; 5].

В научной литературе последовательно подчёркивается, что генеративные технологии изменяют традиционные представления о субъектах информационных отношений, источниках контента и механизмах ответственности, что требует переоценки устоявшихся регулятивных моделей[2] [6; 7]. При этом анализ доктринальных подходов показывает, что большинство авторов сходятся во мнении о необходимости перехода от фрагментарного реагирования к системному публично-правовому регулированию генеративного искусственного интеллекта, основанному на балансе инновационного развития и защиты публичных интересов [2].

Принятие Временных мер по управлению службами генеративного искусственного интеллекта в Китайской Народной Республике в 2023 году[3] (далее — Временные меры) стало ответом на необходимость институционального упорядочения новой технологической реальности. Государственное управление по киберпространству Китая (*Cyberspace Administration of China, CAC*) совместно с рядом профильных ведомств исходило из того, что генеративный искусственный интеллект, обладая значительным инновационным потенциалом, одновременно формирует комплекс рисков, связанных с информационной безопасностью, защитой персональных данных, интеллектуальной собственностью и социальной стабильностью. В этих условиях выработка специального публично-правового режима регулирования была направлена на создание управляемой модели развития, в рамках которой использование генеративных технологий допускается и поощряется при условии их соответствия установленным правовым, этическим и ценностным ограничениям.

Генеративный искусственный интеллект в рассматриваемом документе осмысляется не как нейтральный технологический инструмент, а как социально значимый фактор, влияющий на информационное пространство, экономические процессы и общественное сознание. Это предопределяет выбор модели

[1] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 12.07.2024. L 2024/1689.

[2] Provisions on the Administration of Deep Synthesis of Internet Information Services [Положение об управлении услугами глубокого синтеза в Интернете : утв. Государственным управлением по киберпространству Китая 11 дек. 2022 г.]. URL: https://www.cac.gov.cn/2022-12/11/c_1672221949354811.htm.

[3] 生成式人工智能服务管理暂行办法 [Временные меры по управлению службами генеративного искусственного интеллекта : утв. совместным приказом Государственного управления по киберпространству Китая (CAC) и ряда профильных ведомств 10 апр. 2023 г.; вступили в силу 15 авг. 2023 г. // Официальный сайт Государственного совета КНР]. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202307/content_6891752.htm.

регулирования, основанной на сочетании стимулирования развития и жёсткого институционального контроля.

В отличие от фрагментарных или экспериментальных регуляторных решений, Временные меры формируют целостную конструкцию, охватывающую жизненный цикл генеративных сервисов — от обучения моделей и маркировки данных до предоставления услуг, надзора и ответственности. Тем самым закладывается фундамент для дальнейшей кодификации регулирования искусственного интеллекта.

Отдельного внимания заслуживает ценностная основа акта. Регулирование генеративного искусственного интеллекта изначально соотносится с задачами защиты национальной безопасности, социальной стабильности и идеологической целостности. Такая постановка вопроса определяет специфику китайской модели и отличает её от подходов, ориентированных преимущественно на рыночную саморегуляцию.

Нормативные основания и системная принадлежность Временных мер. Формирование Временных мер опирается на уже сложившийся массив законодательства в сфере информационной безопасности, защиты данных и научно-технического развития. Указание на соответствующие законы в начальной норме документа выполняет функцию системной привязки, подчёркивая подзаконный, но не вспомогательный характер регулирования.

Через отсылку к Закону о сетевой безопасности, Закону о безопасности данных и Закону о защите личной информации генеративный искусственный интеллект включается в сферу повышенного публичного интереса. Это позволяет рассматривать соответствующие технологии как источники потенциального риска, требующие предварительного и последующего контроля.

Важно подчеркнуть, что Временные меры не создают автономного правового режима, изолированного от иных отраслей права. Напротив, они выступают связующим элементом между информационным, административным, технологическим и, в перспективе, уголовным правом. Такой подход минимизирует вероятность нормативных пробелов и облегчает правоприменение.

Цели регулирования, сформулированные в документе, выстроены в иерархии, где развитие и стандартизация технологий подчинены задачам защиты публичных интересов. При этом обеспечение прав граждан и организаций включено в общую конструкцию государственной устойчивости, а не противопоставлено ей. Подобное соотношение отражает приоритет коллективных ценностей в модели правового регулирования.

Определение сферы применения Временных мер осуществляется через функциональный критерий. Регулированию подлежат не любые формы разработки генеративного искусственного интеллекта, а именно предоставление услуг по генерации контента для неопределённого круга лиц. Такое решение позволяет сосредоточить правовое воздействие на социально значимых проявлениях технологии.

Исключение из сферы действия документа внутренних разработок, не ориентированных на обслуживание населения, свидетельствует о дифференцированном подходе к рискам. Государство осознанно избегает чрезмерного вмешательства в научную и исследовательскую деятельность, признавая необходимость сохранения пространства для технологического эксперимента.

Особое значение имеет закреплённый приоритет специальных нормативных актов в сфере новостей, аудиовизуального производства и творческой деятельности. Тем самым формируется многоуровневая система регулирования, в которой Временные меры выполняют рамочную функцию, а отраслевые нормы уточняют требования с учётом специфики контента.

Данное построение позволяет гибко адаптировать правовые механизмы к различным сценариям использования генеративного искусственного интеллекта. В перспективе это создаёт условия для дальнейшей специализации регулирования без необходимости радикального пересмотра базовых положений.

Принципы государственного подхода к генеративному искусственному интеллекту. Ключевым методологическим ориентиром документа выступает принцип одновременного учёта развития и безопасности, закреплённый в числе общих положений. Генеративный искусственный интеллект рассматривается как ресурс роста лишь при условии его встроенности в управляемую нормативную среду. Использование формулы инклюзивного и осмотрительного надзора указывает на отказ от универсального запретительного подхода. Регулирование предполагает классификацию сервисов и дифференциацию требований в зависимости от масштаба и характера потенциальных рисков. Такой механизм ориентирован на динамическую адаптацию правовых инструментов.

Принцип законности и этичности использования генеративного искусственного

интеллекта дополняется требованием соблюдения общественной морали. Тем самым технология включается в пространство нормативного контроля не только как технический, но и как социально значимый феномен.

В совокупности данные принципы формируют концептуальную основу китайской модели регулирования, в которой инновации допускаются и поощряются постольку, поскольку они не подрывают фундаментальные основы государственного и общественного устройства.

Нормативное ядро Временных мер сосредоточено в положениях, устанавливающих требования к содержанию и направленности генерируемого контента. Закреплённые ограничения формируют ценностный каркас регулирования и задают пределы допустимого алгоритмического творчества. Генеративный искусственный интеллект тем самым включается в пространство публичной ответственности, где результат его функционирования оценивается не только по формальным, но и по содержательным критериям.

Закреплённая в статье 4 ориентация на основные социалистические ценности выполняет системообразующую функцию. Через неё технология соотносится с конституционными и идеологическими основами государства. Перечень недопустимых форм контента — от подрыва государственной власти до распространения экстремистских и порнографических материалов — демонстрирует стремление минимизировать риски дестабилизации общественного порядка и подрыва доверия к институтам власти.

Принципиально важно, что указанные ограничения адресованы не только пользователю, но и провайдеру услуги. Это означает, что контроль допустимого содержания переносится на уровень архитектуры сервиса и логики алгоритма. Генеративная модель не может рассматриваться как нейтральный посредник между запросом и результатом, поскольку именно она формирует информационный продукт.

Дополнительное измерение ценностного регулирования связано с предотвращением дискриминации. Обязанность учитывать риски неравного обращения при разработке алгоритмов, отборе данных и оптимизации моделей указывает на признание структурного характера алгоритмических искажений. Речь идёт не о единичных ошибках, а о системных эффектах, способных воспроизводиться в масштабах массового использования.

Нормы, посвящённые защите интеллектуальной собственности и деловой этики, дополняют ценностный блок экономическим измерением. Генеративный искусственный интеллект рассматривается как потенциальный инструмент недобросовестной конкуренции, если преимущества алгоритмов и данных используются для вытеснения иных участников рынка. Такое восприятие создаёт предпосылки для интеграции антимонопольного контроля в сферу регулирования ИИ.

Особое место занимают требования уважения личных нематериальных благ — частной жизни, чести, репутации и персональной информации. Генеративный контент, создаваемый без прямого человеческого участия, способен наносить вред, сопоставимый с традиционными формами информационного воздействия. Это обусловливает необходимость включения механизмов защиты личности в базовую конструкцию сервиса.

Завершающим элементом данного блока выступает требование повышения прозрачности и достоверности генерируемого контента. Тем самым закладывается основа для формирования стандартов объяснимости и проверяемости результатов генерации, пусть и в функциональном, а не техническом смысле.

Стимулирование развития генеративных технологий и формирование экосистемы. Наряду с ограничительными нормами Временные меры содержат положения, направленные на активное поощрение развития генеративного искусственного интеллекта. Закреплённая в статье 5 ориентация на создание позитивного и общественно полезного контента отражает стремление государства использовать потенциал технологии в экономических, культурных и социальных целях.

Поддержка инновационного применения генеративного ИИ в различных отраслях сопровождается акцентом на формирование экосистемы. Взаимодействие предприятий, научных организаций, образовательных учреждений и институтов культуры рассматривается как условие устойчивого технологического роста. Такое понимание выводит регулирование за рамки сугубо запретительной логики и придаёт ему программный характер.

Существенное значение имеет признание коллективного характера инноваций. Разработка и внедрение генеративных моделей воспринимаются как результат совместного использования данных, вычислительных ресурсов и научных компетенций. Это создаёт основу для кооперативных форм развития и снижает риски фрагментации технологического пространства.

Положения, посвящённые развитию базовых технологий, включая алгоритмы,

фреймворки и аппаратные решения, подчёркивают стратегическую направленность политики. Упоминание чипов и программных платформ свидетельствует о стремлении обеспечить технологическую автономию и устойчивость цепочек поставок.

Одновременно допускается и поощряется международное сотрудничество, выстроенное на принципах равенства и взаимной выгоды. Такое сочетание автономии и открытости формирует гибкую модель участия в глобальных процессах регулирования искусственного интеллекта и создаёт возможности для влияния на формирование международных стандартов.

Правовой режим данных обучения и подготовка генеративных моделей. Ключевым элементом регулирования генеративного искусственного интеллекта выступает контроль над процессами обучения и обработки данных. Положения статьи 7 формируют нормативный каркас, определяющий допустимые источники информации и требования к качеству обучающих массивов.

Принцип законности происхождения данных рассматривается как базовое условие допустимости обучения моделей. Использование нелегальных источников или базовых моделей, созданных с нарушением прав третьих лиц, исключается из правового поля. Тем самым предотвращается формирование «теневого» сектора алгоритмического обучения.

Особое значение придаётся защите прав интеллектуальной собственности и персональных данных. Требование получения согласия при использовании личной информации подчёркивает, что масштаб и автоматизированный характер обработки не освобождают от соблюдения общих правовых стандартов. Генеративный ИИ включается в уже существующую систему гарантий, а не выводится за её пределы.

Дополнение требований обязанностью повышать достоверность, объективность и разнообразие данных отражает стремление минимизировать риски систематических искажений. Качество обучающих массивов напрямую связывается с качеством и социальными последствиями работы модели.

Закреплённый перечень отсылок к иным законам и подзаконным актам подчёркивает комплексный характер регулирования. Процессы обучения и оптимизации генеративных моделей подчиняются не изолированным требованиям, а совокупности норм, формирующих единое правовое пространство цифровых технологий.

Маркировка данных как элемент институционального контроля качества. Регулирование процессов маркировки данных занимает особое место в архитектуре Временных мер, поскольку именно на этом этапе формируется интерпретационная основа будущей генерации. Требования, закреплённые в статье 8, направлены на формализацию ранее технической и слабо регламентированной деятельности, придавая ей юридически значимый характер.

Маркировка данных рассматривается как самостоятельный объект правового контроля, а не вспомогательная процедура. Обязанность разрабатывать чёткие и применимые правила маркировки означает, что провайдер несёт ответственность за семантическую структуру обучающих массивов. От качества этих правил напрямую зависит поведение модели и характер создаваемого контента.

Дополнительное требование проводить оценку качества маркировки и выборочные проверки точности вводит элементы внутреннего аудита. Провайдеру вменяется обязанность постоянно отслеживать соответствие маркировочных процедур установленным стандартам, что сближает регулирование генеративного ИИ с режимами технического регулирования и стандартизации.

Особое внимание уделяется человеческому фактору. Обучение персонала, участвующего в маркировке, направлено на формирование правосознания и понимания последствий некорректных действий. Тем самым маркировка выводится за рамки сугубо технической операции и становится частью системы распределённой ответственности.

Существенным шагом в развитии регулирования является признание провайдера генеративных услуг субъектом, несущим ответственность за создаваемый сетевой контент. Положение, сформулированное в статье 9, приравнивает поставщика сервиса к производителю информационного продукта, что принципиально меняет его правовое положение.

Алгоритмический характер генерации не освобождает провайдера от выполнения обязанностей по обеспечению информационной безопасности и соблюдению законодательства. Напротив, именно контроль над инфраструктурой и параметрами модели служит основанием для возложения повышенной ответственности.

Закрепление обязательства заключать пользовательское соглашение при регистрации сервиса выполняет функцию нормативной конкретизации. Через договор устанавливаются допустимые способы использования технологии, механизмы реагирования на нарушения и основания для ограничения досту-

па. Пользовательское соглашение становится инструментом сопряжения публичных требований и частноправовых отношений.

В перспективе такая договорная модель может привести к формированию унифицированных стандартов условий обслуживания, особенно в социально значимых сегментах применения генеративного искусственного интеллекта.

Защита пользователей и социальные аспекты эксплуатации сервисов. Регулирование генеративного искусственного интеллекта не ограничивается техническими и процедурными требованиями, а распространяется на социальные последствия его использования. Обязанности, закреплённые в статье 10, направлены на формирование осознанного и рационального отношения пользователей к алгоритмическим системам.

Информационное сопровождение использования сервиса рассматривается как элемент профилактики рисков. Провайдеру вменяется обязанность разъяснять характер и ограничения технологии, предотвращая её мифологизацию и некритичное восприятие результатов генерации.

Отдельный акцент сделан на защите несовершеннолетних пользователей. Предотвращение чрезмерной зависимости от генеративных сервисов указывает на признание потенциального влияния таких технологий на когнитивное и психологическое развитие. В дальнейшем это может повлечь разработку специальных режимов доступа и интерфейсных ограничений.

Дополнительный уровень защиты обеспечивается требованиями статьи 11, посвящёнными охране вводимой пользователями информации и записей использования. Запрет на сбор избыточных данных и незаконное хранение информации формирует принцип минимизации, ограничивающий коммерческую эксплуатацию пользовательских следов.

Предусмотренная возможность обращения пользователя с требованиями о доступе, исправлении и удалении персональных данных подчёркивает сохранение традиционных механизмов защиты личности в условиях алгоритмической обработки информации.

Идентификация синтетического контента и устойчивость сервисов. Особое значение в условиях роста объёмов автоматически создаваемой информации приобретает вопрос различимости синтетического и человеческого контента. Требование идентификации изображений и видеоматериалов, сформулированное в статье 12 со ссылкой на Положение об управлении услугами глубокого синтеза в Интернете (Сетевой информационной службы; Provisions on the Administration of Deep Synthesis of Internet Information Services, 2022), направлено на поддержание доверия в информационной среде. Указанное Положение, принятое Государственным управлением по киберпространству Китая годом ранее, сформировало базовую инфраструктуру маркировки синтетического контента, на которую Временные меры опираются как на уже существующий нормативный фундамент; тем самым между двумя актами формируется вертикаль регулирования, охватывающая весь спектр технологий автоматизированной генерации и преобразования медиаконтента.

Маркировка синтетического контента выполняет двойственную функцию. С одной стороны, она информирует пользователя о происхождении материала, с другой — ограничивает возможности манипулятивного использования генеративных технологий. В перспективе подобные требования могут быть расширены и на иные формы контента.

Завершающим элементом технических характеристик обслуживания выступает обязанность обеспечивать безопасность, стабильность и непрерывность работы сервисов, закреплённая в статье 13. Генеративный искусственный интеллект всё чаще становится частью повседневной цифровой инфраструктуры, что оправдывает повышение требований к его надёжности.

Такая постановка вопроса создаёт предпосылки для последующего включения генеративных сервисов в режимы регулирования критически важной информационной инфраструктуры.

Система регулирования генеративного искусственного интеллекта предполагает не только предварительные ограничения, но и механизм оперативного реагирования на уже возникшие нарушения. Комплекс обязанностей провайдера в этой части выстроен таким образом, чтобы исключить инерционность и формальный подход к устранению противоправных последствий.

Обязанность немедленного прекращения создания и распространения незаконного контента закреплена в положениях статьи 14 и охватывает весь цикл генерации. Удаление результата рассматривается как минимально допустимая мера, дополняемая необходимостью внесения изменений в алгоритмическую модель. Тем самым правовое воздействие направляется не только на внешнее проявление нарушения, но и на его технологическую причину. Особенность данного подхода заключа-

ется в возложении на провайдера функции активного исправления. Оптимизационное обучение модели выступает в роли юридически значимого способа восстановления правопорядка. Генеративный алгоритм фактически признаётся объектом управляемого правового воздействия, а не автономной технической системой.

Использование сервиса пользователями в противоправных целях также включено в сферу ответственности провайдера. Применяемые меры — от предупреждений до прекращения обслуживания — реализуются в рамках договорных отношений, однако их обязательный характер и связь с уведомлением компетентных органов придают им публично-правовое содержание. Такая конструкция формирует модель распределённого контроля, в которой частный субъект выполняет элементы превентивной функции.

Процедуры обжалования и участие общества в контроле. Дополнительным уровнем обеспечения законности выступают процедуры подачи жалоб и сообщений о нарушениях. Требование создавать доступные и прозрачные каналы обратной связи, закреплённое в статье 15, указывает на признание общественного контроля как значимого элемента регулирования генеративного искусственного интеллекта. Наличие чётко определённых процедур рассмотрения обращений и сроков реагирования формирует у пользователей ожидание предсказуемости и защищённости. Жалоба перестаёт быть факультативным инструментом и приобретает институциональный характер, встраиваясь в общую систему надзора.

Одновременно такие механизмы выполняют аналитическую функцию. Совокупность обращений позволяет выявлять повторяющиеся дефекты алгоритмов, проблемные сценарии использования и недостатки интерфейсов. В перспективе это создаёт основу для перехода от индивидуального реагирования к структурной профилактике нарушений.

Надзор за службами генеративного искусственного интеллекта организован по принципу распределения компетенций между несколькими государственными органами. Положения статьи 16 отражают признание междисциплинарной природы технологии, затрагивающей сферы информации, промышленности, науки, образования и общественной безопасности. Такая модель позволяет учитывать отраслевую специфику конкретных сервисов, однако одновременно требует координации и согласованности действий. Временные меры закладывают основу для формирования адаптивных форм надзора, ориентированных не на единый стандарт, а на классификацию рисков.

Прямое указание на необходимость совершенствования методов контроля с учётом особенностей технологий и сфер применения свидетельствует о динамичном характере регулирования. Генеративный искусственный интеллект рассматривается как изменяющийся объект, что исключает статичность надзорных процедур.

Сервисы, обладающие потенциалом влияния на общественное мнение или социальной мобилизации, выделяются в особую категорию. Для них предусмотрена обязательная оценка безопасности, порядок проведения которой соотносится с национальными правилами управления алгоритмическими рекомендациями, что прямо следует из содержания статьи 17. Такой подход отражает восприятие генеративного искусственного интеллекта как инструмента массовой коммуникации, сопоставимого по воздействию с традиционными медиа. Процедуры регистрации, изменения и отмены алгоритмов формируют зачатки системы административного учёта, в рамках которой алгоритм приобретает признаки публично значимого объекта.

В перспективе данная конструкция может трансформироваться в более формализованный режим допуска, включая сертификацию или предварительное согласование определённых типов моделей, применяемых в социально чувствительных сферах.

Полномочия надзорных органов и пределы раскрытия информации. Эффективность надзора напрямую связана с возможностью получения информации о функционировании генеративных сервисов. Обязанность провайдеров сотрудничать с компетентными органами, закреплённая в статье 19, охватывает сведения об источниках данных, масштабах обучения и принципах работы алгоритмов.

Одновременно устанавливаются гарантии защиты сведений, составляющих государственную и коммерческую тайну, а также личной информации. Такое сочетание раскрытия и конфиденциальности направлено на поддержание баланса между публичными интересами и правами частных субъектов. Данная конструкция подчёркивает, что усиление контроля не должно приводить к разрушению доверия и экономической мотивации участников рынка. Временные меры тем самым формируют предпосылки для институционального компромисса между прозрачностью и охраной законных интересов.

Трансграничное предоставление услуг и защита цифрового суверенитета. Современ-

ные генеративные сервисы по своей природе ориентированы на трансграничное распространение, что существенно осложняет их правовое регулирование. Временные меры исходят из приоритета фактического воздействия сервиса над формальным местом его регистрации. Если деятельность генеративного сервиса оказывает влияние на общественные отношения внутри Китайской Народной Республики, она подлежит оценке с точки зрения национального законодательства.

Такой подход закреплён в положениях статьи 20, предусматривающих возможность применения технических и иных необходимых мер в отношении сервисов, предоставляемых из-за пределов территории государства. Регулирование приобретает экстерриториальный характер, ориентированный на защиту внутреннего информационного пространства, а не на традиционное территориальное понимание юрисдикции.

Использование технических средств в качестве формы правового реагирования отражает трансформацию инструментов государственного принуждения. В цифровой среде инфраструктурные ограничения нередко оказываются более действенными, чем классические юридические санкции. Это свидетельствует о сближении правового и технологического регулирования и формировании гибридных механизмов обеспечения законности.

Санкционный механизм и многоуровневая юридическая ответственность. Ответственность за нарушение требований Временных мер выстроена по принципу интеграции в действующую систему законодательства. Закреплённый в статье 21 подход исключает создание обособленного санкционного режима для генеративного искусственного интеллекта и, напротив, предусматривает применение норм о сетевой безопасности, защите данных, персональной информации и научно-технической деятельности. Такая конструкция обеспечивает предсказуемость правоприменения. Провайдер изначально находится в поле известных правовых рисков, а нарушение специальных требований автоматически влечёт активацию общих механизмов ответственности. При отсутствии прямых санкций допускается применение мер административного воздействия, ориентированных на устранение нарушений.

Эскалация ответственности проявляется в возможности приостановления предоставления услуг при отказе от исправления либо при наличии тяжких обстоятельств. Генеративный сервис рассматривается как условно допустимый элемент цифровой среды, существование которого зависит от соблюдения установленных рамок. Дополнительное указание на возможность привлечения к ответственности за нарушения общественной безопасности и к уголовной ответственности подчёркивает отсутствие иммунитета, обусловленного автоматизированным характером деятельности.

Понятийный аппарат и логика правовой конструкции. Закрепление нормативных дефиниций играет ключевую роль в обеспечении устойчивости регулирования. Определения, содержащиеся в статье 22, фиксируют функциональные признаки генеративного искусственного интеллекта, не привязывая их к конкретным техническим решениям. Это позволяет охватывать будущие технологические модификации без постоянного пересмотра текста акта.

Разграничение понятий поставщика услуг и пользователя отражает асимметрию их правового положения. Основное бремя соблюдения требований и ответственности возлагается на провайдера как на субъекта, контролирующего архитектуру сервиса и параметры генерации. Пользователь, в свою очередь, рассматривается как лицо, реализующее предоставленную функциональность в установленных пределах. Подобная модель подчёркивает управленческий характер регулирования. Право воздействует прежде всего на точки концентрации риска, минимизируя необходимость индивидуального контроля за каждым актом использования технологии.

Временные меры не подменяют собой существующие разрешительные режимы, а действуют в их рамках. Положение, сформулированное в статье 23, сохраняет требование получения административных лицензий в случаях, прямо предусмотренных законодательством. Это подчёркивает преемственность регулирования и исключает правовые лакуны.

Отдельное внимание уделяется сервисам с иностранными инвестициями. Генеративный искусственный интеллект в данном контексте рассматривается как сфера, затрагивающая стратегические интересы государства, что оправдывает применение специальных требований и ограничений. Такой подход согласуется с общей логикой защиты национальной безопасности и контроля над критически значимыми технологиями.

В перспективе возможно формирование дифференцированного режима допуска на рынок, в котором условия деятельности будут варьироваться в зависимости от характера ка-

питала, сферы применения сервиса и уровня потенциального риска.

Вступление в силу и переходный характер регулирования. Завершение нормативной конструкции связано с определением момента вступления Временных мер в силу, что закреплено в статье 24. Формальное указание на временный характер акта не снижает его регулятивной значимости. Напротив, детализированность и системность положений свидетельствуют о формировании устойчивой модели управления генеративным искусственным интеллектом.

Переходный статус следует рассматривать как пространство для накопления правоприменительного опыта и корректировки механизмов контроля. На основе практики реализации Временных мер возможно формирование постоянного законодательного акта, способного закрепить выработанные подходы на уровне закона.

Проведённый анализ Временных мер позволяет утверждать, что генеративный искусственный интеллект в правопорядке Китайской Народной Республики рассматривается не как автономный технологический феномен, а как объект управляемого развития. Регулирование выстраивается исходя из презумпции потенциальной социальной значимости и повышенной рискогенности алгоритмической генерации контента. В отличие от подходов, ориентированных преимущественно на постфактум-реагирование, китайская модель делает акцент на предварительное структурирование процессов. Право воздействует не только на результат генерации, но и на архитектуру сервиса, жизненный цикл модели, качество данных и организацию деятельности провайдера. Тем самым формируется многоуровневая система превентивного контроля.

Генеративный искусственный интеллект включается в пространство публичного управления, где допустимость его функционирования обусловлена соответствием установленным ценностным, этическим и правовым рамкам. Технология признаётся полезной и допустимой постольку, поскольку она встроена в нормативно контролируемую среду. Одной из ключевых особенностей анализируемого акта является его интегративный характер. Временные меры не создают изолированную отрасль «права искусственного интеллекта», а связывают генеративные технологии с уже существующими институтами информационной безопасности, защиты данных, интеллектуальной собственности, административного надзора и ответственности.

Подобное решение снижает фрагментацию правового регулирования и повышает его устойчивость. Провайдеры и пользователи оказываются включёнными в знакомую правовую среду, что облегчает адаптацию к новым требованиям. Одновременно государство получает возможность использовать уже апробированные механизмы контроля и принуждения. Интегративность проявляется и в межведомственной модели надзора. Генеративный искусственный интеллект осмысляется как межсекторный объект, требующий согласованных действий органов, отвечающих за цифровое развитие, безопасность, культуру, образование и общественный порядок.

Системный анализ положений Временных мер позволяет выявить устойчивую тенденцию к концентрации ответственности на стороне провайдера генеративных услуг. Именно он рассматривается как субъект, контролирующий ключевые элементы риска — алгоритмы, данные, интерфейсы и правила использования сервиса.

Указанное перераспределение ответственности отражает прагматичный управленческий подход. Вместо попытки контролировать бесчисленные индивидуальные акты использования технологии право воздействует на точки концентрации власти и возможностей. Провайдер становится адресатом как ограничительных, так и стимулирующих норм.

Одновременно формируется модель распределённой ответственности, включающая персонал по маркировке данных, разработчиков, операторов сервиса и пользователей. Однако именно провайдер выступает координатором этой системы и несёт конечную юридическую нагрузку. Временные меры демонстрируют качественный сдвиг в восприятии алгоритмов генеративного искусственного интеллекта. Алгоритм перестаёт быть исключительно внутренним техническим инструментом и приобретает признаки публично значимого объекта.

Это проявляется в требованиях к коррекции моделей, оценке безопасности, регистрации алгоритмов в социально значимых сервисах и раскрытии информации надзорным органам. Алгоритм включается в сферу административного учёта и надзора, что имеет серьёзные доктринальные последствия. В перспективе подобный подход может привести к формированию концепции алгоритмической допустимости, в рамках которой определённые классы моделей будут подлежать предварительной оценке, сертификации либо лицензированию в зависимости от сферы применения и уровня риска.

Отдельного внимания заслуживает трансграничное измерение регулирования. Возможность применения мер воздействия к иностранным сервисам, оказывающим влияние на внутреннее информационное пространство, свидетельствует о расширительном понимании цифрового суверенитета. Юрисдикция в цифровой среде определяется не столько территорией, сколько фактом воздействия на общественные отношения. Это отражает общую тенденцию эволюции публичного права в условиях глобальных цифровых платформ и трансграничных потоков данных. Применение технических мер как формы правового реагирования указывает на слияние нормативных и инфраструктурных инструментов управления. В дальнейшем подобные механизмы могут получить развитие и в международных форматах регулирования искусственного интеллекта.

Несмотря на формальное обозначение Временных мер как переходного документа, их содержание обладает высокой степенью нормативной завершённости. Акт охватывает ключевые аспекты функционирования генеративного искусственного интеллекта и формирует целостную модель регулирования. Временный характер следует рассматривать как пространство для институционального эксперимента. Правоприменительная практика, формируемая на основе данного документа, создаёт эмпирическую базу для возможной кодификации регулирования генеративного искусственного интеллекта на уровне закона.

С высокой степенью вероятности выработанные подходы — превентивный контроль, алгоритмическая ответственность, дифференцированный надзор и интеграция с существующим законодательством — будут сохранены и развиты в будущих нормативных актах.

Таким образом, наше исследование показало, что Временные меры по управлению службами генеративного искусственного интеллекта формируют самостоятельную, концептуально выверенную модель правового регулирования, основанную на сочетании технологического развития и жёсткого публичного контроля. Китайский подход демонстрирует возможность институционального включения генеративного искусственного интеллекта в правовую систему без утраты управляемости и ценностной определённости.

В перспективе данная модель способна оказать влияние не только на национальное законодательство, но и на международные дискуссии о допустимых пределах использования генеративных технологий, роли государства в их регулировании и соотношении инноваций и безопасности.

Уникальность китайского подхода в полной мере раскрывается в сравнительно-правовой перспективе. В отличие от Регламента Европейского союза об искусственном интеллекте (AI Act, 2024), основанного на риск-ориентированной классификации систем ИИ и примате защиты прав личности, Временные меры КНР ставят во главу угла коллективные ценности, социальную стабильность и идеологическую целостность. Европейская модель допускает использование большинства ИИ-приложений по умолчанию, вводя ограничения лишь для высокорисковых категорий и устанавливая прямые запреты только для неприемлемых с точки зрения основных прав ЕС. Китайская модель, напротив, исходит из презумпции регулятивного контроля: любой генеративный сервис, ориентированный на неопределённый круг лиц, подпадает под обязательные требования вне зависимости от степени потенциального риска. Американский подход, реализуемый преимущественно через отраслевые рекомендации и стандарты добровольного применения, принципиально дерегуляторен и ориентирован на сохранение конкурентных преимуществ технологических компаний. Таким образом, три модели воплощают три различных иерархии ценностей: приоритет суверенного контроля (КНР), приоритет индивидуальных прав (ЕС) и приоритет рыночной свободы (США). Временные меры КНР представляют собой в этой системе координат не переходный компромисс, а самостоятельную концептуальную модель, открыто противопоставляющую государственный суверенитет в информационном пространстве либеральным принципам саморегуляции.

Практика применения Временных мер, накопленная с момента их вступления в силу, свидетельствует о последовательном формировании реальных регуляторных механизмов. Ключевым инструментом институционального учёта стал Реестр генеративных моделей ИИ, ведение которого осуществляется Государственным управлением по киберпространству Китая (CAC). По данным, доступным на начало 2024 года, в Реестре было зарегистрировано свыше сорока моделей от ведущих китайских технологических компаний, в том числе Baidu, Alibaba, Tencent и SenseTime. Регистрация алгоритмов, предусмотренная статьёй 17, на практике функционирует как инструмент рыночного допуска: сервис, не прошедший процедуру регистрации и оценки безопасности, не вправе легально предо-

ставлять услуги пользователям на территории КНР. Среди первых правоприменительных прецедентов выделяются споры об авторских правах на сгенерированные изображения, а также случаи блокировки иностранных генеративных сервисов, уклонившихся от национальной регистрации. Примечательно, что вопрос о порядке реализации обязанности немедленного прекращения генерации незаконного контента (ст. 14) в сложных случаях — в частности, при коллизии между защитой коммерческой тайны провайдера и обязанностью раскрытия информации надзорным органам — остаётся дискуссионным и требует дополнительной нормативной конкретизации. Указанные факты подтверждают, что Временные меры функционируют не как декларативный документ, а как действующий механизм регулирования, способный оказывать непосредственное воздействие на структуру рынка генеративных технологий [2; 5].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Савельев А. И. Регуляторные аспекты использования технологий искусственного интеллекта // Закон. — 2022. — № 3. — С. 45—62.

2. Талапина Э. В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект). — Москва : ИД «Юриспруденция», 2015. — 192 с.

3. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. — 2018. — № 1. — С. 85—102.

4. Creemers R. China's Approach to Tech Governance: Cybersecurity, Data Protection, and Artificial Intelligence // Handbook of Digital Policy in Asia / K. Rodan, C. Hughes (eds). — London : Routledge, 2023. — P. 112—134.

5. Ding J. Deciphering China's AI Dream: The Context, Components, Capabilities, and Consequences of China's Strategy to Lead the World in AI : Technical Report. — Oxford : Future of Humanity Institute, University of Oxford, 2018. — 51 p.

6. The Chinese Approach to Artificial Intelligence: An Analysis of Policy, Ethics, and Regulation / H. Roberts, J. Cowls, J. Morley [et al.] // AI & Society. — 2021. — Vol. 36, № 1. — P. 59—77. — DOI: 10.1007/s00146-020-00992-2.

7. Webster G., Creemers R., Triolo P., Laskai L. China's Plan to "Lead" in AI: Purpose, Prospects, and Problems // New America / DigiChina, Stanford Cyber Policy Center. — 2017. — URL: https://newamerica.org/cybersecurity-initiative/blog/chinas-plan-lead-ai-purpose-prospects-and-problems/.

REFERENCES

1. Savelyev A. I. Regulatory Aspects of Artificial Intelligence Technologies. *Zakon*, 2022, no. 3, pp. 45—62. (In Russian).

2. Talapina E. V. *Gosudarstvennoye upravleniye v informatsionnom obshchestve (pravovoy aspekt)* [Public Administration in the Information Society. Legal Aspect]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2015. 192 p.

3. Khabrieva T. Ya., Chernogor N. N. The Law in the Conditions of Digital Reality. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 1, pp. 85—102. (In Russian).

4. Creemers R. China's Approach to Tech Governance: Cybersecurity, Data Protection, and Artificial Intelligence. In Rodan K., Hughes C. (eds). *Handbook of Digital Policy in Asia*. London, Routledge, 2023, pp. 112—134.

5. Ding J. *Deciphering China's AI Dream: The Context, Components, Capabilities, and Consequences of China's Strategy to Lead the World in AI. Technical Report*. Oxford, Future of Humanity Institute, University of Oxford, 2018. 51 p.

6. Roberts H., Cowls J., Morley J. at al. The Chinese Approach to Artificial Intelligence: An Analysis of Policy, Ethics, and Regulation. *AI & Society*, 2021, vol. 36, no. 1, pp. 59—77. DOI: 10.1007/s00146-020-00992-2.

7. Webster G., Creemers R., Triolo P., Laskai L. China's Plan to "Lead" in AI: Purpose, Prospects, and Problems. *New America* / DigiChina, Stanford Cyber Policy Center, 2017. URL: https://newamerica.org/cybersecurity-initiative/blog/chinas-plan-lead-ai-purpose-prospects-and-problems/.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Васюков Виталий Федорович (Москва) – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института (университета) международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76; e-mail: vvf0109@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasyukov, Vitaly F. (Moscow) – Doctor Sci. (Law), Professor, Professor in the Criminal Law, Criminal Procedure and Forensic Science Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russia; e-mail: vvf0109@yandex.ru).

УДК 343.533.6:004.8

Д. В. Шрам
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5160-8310
ResearcherID: AAJ-8615-2021

ДИСКРИМИНАЦИЯ КАК УСЛУГА: ПРЕДИКТИВНАЯ ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ ЦЕН ЦИФРОВЫМИ ПЛАТФОРМАМИ И КОНЦЕПЦИЯ АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ НЕДИСКРИМИНАЦИИ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 2. — С. 92—103.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.8.92-103
Дата поступления 17.04.2026, дата принятия к печати 01.06.2026, дата онлайн-размещения 05.06.2026.

АННОТАЦИЯ

Цифровые платформы под управлением искусственного интеллекта всё чаще используют предиктивную персонализацию цен — автоматическое определение индивидуальной цены для каждого пользователя на основе его поведенческих данных, истории покупок, геолокации, типа устройства и иных цифровых следов. С экономической точки зрения такая практика представляет собой ценовую дискриминацию первой степени (совершенную дискриминацию), позволяющую извлекать максимальный потребительский излишек. Однако действующее антимонопольное законодательство — как российское (п. 6 ч. 1 ст. 10 Закона «О защите конкуренции»), так и зарубежное — допускает ценовые различия, если они «экономически обоснованны». Алгоритмическая персонализация, основанная исключительно на «готовности платить», не имеет объективного экономического обоснования и потому должна признаваться злоупотреблением доминирующим положением. В статье предлагается концепция алгоритмической недискриминации, включающая: (1) право антимонопольного органа истребовать у платформы перечень факторов ценообразования, их веса и логику принятия решений; (2) перераспределение бремени доказывания на платформу после представления косвенных доказательств; (3) запрет обосновывать ценовые различия ссылкой на «готовность платить», если она не подтверждена объективными издержками или уровнем сервиса; (4) легализацию методов вычислительного антимонопольного регулирования (модель двойного ценообразования, цифровые сценарии, регуляторные песочницы) и упреждающих механизмов (конкуренция по дизайну). Обосновывается проект поправок в Методику ФАС России (Приказ № 220). Сделан вывод, что без адаптации правового инструментария дискриминация как услуга станет стандартной бизнес-моделью цифровой экономики, что негативно скажется на конкуренции в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Недобросовестная конкуренция, злоупотребление доминирующим положением, алгоритмическое ценообразование, ценовая дискриминация первой степени, предиктивная персонализация, готовность платить, алгоритмическая недискриминация, вычислительное антимонопольное регулирование, модель двойного ценообразования.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Шрам Д.В. Дискриминация как услуга: предиктивная персонализация цен цифровыми платформами и концепция алгоритмической недискриминации. — 2026. — № 2. — С. 93—103. — DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.8.92-103.

UDC 343.533.6:004.8

D. V. Shram

Irkutsk Institute (Branch),
All-Russian State University of Justice,
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5160-8310
ResearcherID: AAJ-8615-2021

DISCRIMINATION AS A SERVICE: PREDICTIVE PRICE PERSONALISATION BY DIGITAL PLATFORMS AND THE CONCEPT OF ALGORITHMIC NON DISCRIMINATION

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2026, no. 2, pp. 92—103.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.8.92-103
Received 17.04.2026, accepted 01.06.2026, available online 05.06.2026.

ABSTRACT

Digital platforms powered by artificial intelligence increasingly employ predictive price personalisation — the automated determination of an individual price for each user based on behavioural data, purchase history, geolocation, device type and other digital traces. From an economic perspective, this practice constitutes first degree (perfect) price discrimination, enabling the extraction of maximum consumer surplus. However, existing competition laws — both Russian (Article 10(1)(6) of the Competition Protection Law) and foreign (including Article 102 TFEU) — permit price differences if they are "economically justified". Algorithmic personalisation based solely on willingness to pay lacks objective economic justification and should therefore be recognised as an abuse of a dominant position. The article proposes a concept of algorithmic non discrimination, which includes: (1) the right of the antitrust authority to request from the platform the list of pricing factors, their weights and the decision making logic; (2) shifting the burden of proof to the platform after the authority presents circumstantial evidence; (3) prohibiting the justification of price differences by reference to willingness to pay unless it is substantiated by objective cost differences or service levels; (4) legitimising methods of computational antitrust (dual pricing model clustering, digital scenario construction, regulatory sandboxes) and proactive mechanisms (Competition by Design). The article substantiates a draft amendment to the Methodology of the Russian Federal Antimonopoly Service (FAS Order No. 220). It concludes that without adapting the legal toolkit, "discrimination as a service" will become a standard business model of the digital economy, which will adversely affect competition as a whole.

KEYWORDS Unfair competition, abuse of a dominant position, algorithmic pricing, first degree price discrimination, predictive personalisation, willingness to pay, algorithmic non discrimination, computational antitrust, dual pricing model clustering.

FOR CITATION Shram D. V. Discrimination as a Service: Predictive Price Personalisation by Digital Platforms and the Concept of Algorithmic Non Discrimination. *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 2, pp. 92—103. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.8.92-103.

1. Постановка проблемы: от персонализации к дискриминации как услуге

Современные цифровые платформы (маркетплейсы, агрегаторы такси, сервисы бронирования и проч.) под управлением систем искусственного интеллекта (ИИ) перешли от статичного ценообразования к *предиктивной персонализации цен в реальном времени (персонализированное ценообразование[1]).* ИИ собирает и обрабатывает цифровые следы пользователя: историю покупок, время и место запроса, тип устройства, уровень заряда батареи, даже движения мыши и эмоциональный тон поисковых запросов [3, с. 69]. На выходе алгоритм вычисляет для каждого пользователя его индивидуальную «резервную цену», зависящую *(но не обязательно равную)* от его готовности платить (*willingness to pay*)[2]. Назначение разных цен на один товар для разных потребителей и их групп получило название «ценовая дискриминация» [2, с. 10; 9, с. 27 и др.].

С точки зрения экономической теории это классическая ценовая дискриминация первой степени (совершенная дискриминация) [9, с. 32]. В отличие от скидок для пенсионеров или сезонных распродаж, цена здесь зависит не от объективной категории пользователя, а от *прогнозной модели готовности платить*, построенной на поведенческих данных. Компания изымает почти весь потребительский излишек. Как отмечает И. Шах (I. Shah), ИИ позволяет фирмам приблизиться к совершенной ценовой дискриминации с беспрецедентной точностью, используя большие данные и машинное обучение [17, p. 35]. Н. Берианванд (N. Berianvand) добавляет, что персонализированное ценообразование становится все более распространенным благодаря способности алгоритмов оценивать индивидуальную готовность платить, что ранее считалось экономически неосуществимым [10, p. 39—40].

Сложность заключается в том, что действующее антимонопольное законодательство — как российское, так и зарубежное — формально допускает установление разных цен, если различия «экономически обоснованны» [9, с. 33]. Но что считать обоснованным в эпоху стремительного развития ИИ? Алгоритм может показывать более высокую цену пользователю с дорогим смартфоном или компьютером, хотя издержки платформы идентичны. Никакой экономии затрат нет — есть только извлечение ренты на основе технологического неравенства. И хотя ряд исследователей подчеркивают подчеркивают, что даже несмотря на теоретические возможности алгоритмов для тонкой ценовой дискриминации на практике сохраняется значительный разрыв между лабораторными моделями и реальным внедрением [12, p. 407], сложно отрицать, стремительное сокращение этого разрыва по мере развития вычислительных мощностей и доступности данных.

С высокой степенью убежденности можно утверждать, что ИИ-платформа, применяя персонализированное ценообразование на основе готовности платить, нарушает не только формальный запрет дискриминации (п. 6 ч. 1 ст. 10 Закона «О защите конкуренции»[3], ст. 102 Договора о функционировании Европейского союза[4] и проч.), но и *прин-*

[1] OECD. Personalised Pricing in the Digital Era : Background Note by the Secretariat : [document DAF/COMP(2018)13]. Paris : OECD Publ., 2018. P. 6. URL: https://www.oecd.org/daf/competition/personalised-pricing-in-the-digital-era.htm.

[2] URL: https://www.oecd.org/daf/competition/personalised-pricing-in-the-digital-era.htm.

[3] О защите конкуренции : Федер. закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ // Российская газета. 2006. 27 июля.

[4] Договор о функционировании Европейского союза : [принят в г. Риме 25 марта 1957 г.] : (консолидированная версия 2012 г.) // EUR-Lex : [офиц. сайт Европейского Союза]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/RU/TXT/?uri=CELEX:12012E/TXT. (Далее — ДФЕС).

цип экономической обоснованности различий. Если разница в цене вызвана не объективной экономией издержек или сезонностью, а исключительно «готовностью покупателя заплатить», выявленной алгоритмически, — это злоупотребление.

Таким образом, полагаем, что предиктивная персонализация превращает ценовую дискриминацию из разового инструмента максимизации прибыли в автоматизированную *услугу*, которую платформа оказывает самой себе или своим корпоративным клиентам. Подобно тому, как облачные провайдеры предлагают «вычисления как услугу» (*computing as a service*), а маркетплейсы — «рекламу как услугу», алгоритмические экосистемы встраивают ценовую дискриминацию в свою стандартную операционную процедуру. «Услуга» здесь означает, что платформа:

— предоставляет дискриминацию в режиме реального времени без участия человека (автоматическая сегментация, таргетирование и выставление цены);

— монетизирует её непосредственно через повышенную выручку или косвенно — через сбор и перепродажу поведенческих данных третьим лицам;

— нормализует практику дифференцированного ценообразования, представляя её как «персонализированный сервис» или «динамическую оптимизацию», а не как злоупотребление.

В этой логике цифровая платформа выступает не просто продавцом товара, а *«провайдером дискриминации»* — услуги, направленной на извлечение максимального потребительского излишка с каждого пользователя[5]. Технические и правовые границы этой услуги до сих пор не определены: именно поэтому необходим переход от реактивного запрета очевидных нарушений к системному регулированию, которое признает алгоритмическую дискриминацию особым видом рыночной деятельности, требующим прозрачности, обоснованности и соразмерности — подобно иным услугам, оказываемым на цифровых рынках.

2. Границы допустимого: три аспекта анализа алгоритмической дискриминации

Для квалификации поведения платформы необходимо рассмотреть проблему через три взаимосвязанных аспекта: экономический, правовой и технический.

2.1. Экономический аспект: когда персонализация полезна, а когда вредна.

Сторонники динамического ценообразования апеллируют к эффективности ценовой дискриминации: во-первых, она позволяет фирмам мгновенно реагировать на изменения спроса и предложения, снижая дефицит и избыточные запасы [2, с. 10—12; 7, с. 8—9]; во-вторых, персонализированные цены расширяют доступ потребителей с низкой готовностью платить, увеличивая общий объем продаж и потребительский излишек [17, p. 34—35; 6, с. 32—33]; в-третьих, алгоритмическая оптимизация снижает производственные и транзакционные издержки, что в конечном счете ведет к более низким средним ценам [12, p. 407—410; 3, с. 69—70]; в-четвертых, динамическое ценообразование стимулирует инновации, поскольку компании инвестируют в более точные прогнозные модели [13, p. 2—3; 19, p. 3—4]; в-пятых, прозрачность, обеспечиваемая алгоритмами мониторинга, облегчает потребителям поиск лучших предложений и усиливает ценовую конкуренцию [10, p. 32—34]; наконец, ценовая дискриминация способствует более полному использованию мощностей и выравниванию пиковых нагрузок, повышая общую экономическую эффективность [11, p. 7—9; 8, с. 101—102]. Например, *surge pricing*[6] в такси снижает дефицит машин в часы пик, алгоритмы авиакомпаний позволяют заполнить больше кресел. Однако грань между эффективной динамикой и дискриминацией, на наш взгляд, определяется *источником дифференциации*. Персонализация допустима, если цена зависит от объективных факторов — времени суток; загруженности сети;

[5] Так, Э. А. Асфандияров пишет: «...агрегатор перевозки пассажиров "Яндекс Такси" является алгоритмом, который ведет обмен информацией с водителями такси, т. е. с лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, и осуществляет увеличение стоимости поездки при сокращении числа водителей такси в определенном районе города, а также изменяет стоимость поездки при наступлении иных условий. Но сам водитель такси не имеет возможности изменить стоимость поездки» [1, с. 53].

[6] *Surge pricing (ценообразование с учётом пикового спроса)* — это метод динамического ценообразования, при котором цены автоматически повышаются в периоды повышенного спроса или ограниченного предложения. Суть подхода основана на балансе «спрос — предложение»: когда много покупателей хотят получить товар или услугу одновременно, цена растёт; когда спрос снижается — цена возвращается к базовому уровню.

объема заказа; затрат на логистику, обозначенных в условиях пользования сервисом системы скидок (и при этом все участники в одинаковой ситуации видят одну цену). Если цена зависит от *поведенческих характеристик конкретного пользователя,* которые не связаны с издержками — история просмотров, тип браузера, уровень заряда батареи, национальность, геолокация, и разные пользователи в одинаковых условиях получают разные цены — это дискриминация, которая должна быть признана недопустимой[7].

Так, в 2010 году покупатели выявили, что на сайте *Amazon* DVD-диски продавались по разным ценам в зависимости от истории покупок, что вызвало широкий общественный резонанс[8]. В 2012 году издание *Wall Street Journal* сообщило, что *Staples. Inc.* (занимается продажей офисных товаров, техники, мебели и сопутствующих услуг) назначала пользователям разные цены в зависимости от их географического положения[9], а туристический ритейлер *Orbitz* показывает пользователям более дорогие отели владельцам компьютеров Mac[10].

В России на проблему разной стоимости авиабилетов в рамках одного подкласса тарифа в 2024 г. неоднократно обращала внимание Федеральная антимонопольная служба (далее — ФАС РФ). К примеру, авиакомпания «Сибирь» получила предупреждение в связи с тем, что «различия цены не связаны с оказанием услуг на борту, дополнительными расходами перевозчика или временем до вылета, в которое пассажир приобретает билет». Кроме того, у авиакомпании «отсутствует коммерческая (ценовая) политика или иной акт, определяющий в том числе порядок ценообразования)»[11].

2.2. Правовой аспект: ст. 10 Закона о защите конкуренции, ст. 102 ДФЕС и др.

Как справедливо отмечает К. Чжэн (K. Zheng), ключевые элементы инфраструктуры ИИ — данные и вычислительные ресурсы — высококонцентрированы и контролируются крупными технологическими компаниями (*Big Tech*) [19, p. 2—3]. Благодаря этому контролю техногиганты получают уникальную возможность: (1) собирать массивы поведенческих данных пользователей в беспрецедентных масштабах (история покупок, геолокация, время использования устройств, эмоциональные реакции), (2) использовать мощные вычислительные ресурсы для обучения сложных алгоритмов прогнозирования индивидуальной готовности платить и (3) проводить предиктивную персонализацию цен в режиме реального времени, то есть осуществлять ценовую дискриминацию первой степени, извлекая максимальный потребительский излишек. Иными словами, контроль над инфраструктурой ИИ напрямую превращается в инструмент алгоритмической дискриминации покупателей, который позволяет платформам устанавливать для каждого пользователя персональную цену, не связанную с издержками, а исключительно с выявленной алгоритмом «готовностью платить».

В российском праве ключевой состав злоупотребления доминирующим положением применительно к ценам закреплен в ст. 10 Закона «О защите конкуренции», его объективная сторона включает установление различных цен на один и тот же товар (п. 6 ч. 1 ст. 10), если только различия не обусловлены экономическими, технологическими или иными объективными причинами; дискриминационные условия (п. 8 ч. 1 ст. 10).

---

[7] Например, Е. А. Пономарева пишет: «Алгоритм ценообразования, применяемый платформой, может учитывать не только предельные издержки предоставления услуги, но и готовность пользователей платить за нее, на которую (готовность) способен влиять ряд внешних факторов (например, тип или характеристики устройств, применяемых для вызова такси, погодные условия, доход пользователя, наличие и характеристики альтернативных маршрутов общественного транспорта и др.), что, с теоретической точки зрения, нельзя рассматривать как аргумент в пользу установления повышенной стоимости за услуги. Выявление наличия такого влияния и конкретных факторов, характеризующих готовность пассажира платить за услуги такси, но не связанных с предельными издержками предоставления данной услуги, становится важнейшим элементом анализа деятельности платформ и возникающих связанных эффектов» [5, с. 74].

[8] Wilson C. Buyer beware, online shopping prices vary user to user // The Conversation. 2014. Nov. 3. URL: https://theconversation.com/buyer-beware-online-shopping-prices-vary-user-to-user-33439.

[9] Valentino-DeVries J., Singer-Vine J., Soltani A. Websites Vary Prices, Deals Based on Users' Information // The Wall Street Journal. 2012. Dec. 24. URL: https://www.wsj.com/articles/SB10001424127887323777204578189391813881534.

[10] Mattioli D. On Orbitz, Mac Users Steered to Pricier Hotels // The Wall Street Journal. 2012. Aug. 23. URL: https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702304458604577488822667325882.

[11] Перевозчик не исполнил предупреждение ведомства, а также пытался оспорить его законность в суде. Однако Арбитражный суд Москвы поддержал позицию ФАС России // Федеральная антимонопольная служба : [офиц. сайт]. 2024. 12 марта. URL: https://fas.gov.ru/news/33140.

Европейское право в ст. 102 ДФЕС использует критерий «несправедливых цен» и дискриминации, если она ограничивает конкуренцию. Прецедентное право ЕС считает нарушением установление завышенных цен, не имеющих разумной связи с экономической ценностью поставляемого продукта (ключевое решение по делу *United Brands* датируется 1978 г.[12]). Персонализация цен первой степени в ЕС не запрещена при условии, что продавец полностью соблюдает Общий регламент по защите данных[13], Директиву о конфиденциальности электронных сообщений[14], Директиву о недобросовестной коммерческой практике[15], Директиву о правах потребителей[16] и другие применимые законодательные акты.

Последние тенденции правовых предписаний связаны с требованием прозрачности. В частности, статьей 6(1)(ea) Директивы о правах потребителей (CRD) установлена обязанность продавца информировать покупателей о том, что предлагаемая цена формируется на основе автоматизированного принятия решений[17]. Продавец обязан сообщить о самом факте такой практики, но не обязан раскрывать детали алгоритма (по каким именно признакам — история покупок, геолокация, время суток — формировалась цена)[18]. Невыполнение требования об информировании признается «вводящим в заблуждение умолчанием» (misleading omission) в соответствии со ст. 7(1) и 7(5) Директивы о недобросовестной коммерческой практике (UCPD) и является не просто формальным нарушением, а недобросовестной коммерческой практикой, открывая путь для штрафов и коллективных исков.

2.3. Технический аспект: сложности доказывания алгоритмической дискриминации.

Очевидная проблема ценовой дискриминации видится в том, что суды и регуляторы привыкли оценивать *видимые* различия — например, разные цены для оптовых и розничных покупок. Но алгоритмическая дискриминация распределена во времени и пространстве: один пользователь заплатит 15 000 руб., другой — 17 000 руб. за перелет по одинаковым тарифам с промежутком в одни сутки, и ни один из них не знает о существовании другого. Хотя Разъяснение ФАС № 17[19] предоставляет все необходимые инструменты для доказывания алгоритмической ценовой дискриминации — гибкий временной интервал, анализ динамики цен, перекрестную эластичность, любые верифицируемые источники данных, возможность адаптировать «тест гипотетического монополиста» к временным сдвигам — однако эти инструменты не проникают внутрь «чёрного ящика» алгоритма: регулятор видит только входные данные пользователя и выходную цену, но не логику решения [7, с. 13].

Э. А. Асфандияров предлагает наделить ФАС прямыми полномочиями по проведе-

---

[12] Judgment of the Court of 14 February 1978. United Brands Company and United Brands Continentaal BV v Commission of the European Communities. Chiquita Bananas. Case 27/76 // European Court Reports. 1978. P. 209–311. URL: https://eur-lex.europa. eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:61976CJ0027.

[13] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation), OJ L 119, 4.5.2016. 88 p.

[14] Directive 2002/58/EC of the European Parliament and of the Council of 12 July 2002 concerning the processing of personal data and the protection of privacy in the electronic communications sector, OJ L 201, 31.7.2002, p. 37–47.

[15] Directive 2005/29/EC of the European Parliament and of the Council of 11 May 2005 concerning unfair business-to-consumer commercial practices in the internal market and amending Council Directive 84/450/EEC, Directives 97/7/EC, 98/27/EC and 2002/65/EC of the European Parliament and of the Council and Regulation (EC) No 2006/2004 of the European Parliament and of the Council, OJ L 149, 11.6.2005, p. 22–39.

[16] Directive 2011/83/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2011 on consumer rights, amending Council Directive 93/13/EEC and Directive 1999/44/EC of the European Parliament and of the Council and repealing Council Directive 85/577/EEC and Directive 97/7/EC of the European Parliament and of the Council, OJ L 304, 22.11.2011, p. 64–88.

[17] Эта норма, введенная Директивой (EU) 2019/2161 27 ноября 2019 г., вступила в действие с 28 мая 2022 г.: такой длительный период потребовался для ее имплементации в национальное законодательство стран-членов ЕС, а также того, чтобы бизнес получил время на адаптацию. Укажем также на закон штата Нью-Йорк (A3008), вступивший в силу в 2025 г., который обязывает онлайн-продавцов размещать уведомление: «Эта цена была установлена алгоритмом с использованием ваших персональных данных» ("This price was set by an algorithm using your personal data"). Суд может наложить гражданско-правовой штраф в размере не более одной тысячи долларов за каждое нарушение этой нормы (URL: https://newyork.public.law/laws/n.y._general_business_law_section_349-a).

[18] Изначально в проекте закона требовалось указывать и «как» используются алгоритмы, но в финальной версии это требование было исключено [15, p. 30].

[19] Об отдельных вопросах анализа состояния конкуренции : Разъяснение № 17 (утв. протоколом Президиума Федер. антимонопольной службы России от 10 апр.2019 г. № 3 // СПС «КонсультантПлюс».

нию алгоритмической экспертизы и признанию цифровых следов в качестве доказательств [1, с. 54—55]. Другие исследователи видят решение проблемы «черного ящика» в применении *аудита кода* — то есть проверки того, как запрограммирован алгоритм для работы и какие данные использовались для его обучения; аудит функции алгоритма неоднократно запускает алгоритм, проверяя, какие выходные данные он выдает для заданных входных данных[20] [11, p. 15].

Учитывая, что ценовые различия, генерируемые алгоритмами, зачастую не имеют объективного экономического обоснования (не связаны с издержками, сезонностью или качеством), а их выявление затруднено из-за непрозрачности алгоритмических решений, необходим новый принцип — алгоритмическая недискриминация, а также внедрение инструментов *вычислительного антимонопольного регулирования (computational antitrust)*, предложенных в работах Вэй Лю (Liu W.) [14], Т. Шрепеля (T. Schrepel) [16] и др. и упреждающих механизмов, таких как «конкуренция по дизайну» (*Competition by Design*) [11].

3. Предложение о внедрении принципа «алгоритмической недискриминации» и инструментов вычислительного антимонопольного регулирования

3.1. Понятие алгоритмической недискриминации.

На уровне Разъяснения Президиума ФАС России во исполнение соблюдения п. 6 ч. 1 ст. 10 Закона РФ «О защите конкуренции» определить, что *цифровая платформа, занимающая доминирующее положение, при использовании алгоритмического ценообразования обязана обеспечить, чтобы любые различия в ценах для потребителей (за исключением общедоступных сегментных скидок) были основаны исключительно на объективных факторах, прямо влияющих на издержки платформы или рыночный спрос в целом. Запрещается использовать в качестве параметров ценообразования поведенческие данные конкретного пользователя, включая, но не ограничиваясь: историю поиска и покупок, тип устройства, уровень заряда батареи, геолокацию (если она не связана с реальными логистическими затратами), наличие активной сессии на других сайтах, эмоциональные реакции.*

Важно уточнить, что платформа не обязана раскрывать алгоритм публично, поскольку эта информация защищена коммерческой тайной. Но в рамках расследования ФАС она обязана предоставить регулятору логику принятия решений — перечень факторов и их весов, влияющих на конечную цену, в объеме, достаточном для проверки на предмет дискриминации.

3.2. Инструменты вычислительного антимонопольного регулирования.

В научной литературе описан ряд методов, внедрение которых необходимо для практической реализации принципа алгоритмической недискриминации.

Модель двойного ценообразования (Dual Pricing Model Clustering, DPMC) позволяет в неконтролируемом режиме выявлять дискриминационные ценовые паттерны, одновременно обучая две модели — для дискриминационного и недискриминационного ценообразования. Эксперименты на данных сервисов такси показали, что DPMC достигает F1-оценки до 0,97 при высоких показателях устойчивости [14, p. 107, 109]. Модель демонстрирует нечувствительность к валютным системам, адаптивность к развивающимся стратегиям ценообразования платформы и масштабируемость в нескольких отраслях, таких как электронная коммерция и доставка продуктов питания [14, p. 91].

Построение цифровых сценариев (digital scenario construction) на основе графов знаний и графов событий. Это позволяет моделировать рыночные взаимодействия, выявлять причинно-следственные связи между действиями платформы и ценовой дискриминацией, а также прогнозировать уровни монопольного риска [14, p. 121—135].

Регуляторные песочницы (sandboxes) как инструмент для тестирования алгоритмов ценообразования в контролируемой среде. Ван Клейненбройгель (Van Cleynenbreugel P.) предлагает создавать антимонопольные песочницы, где предприятия могут развертывать новые алгоритмы ценообразования под надзором регулятора, с временным освобождением от ответственности, что позволяет учиться и предотвращать антиконкурентные последствия [18, p. 4—6]. Песочницы уже успешно применяются в финансовом регулировании (FCA UK) и предложены в Законе ЕС об ИИ (ст. 53—53a)[21].

[20] Отметим, что в настоящее время динамично развивается *вычислительное антимонопольное законодательство* — это «новая область юридической информатики, целью которой является разработка вычислительных методов для автоматизации антимонопольных процедур и совершенствование антимонопольного анализа» [14; 16, p. 1].

[21] Официальный сайт Европейского Союза. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689.

Отчет *Policy Lab* Канады также рекомендует использовать песочницы как элемент «конкуренции по дизайну» для тестирования алгоритмов перед широким внедрением [11, p. 15].

Российские авторы предлагают такие конкретные инструменты регулятивного воздействия на рынки данных в части регулирования алгоритмов и ИИ, как: установление требований к минимизации данных и назначению ответственных за защиту данных; установление требований к прозрачности и объяснимости алгоритмических решений; обязательная оценка воздействия алгоритмов на права человека и конкуренцию; внешний аудит алгоритмов и сертификация систем ИИ. Предполагается, что эти инструменты будут способствовать ограничению бесконтрольного накопления данных и повышение ответственности компаний; предоставлению пользователям и регуляторам возможности понять логику принятия решений; выявлению и снижение системных рисков до внедрения алгоритмов, а также независимой верификации соответствия алгоритмов заявленным принципам и нормам [4, с. 6].

3.3. Концепция «конкуренции по дизайну» (Competition by Design, CBD) как дополнительный механизм.

В дополнение к реактивным инструментам (расследования, штрафы) необходимо развивать упреждающие проактивные механизмы. Отчет *Policy Lab* Канады 2025 г. предлагает концепцию «конкуренции по дизайну» (CBD) [11, p. 16–17]. Основные элементы CBD применительно к алгоритмическому ценообразованию включают:

– добровольный реестр прозрачности ценообразования, где фирмы раскрывают информацию о своих алгоритмах (без раскрытия коммерческой тайны). Реестр позволяет регулятору собирать данные и выявлять рискованные практики;

– принцип «конкуренции по дизайну» как руководство для разработчиков: в архитектуру алгоритмов с самого начала должны быть встроены механизмы, предотвращающие дискриминацию и сговор (например, запрет на обмен данными между конкурентами, обязательная рандомизация цен для предотвращения координации);

– система сертификации третьей стороной. Фирмы, чьи алгоритмы ценообразования соответствуют стандарту CBD, получают сертификат, который служит сигналом добросовестности для регулятора и потребителей;

– продвижение стандарта через государственные закупки и иные стимулы.

Канада уже внедряет подобные подходы: Бюро конкуренции разрабатывает инструмент *COMPASS (Computational Antitrust System)* для автоматизированного анализа рынков [11, p. 18]. В российских условиях ФАС также могла бы создать аналогичный реестр (добровольный или обязательный для доминирующих платформ) и стимулировать разработку проконкурентных алгоритмов через разъяснения и методические рекомендации.

3.4. Проект поправки в Приказ ФАС России от 28 апреля 2010 г. № 220 (ред. от 12 марта 2020 г.) «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке»[22] *(далее – Порядок № 220).*

Как было показано в предыдущих разделах, действующее антимонопольное законодательство и подзаконные акты практически не содержат специальных инструментов для выявления и пресечения ценовой дискриминации, осуществляемой с использованием алгоритмов искусственного интеллекта. Традиционные методы доказывания оказываются недостаточными в условиях непрозрачности алгоритмов. Более того, отсутствие в действующей редакции Порядка № 220 специальных положений, посвящённых анализу конкурентной среды на цифровых рынках, создаёт правовую неопределённость и затрудняет деятельность антимонопольного органа.

В целях устранения указанных пробелов предлагается дополнить раздел X («Особенности проведения анализа конкуренции на товарном рынке») новым пунктом 10.11. Предлагаемые изменения закрепляют три ключевых правовых механизма.

Во-первых, *право антимонопольного органа на истребование информации об алгоритме ценообразования* (проектируемый п. 10.11.1), включая перечень параметров, их веса и результаты А/Б-тестирования. Это позволяет преодолеть информационную асимметрию и получить доступ к доказательствам, находящимся в исключительном ведении платформы.

Во-вторых, *перераспределение бремени доказывания и запрет на обоснование различий в ценах ссылкой на «готовность платить»* (проектируемый п. 10.11.2). После представления антимонопольным органом косвенных доказательств (например, резуль-

[22] Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 34.

татов мониторинга цен или статистического анализа) именно платформа должна доказать объективную экономическую обоснованность ценовых различий. При этом сама по себе «повышенная готовность платить», выявленная алгоритмически, не может служить таким обоснованием, если не подтверждена объективными различиями в издержках или уровне сервиса.

В-третьих, *легализация методов вычислительного антимонопольного регулирования* (проектируемый п. 10.11.3), включая построение цифровых сценариев, применение алгоритмов обнаружения аномалий (например, модели двойного ценообразования) и симуляцию работы ценовых алгоритмов. Это позволит внедрить в правоприменительную практику современные технологические инструменты, повышающие эффективность выявления дискриминационных ценовых паттернов.

Предлагаемый текст поправки:

«10.11. Особенности проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке по делам, возбужденным по признакам нарушения пункта 6 части 1 статьи 10 Закона «О защите конкуренции» (установление различных цен на один и тот же товар) с использованием цифровых платформ и технологий искусственного интеллекта.

При установлении факта установления различных цен на один и тот же товар хозяйствующим субъектом, занимающим доминирующее положение, в случае если ценообразование осуществляется с использованием алгоритмов искусственного интеллекта, машинного обучения или иных автоматизированных систем, анализ состояния конкуренции, а также сбор и анализ доказательств проводятся с учетом следующих особенностей.

10.11.1. Особенности сбора и анализа информации об алгоритмах ценообразования

В целях выявления наличия и определения причин ценовых различий антимонопольный орган вправе истребовать у хозяйствующего субъекта, а также привлекать независимые экспертные организации для анализа:

а) перечня параметров (факторов), используемых алгоритмом для расчета цены для каждого пользователя или группы пользователей, с указанием источников данных по каждому параметру;

б) логики (математической модели, функции) определения веса каждого параметра в итоговой цене;

в) результатов А/Б-тестирования или иных экспериментов, проведенных хозяйствующим субъектом и демонстрирующих влияние отдельных параметров на итоговую цену.

10.11.2. Особенности доказывания и распределения бремени доказывания

После представления антимонопольным органом косвенных доказательств существования дифференцированного ценообразования (в том числе с использованием методов, предусмотренных пунктом 10.11.3 настоящего Порядка) бремя доказывания наличия объективных экономических оснований для установления различных цен возлагается на хозяйствующего субъекта, занимающего доминирующее положение.

Обоснованность различий в ценах не может подтверждаться ссылкой на «повышенную готовность платить» конкретного пользователя или группы пользователей, выявленную в результате обработки поведенческих данных, если хозяйствующий субъект не докажет, что такая готовность платить обусловлена объективными различиями в издержках обслуживания или уровне сервиса.

10.11.3. Допустимость использования методов вычислительного антимонопольного регулирования

При расследовании дел о нарушении пункта 6 части 1 статьи 10 Закона «О защите конкуренции» в порядке, установленном антимонопольным органом, допускается использование методов вычислительного антимонопольного регулирования, в том числе:

а) построение и анализ цифровых сценариев с использованием данных о транзакциях, поведении пользователей и иных релевантных данных;

б) применение алгоритмов обнаружения аномалий и кластеризации, в частности модели двойного ценообразования, для выявления дискриминационных ценовых паттернов в больших массивах данных;

в) проведение симуляций и стресс-тестирования алгоритмов ценообразования с целью оценки их потенциального антиконкурентного эффекта.

Порядок применения указанных методов утверждается Федеральной антимонопольной службой.

Дополнительно рекомендуется при ФАС России создать специализированный отдел (или лабораторию) по вычислительному антимонопольному регулированию, который будет обладать компетенциями в области машинного обучения, обработки больших данных и экономического моделирования, а также внедрить механизм «регуляторной песочницы» для добросовестных платформ,

желающих протестировать новые алгоритмы ценообразования без риска немедленных санкций.

4. Заключение

Предиктивная персонализация цен под управлением ИИ превращает дискриминацию в товар — «услугу», которую технологический гигант продает сам себе (или своим партнерам) в виде монопольной ренты. Российское антимонопольное законодательство обладает достаточным потенциалом для противодействия этой практике (ст. 10 Закона о защите конкуренции). Однако без адаптации методического инструментария — введения принципа алгоритмической недискриминации, прямых полномочий ФАС на экспертизу алгоритмов, использования вычислительных методов и регуляторных песочниц, а также развития упреждающих механизмов «конкуренции по дизайну» — этот потенциал останется нереализованным.

Предложенные поправки не требуют изменения закона: достаточно разъяснения Президиума ФАС или внесения изменений в Методику. Это позволит уже в ближайших делах (например, в отношении маркетплейсов или агрегаторов такси) переломить ситуацию, когда «технологическая сложность» служит ширмой для злоупотреблений. Иной выбор — легализация дискриминации как услуги — противоречит базовым принципам конкурентного права и подрывает доверие к цифровой экономике. Международный опыт показывает, что только сочетание жесткого правоприменения, вычислительных методов и упреждающих стандартов может обеспечить конкурентный порядок в эпоху алгоритмов. Ведущие юрисдикции уже осознали необходимость вмешательства в инфраструктуру искусственного интеллекта — данные и вычислительные ресурсы — чтобы предотвратить злоупотребления доминирующим положением. Россия имеет возможность не отставать и предложить собственное эффективное решение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Асфандияров Э. А. Алгоритмический сговор как новая форма недобросовестной конкуренции: проблемы квалификации и доказывания в практике ФАС России // Актуальные проблемы национального и международного права : материалы VIII науч.-теорет. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 1 окт. 2025 г.). — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2025. — С. 50—56.

2. Курдин А. А. Регулирование цифровых экосистем в рамках конкурентной политики: экономико-правовой подход // Научные исследования экономического факультета. — 2021. — Т. 13, № 4. — С. 7—20.

3. Куркова Д. Н., Курбацкий А. Н. Механизмы адаптации потребителей к алгоритмическому ценообразованию // Управленец. — 2025. —Т. 16, № 5. — С. 67—83. — DOI: 10.29141/2218-5003-2025-16-5-5.

4. Мустафин Т. Р., Имамова К. Р., Абрамов И. Р. Теория регулятивного воздействия на рынки данных и алгоритмической конкуренции // Human Progress. — 2025. — Т. 11, вып. 9. — С. 1—10. — DOI: 10.46320/2073-4506-2025-9a7.

5. Пономарева Е. А. Ценовая дискриминация на двухсторонних рынках: пример такси // Экономическое развитие России. — 2020. — № 9. — С. 70—78.

6. Смирнова О. О. Ценовая дискриминация и рыночная власть фирмы: теоретический анализ // Крымский научный вестник. — 2015. — № 3. — С. 32—45.

7. Тутов Л. А., Измайлов А. А. Цифровые технологии на службе у предпринимательства: новые вызовы для регулирования // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. — 2024. — Т. 59, № 3. — С. 3—20.

8. Цай Шэнь, Мэн Фаньюй, Чжу Бао. Экономика платформ и цифровые рынки: проблемы антимонопольного регулирования в условиях глобализации // Экономический вестник. — 2025. — Т. 4, № 4. — С. 100—104.

9. Шастико А. А. Ценовая дискриминация: экономическая теория и практика правоприменения // Современная конкуренция. — 2018. — Т. 12, № 6 (72). — С. 27—38.

10. Berianvand N. Collusion and Price Discrimination with Algorithmic Pricing: Efficiency and Fairness Issue : Master's thesis / University of Pavia. — Pavia, 2024. — 94 p.

11. Competition in the Age of Algorithms: A Competition by Design Approach to Algorithmic Pricing. Policy Lab Report, Max Bell School of Public Policy, McGill University / A. Freeman, E. Mober, Doria I. Coronado, H. T. Yakubu. — Montreal, 2025. — 52 p.

12. Gautier A., Ittoo A., Van Cleynenbreugel P. AI algorithms, price discrimination and collusion: a technological, economic and legal perspective // European Journal of Law and Economics. — 2020. — Vol. 50. — P. 405—435.

13. Iacobucci E. M. Algorithmic Pricing, Anticompetitive Counterfactuals and Antitrust Law // University of Chicago Law Review Online. — 2024. — Vol. 12. —P. 1—11.

14. Liu W. Artificial Intelligence and the Rule of Law // Computational Antitrust. — Singapore : Springer, 2026. — P. 57—89.

15. Rott P., Strycharz J., Alleweldt F. Personalised Pricing : Publication for the Committee on Internal Market and Consumer Protection / Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies, European Parliament. — Luxembourg, 2022. — 52 p.

16. Schrepel T. Computational Antitrust: An Introduction and Research Agenda // Stanford Computational Antitrust. — 2021. — Vol. 1. — P. 15. — URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3766960.

17. Shah I. AI-Driven Price Discrimination: Strategic Applications, Ethical Concerns and Regulatory Implications // International Science Journal of Management, Economics & Finance. — 2025. — Vol. 4, № 5. — P. 33—50.

18. Van Cleynenbreugel P. Pricing Algorithmic and Antitrust Enforcement: Sandboxes to the Rescue? // CPI Antitrust Chronicle. —2024, February. — P. 1—9.

19. Zheng K. Antitrust in artificial intelligence infrastructure—between regulation and innovation in the EU, the US, and China // Computer Law & Security Review. — 2025. — Vol. 59. — P. 106—211.

REFERENCES

1. Asfandiyarov E. A. Algorithmic Collusion as a New Form of Unfair Competition: Problems of Qualification and Evidence in the Practice of the FAS of Russia. *Aktualnye problemy natsionalnogo i mezhdunarodnogo prava. Materialy 8-i nauchno-teoreticheskoi konferentsii studentov magistratury (Sankt-Peterburg, 1 oktyabrya 2025 g.)* [Current Problems of National and International Law. Proceedings of the 8th Research and Theoretical Conference of Master's Students (Saint Petersburg, 2025, Oct. 1). Saint Petersburg Institute (Branch), All-Russian State University of Justice Publ., 2025, pp. 50—56. (In Russian).

2. Kurdin A. A. Regulation of Digital Ecosystems within the Framework of Compe-tition Policy: Legal and Economic Approach. *Nauchnye issledovaniya ehkonomicheskogo fakulteta = Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal*, 2021, vol. 13, no. 4, pp. 7—20. (In Russian). DOI: 10.38050/2078-3809-2021-13-4-7-20.

3. Kurkova D. N., Kurbatskii A. N. Mechanisms of consumer adaptation to algorithmic pricing. *Upravlenets = The Manager*, 2025, vol. 16, no. 5, pp. 67—83. (In Russian). DOI: 10.29141/2218-5003-2025-16-5-5.

4. Mustafin T. R., Imamova K. R., Abramov I. R. A Theory of Regulatory Impact on Data Markets and Algorithmic Competition. *Human Progress*, 2025, vol. 11, iss. 9, pp. 1—10. (In Russian). DOI: 10.46320/2073-4506-2025-9a7.

5. Ponomareva E. A. Price Discrimination in Two-Sided Markets: The Taxi Services Example. *Ehkonomicheskoe razvitie Rossii = Russian economic development*, 2020, no. 9, pp. 70—78. (In Russian).

6. Smirnova O. O. Price Discrimination and Market Power: A Theoretical Analysis. *Krymskii nauchnyi vestnik =The Crimean Scientific Bulletin*, 2015, no. 3, pp. 32—45. (In Russian).

7. Tutov L. A., Izmaylov A. A. Digital technologies in the service of entrepreneurship: new challenges for regulation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ehkonomika = Lomonosov Economics Journal*, 2024, vol. 59, iss. 3, pp. 3—20. (In Russian). DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-3-1.

8. Cai Shen, Meng Fanyu, Zhu Bao. Platform Economics and Digital Markets: Antitrust Regulation Issues in the Context of Globalization. *Ehkonomicheskii vestnik = Economic Bulletin*, 2025, vol. 4, no. 4, pp. 100—104. (In Russian).

9. Shastitko A. Price discrimination: economic theory and law enforcement practice. *Sovremennaya konkurentsiya = Journal of Modern Competition*, 2018, vol. 12, no. 6 (72), pp. 27—38. (In Russian).

10. Berianvand N. *Collusion and Price Discrimination with Algorithmic Pricing: Efficiency and Fairness Issue. Master's thesis*. University of Pavia, 2024. 94 p.

11. Freeman A., Mober E., Coronado Doria I., Yakubu H. T. *Competition in the Age of Algorithms: A Competition by Design Approach to Algorithmic Pricing. Policy Lab Report.* Max Bell School of Public Policy, McGill University, 2025. 52 p.

12. Gautier A., Ittoo A., Van Cleynenbreugel P. AI algorithms, price discrimination and collusion: a technological, economic and legal perspective. *European Journal of Law and Economics*, 2020, vol. 50, pp. 405—435.

13. Iacobucci E. M. Algorithmic Pricing, Anticompetitive Counterfactuals and Antitrust Law. *University of Chicago Law Review Online*, 2024, vol. 1, pp. 1—11.

14. Liu W. Artificial Intelligence and the Rule of Law. In Liu W. *Computational Antitrust*. Singapore, Springer, 2026, pp. 57—89.

15. Rott P., Strycharz J., Alleweldt F. *Personalised Pricing: Publication for the Committee on Internal Market and Consumer Protection*. Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies, European Parliament. Luxembourg, 2022. 52 p.

16. Schrepel T. Computational Antitrust: An Introduction and Research Agenda. *Stanford Computational Antitrust*, 2021, vol. 1, pp. 15. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3766960.

17. Shah I. AI-Driven Price Discrimination: Strategic Applications, Ethical Concerns and Regulatory Implications. *International Science Journal of Management, Economics & Finance*, 2025, vol. 4, no. 5, pp. 33—50.

18. Van Cleynenbreugel P. Pricing Algorithmic and Antitrust Enforcement: Sandboxes to the Rescue? *CPI Antitrust Chronicle*. February 2024, pp. 1—9.
19. Zheng K. Antitrust in artificial intelligence infrastructure—between regulation and innovation in the EU, the US, and China. *Computer Law & Security Review*, 2025, vol. 59, pp. 106—211.

СВЕДЕНИИЯ ОБ АВТОРЕ

Шрам Дмитрий Викторович (Иркутск) — соискатель ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки в Иркутском институте (филиале) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, Россия, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4; e-mail: dmitryshram@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shram, Dmitriy V. (Irkutsk) — Candidate of Law degree in the field of 5.1.3 Private Law (Civil Law) Sciences at the Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (4 Nekrasov St., Irkutsk, 664011, Russia; e-mail: dmitryshram@mail.ru).

УДК 347.77

Д. А. Выщепан
Оренбургский государственный университет,
г. Оренбург, Российская Федерация
ORCID:0009-0002-0631-0192
ResearcherID: HDX-7167-2025

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ «ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА» ТОВАРОВ, ИДЕНТИФИЦИРУЕМЫХ ПО НАИМЕНОВАНИЮ МЕСТА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОВАРА

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 2. — С. 104—113.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.9.104-113
Дата поступления 26.12.2025, дата принятия к печати 01.06.2026, дата онлайн-размещения 05.06.2026.

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются правовые коллизии режима параллельного импорта товаров с режимом правовой охраны наименования места происхождения товаров и географических указаний в Российской Федерации. Отмечается, что действующая модель легализации параллельного импорта, ориентированная преимущественно на преодоление ограничений, установленных на использование товарных знаков и исчерпания исключительных прав, не учитывает специфику правовой природы режима наименования места происхождения товаров, основанного на соблюдении гарантий особых свойств товара, обусловленных географическим происхождением. «Антисанкционная» легализация параллельного импорта как исключения из традиционной модели исчерпания прав по товарным знакам породила ряд правовых рисков для режима охраны наименований места происхождения товаров. Среди них можно выделить: подмену гарантий особых свойств товара гарантиями его «оригинальности»; разрыв между системой контроля качества и каналами параллельных поставок; возникновение неопределённости относительно происхождения и качественных характеристик товара в процессе таможенного и судебного доказывания; риск возникновения претензий в связи с возможным ослаблением выполнения Российской Федерацией международных обязательств по охране географических указаний в рамках Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). Анализируются положения российского законодательства, судебная практика, зарубежный опыт регулирования параллельного импорта. Научная новизна исследования заключается в определении правовых рисков, в необходимости формирования специального правового режима допуска товаров с режимом наименования места происхождения товаров в условиях государственных ограничений использования товарных знаков некоторыми странами. Правовой режим должен быть ориентирован на усиление доказательственных стандартов происхождения и сохранности качественных характеристик товаров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Параллельный импорт, исчерпание права, наименование места происхождения товара, внешняя торговля, средства индивидуализации товаров.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Выщепан Д. А. Проблемы правового регулирования «параллельного импорта» товаров, идентифицируемых по наименованию места происхождения товара // Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 2. — С. 104—113. — DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.9.104-113.

UDC 347.77

D. A. Vyshchepan
Orenburg State University,
Orenburg, Russian Federation
ORCID:0009-0002-0631-0192
ResearcherID:HDX-7167-2025

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF PARALLEL IMPORT OF GOODS IDENTIFIED BY APPELLATION OF ORIGIN

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 2, pp. 104—113.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.9.104-113
Received 26.12.2025, accepted 01.06.2026, available online 05.06.2026.

ABSTRACT The article analyzes legal conflicts between the parallel import regime and the regime of legal protection of appellations of origin and geographical indications in the Russian Federation. It is noted that the current model of parallel import legalization, oriented primarily toward overcoming restrictions imposed on the use of trademarks and the exhaustion of exclusive rights, does not account for the specific legal nature of the appellation of origin regime, which is based on ensuring guarantees of special properties of goods conditioned by their geographical origin. The "anti-sanctions" legalization of parallel imports as an exception to the traditional model of exhaustion of trademark rights has generated a number of legal risks for the protection regime of appellations of origin. These include: substitution of guarantees of special properties of goods by guarantees of their "authenticity"; a disconnect between the quality control system and parallel supply channels; uncertainty regarding the origin and quality characteristics of goods in the course of customs and judicial proof; the risk of claims arising from possible weakened compliance by the Russian Federation with its international obligations for the protection of geographical indications under the Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS). The article analyzes provisions of Russian legislation, judicial practice, and foreign experience in regulating parallel imports. The scientific novelty of the research lies in identifying legal risks and the need to create a special legal regime for admitting goods subject to appellation of origin protection under conditions of state-imposed restrictions on the use of trademarks by certain countries. The legal regime should be oriented toward strengthening evidentiary standards regarding the origin and preservation of quality characteristics of goods.

KEYWORDS Parallel imports, exhaustion of rights, appellation of origin, foreign trade, means of individualization of goods.

FOR CITATION Vyshchepan D. A. Problems of Legal Regulation of Parallel Import of Goods Identified by Appellation of Origin. *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 2, pp. 104—113. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.9.104-113.

Правовое регулирование параллельного импорта традиционно рассматривается в рамках института интеллектуальной собственности через призму доктрины исчерпания исключительных прав на товарный знак [10, с. 312]. Рассматриваемая проблема также анализируется в контексте конкурентного права через призму иммунитетов в конкурентном праве. Отмечаются три модели такой доктрины: национальная, региональная и международная [4, с. 31].

Параллельный импорт — это международный принцип исчерпания прав, который заключается в том, что ввоз товара под зарегистрированной товарной маркой возможен в страну любыми участниками рынка, а не только теми, кто получил разрешение правообладателя [1]. В условиях экономических ограничений 2022—2025 годов и, как следствие, изменений российского законодательства, назрела необходимость выявить ключевые правовые конфликты, возникающие при параллельном импорте товаров с защищенными наименованиями места происхождения (далее по тексту — НМПТ). Правительство Российской Федерации стало принимать меры по либерализации рынка. Был разрешен ввоз товаров без согласия правообладателей товарных знаков[1]. По данным Минпромторга России, среднемесячный объем параллельного импорта по итогам 2024 г. оценивался примерно в 3 млрд. долларов США в месяц, при этом 2025 г. наблюдалась тенденция к снижению[2].

Цель исследования — выявить и проанализировать правовые коллизии между режимом параллельного импорта и охраной наименования места происхождения товаров, определить возникающие риски и сформулировать предложение по формированию специального правового режима допуска таких товаров в условиях действия антисанкционных мер.

Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой метод (для сопоставления модели исчерпания исключительных прав), формально-юридический метод (для анализа нормативных правовых актов), а также метод анализа судебной практики (для выявления конкретных правовых проблем и позиций Судов по вопросам доказывания соответствия товаров требованиям охраны НМПТ).

Научная значимость исследования заключается в комплексном анализе правовых коллизий между режимом параллельного импорта и институтом охраны наименований места происхождения товара и географических указаний. В работе впервые системно выявлены и классифицированы правовые риски, возникающие при применении механизма параллельного импорта к товарам с охраняемыми средствами индивидуализации особого рода. Практическая значимость состоит в разработке конкретных предложений по совершенствованию правового регулирования, которые могут быть использованы при подготовке изменений в нормативные правовые акты, а также при формировании разъяснений судебной практики. Сформулированные в работе подходы к усилению доказательных стандартов происхождения и качественных характеристик товаров могут применяться таможенными органами и участниками внешнеэкономической деятельности при оформлении товара с зарегистрированными НМПТ. Реализация предложений позволит обеспечить баланс между задачами обеспечения доступности товаров на внутреннем рынке и сохранением гарантии качества и происхождения продукции, защитой прав региональных производителей и потребителей, а также надлежащим выполнением международных обязательств Российской Федерации в сфере охраны географических указаний.

[1] О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы : Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2022 г. № 506 (ред. от 28 июня 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 14. Ст. 2286.

[2] FINMARKET.RU. URL: https://www.finmarket.ru/news/6408303?utm_source=chatgpt.com.

Теме происхождения товаров посвящена глава 4 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза[3]. В соответствии с законодательством Евразийского экономического Союза при помещении товаров под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления, как правило, требуется представление декларации о происхождении товара либо сертификата о происхождении товара. Декларация о происхождении товара представляет собой заявление о происхождении товара, сделанное изготовителем, продавцом или отправителем, либо коммерческий документ, содержащий сведения о происхождении товара (ст. 30 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза[4]).

Отдельно следует отметить, что правомерное использование наименования места происхождения товаров при ввозе требует не только наличия свидетельства о государственной регистрации НМПТ в Роспатенте, но и подтверждения от уполномоченных органов соответствия товара установленным требованиям к географическому происхождению и особым свойствам. Таким образом, режим параллельного импорта, снимающий необходимость согласия правообладателя товарного знака, не отменяет и не заменяет специальных требований, предъявляемых к товарам с охраняемым НМПТ.

Правовой режим параллельного импорта в Российской Федерации был введён в 2022 г.[5] как антисанкционная мера. Первоначально перечень товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положение пп. 6 ст. 1359 и ст. 1487 Гражданского кодекса РФ, утверждался приказом Минпромторга России от 19 апреля 2022 г. № 1532 (утратил силу). В настоящее время механизм регулируется Постановлением Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506[6], изменениями, внесёнными в Гражданский кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 28 июня 2022 г. № 213-ФЗ[7], а также актуальными приказами Минпромторга России, утверждающими перечень товаров, допущенных к параллельному импорту (в частности, приказом от 21 июля 2023 г. № 2701[8] с последующими изменениями). Действие указанного механизма продлено до 31 декабря 2026 г. Федеральным законом от 15 декабря 2025 г. № 463-ФЗ[9].

Правовой режим параллельного импорта концептуально ориентирован преимущественно на товарные знаки и борьбу с контрафактом, в то время как иные средства индивидуализации остались вне фокуса системного правового анализа в рамках данного механизма. Это обстоятельство приобретает особую значимость, поскольку НМПТ по своей правовой природе направлены не столько на индивидуализацию товара, сколько на подтверждение его особых свойств, обусловленных географическим происхождением. В результате возникает коллизия между допустимостью ввоза оригинальных товаров в рамках параллельного импорта и необходимостью соблюдения требований правовой охраны НМПТ.

Российская модель параллельного импорта сформировалась как ответ на ограничение доступа к иностранным товарам и базируется на критерии оригинальности продукции. Научное исследование параллельного импорта НМПТ невозможно без определения

---

[3] Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.) // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: http://www. eaeunion.org/, 12.04.2017.

[4] URL: http://www.eaeunion.org/, 12.04.2017.

[5] Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия (с изм. и доп., вступ. в силу с 15 июня 2023 г.) : Приказ Минпромторга России от 19 апр. 2022 г. № 1532 (ред. от 02 марта 2023 г.)// СПС «КонсультантПлюс».

[6] Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 14. Ст. 2286.

[7] О внесении изменения в статью 18 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» : Федер. закон от 28 июня 2022 г. № 213-ФЗ // Там же. 2022. № 27. Ст. 4614.

[8] Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения статей 1252, 1254, пункта 5 статьи 1286.1, статей 1301, 1311, 1406.1, подпункта 1 статьи 1446, статей 1472, 1515 и 1537 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия (в ред. от 26 сент. 2025 г.) : Приказ Минпромторга России от 21 июля 2023 г. № 2701 // СПС «КонсультантПлюс».

[9] О внесении изменений в статью 18 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» : Федер. закон от 15 дек. 2025 г. № 463-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 51. Ст. 7982.

отличий между НМПТ и географическими указаниями (далее по тексту — ГУ). А. С. Рогалева описала отличия между ними и прокомментировала изменения законодательства, связанные с введением в действие норм о ГУ [9, с. 34].

В юридической теории вопросы проблематики параллельного импорта обсуждаются на протяжении нескольких лет. В статье Т. К. Канатова рассматриваются теоретические подходы к вопросам исчерпания прав на товарные знаки [5, с. 129]. Г. П. Ивлиева и Б. А. Шахназарова анализируют правовые подходы к параллельному импорту и проблематике исчерпания прав в государствах Евразийского региона на примере России, Армении, Казахстана, Азербайджана, а также в ЕАЭС [3, с. 56]. В исследовании А. Б. Оторбаева, С. Ж. Айдарбаева, А. Б. Бегжан определяется необходимость перехода к международному принципу исчерпания исключительных прав в странах ЕАЭС, направленному на достижение баланса между защитой прав интеллектуальной собственности и потребностями рынка [7, с. 201].

Б. А. Шахназаров в своей монографии подробно анализирует российскую модель правового регулирования отношений в сфере параллельного импорта, характеризует вопросы формирования и модернизации правовых режимов исчерпания исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности в различных экономических условиях, а также раскрывает меры развития национальной промышленности и импортозамещения. Российская модель базируется на исключениях из классической концепции национального исчерпания прав. При этом ключевым критерием допустимости оборота товара выступает его оригинальность, то есть законное введение в оборот правообладателем либо с его согласия [12]. При этом основной акцент делается на недопустимости оборота контрафактных товаров, тогда как иные аспекты правовой охраны средств индивидуализации учитываются фрагментарно, не охватывается специфика правового режима НМПТ. Специфика же состоит в том, что НМПТ и ГУ — это не только маркер происхождения товара, но и юридическая конструкция, где охраняются особые свойства товара, обусловленные природными условиями и (или) людскими факторами соответствующей территории. В российском праве это закреплено в ст. 1516 ГК РФ и параграфе 3 главы 76 ГК РФ. Следовательно, оригинальность товара в смысле легального нанесения обозначения не эквивалентна соответствию товара критериям НМПТ, включая требование причинной связи между местом происхождения товара и его свойствами. Правовая охрана НМПТ строится на трех элементах: географическое происхождение товара; наличие особых свойств, обусловленных этим происхождением; правомерность использования обозначения конкретным производителем. Она не может рассматриваться в отрыве от производственного территориального аспекта, именно поэтому подтверждение только оригинальности товара не решает вопрос его соответствия требованиям правовой охраны НМПТ. Режим параллельного импорта решает задачу доступности товаров в условиях разрыва официальных поставок, тогда как режим НМПТ решает задачу доверия к происхождению и свойствам. Эти задачи совместимы, но только при правильной настройке доказательств и критериев допуска.

М. В. Радецкая и А. Е. Туркина рассмотрели коллизии из судебной практики, связанные с вопросами защиты прав на НМПТ и ГУ [8, с. 88]. Мы отмечаем только те, что связаны еще и с параллельным импортом. В феврале 2018 года Конституционный суд вынес постановление № 8-П, которым фактически узаконил параллельный импорт в России[10]. Роспатент публикует на своем сайте подборку судебных дел по региональным брендам[11].

Во-первых, можно выделить публично обсуждаемую практику Суда по интеллектуальным правам по делу № А41-51820/2022[12], где Суд пресек попытку ввоза в Россию контрафактных товаров под видом известных брендовых вещей [6]. Указанная практика формирует определенные подходы к разрешению споров, однако не разрешает вопросы охраны НМПТ, где спор может касаться не «подделки» товарного знака, а несоответствия товара охраняемым спецификациям происхождения или свойств при формально

[10] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 февраля 2018 г. № 8-П по делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 9. Ст. 1435.

[11] Судебная практика. Региональные бренды // Роспатент : Федеральная служба по интеллектуальной собственности : [сайт]. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/sourses/regional-brands/arbitrage-practice.

[12] Об оставлении кассационной жалобы без движения : Определение Суда по интеллектуальным правам от 13 марта 2023 г. № С01-530/2023 по делу № А41-51820/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

«настоящем / оригинальном» обозначении. Вместе с тем указанная практика в основном касается защиты товарных знаков и не решает вопросов соответствия товара спецификации НМПТ при формально оригинальном обозначении.

Во-вторых, практика поднимает вопросы множественности правообладателей и процессуальные последствия. Дела о НМПТ имеют коллективную природу интереса, при заявлении требований одним правообладателем НМПТ суду следует привлекать к участию в деле иных правообладателей НМПТ (позиция в определении Верховного суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 308-ЭС 220913)[13]. Также следует отметить, что установленная в ГК РФ компенсация за нарушение исключительного права в двукратном размере стоимости контрафактных товаров представляет собой специальный институт по отношению к предусмотренному абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ способу расчета убытков — взыскание дохода, полученного нарушителем. Суда по интеллектуальным правам также определил, что в России гарантирована равная охрана интеллектуальной собственности иностранных организаций[14].

В международной практике используется дифференцированный подход к параллельному импорту и географическим указаниям. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) устанавливает обязательства государства по защите географических указаний от любого использования, вводящего потребителя в заблуждение относительно истинного происхождения товара[15]. В Европейском союзе охрана географических указаний (PDO, PGI) независимо от допустимости параллельного импорта усиленно контролируется и использование охраняемого обозначения допускается исключительно при строгом соблюдении специфики товара. Обзор европейского регулирования географических указаний определяет обязанность государств-членов предотвращать незаконное использование охраняемых обозначений [17]. Даже при допустимости параллельной торговли для товарных знаков «GI-контур» остается строгим: проверка происхождения и спецификация товара обязательна. Защита географических указаний в ЕС происходит и на уровне торговых соглашений. В научной работе Д. Курзи и М. Юисманса отмечается, что товары с географическим указанием более высокого качества и с большей долей рынка получают более сильную внешнюю правовую защиту [14].

Сравнительные правовые исследования показывают расхождения США и ЕС в подходах к режиму исчерпания товарного знака и параллельным поставкам. В США географические указания оформляются в виде сертификационных знаков, что также предполагает жесткий контроль соответствия продукции установленным стандартам и доктрина *first sale* применяется ограниченно и не подрывает требования к достоверности информации о происхождении товара [15]. Географическое указание трактуется не как «особое самостоятельное право», а как разновидности знаков / сертификационных обозначений, логика контроля чаще сводится к предотвращению маркетинга, вводящего в заблуждение потребителя. В других странах, например в Республике Бангладеш, имеется концепция географического указания как интеллектуальной собственности, так и свои правовые инструменты, касающиеся защиты географических указаний. Страна сталкивается с другой проблемой: Бангладеш должна предпринять срочные усилия, чтобы какая-либо другая страна не включила в список их уникальные продукты и называла их своими собственными [16].

Сравнивая зарубежное понимание НМПТ с российским, можно отметить, что в России НМПТ имеет самостоятельный правовой режим, в котором заключается «место происхождения — свойства / качество — производство» товара и его нельзя полностью раскрыть в логике товарного знака.

Для НМПТ важны устойчивость характеристик товара. При параллельном импорте условия поставки или транспортировки могут нарушаться, ухудшая качество и свойства товара, повышаются риски искажения условий хранения, замены партий, смешения серий и др. С точки зрения права, это превращается в трудно доказуемые споры о соответствии товара охраняемым характеристикам. Эти споры возникают, как правило, при пересечении границы, на таможенном контроле, где госу-

---

[13] Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 308-ЭС22-9213 по делу № А63-13005/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[14] Юрист и закон: судебная практика в сфере интеллектуальной собственности — кейсы и тренды 2023. URL: https://ip-conf.ru/news/items/yurist-i-zakon-sudebnaya-praktika-v-sfere-intellektualnoy-sobstvennosti-keysy-i-trendy-2023-/?utm_source=chatgpt.com.

[15] WTO. Geographical Indications — TRIPS issues. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/trips_e/gi_background_e.htm.

дарство продолжает фиксировать значительные объемы выявляемой нелегальной продукции. В случае с НМПТ приходится доказывать «не соответствующую спецификацию происхождения / условий» товара[16]. Центральным инструментом в этой деятельности выступает таможенная экспертиза, призванная идентифицировать подлинность товаров и защитить интересы правообладателей [11, с. 253].

На уровне ТРИПС государства обязаны обеспечивать защиту географических указаний: при большом количестве параллельных каналов без специальных условий для НМПТ/ГУ возрастает риск претензий о *de-facto* ослаблении правовой охраны географических указаний через судебную практику. Кроме того, отмечается, что маркетинг таких товаров, например, на азербайджанском рынке может не сопровождаться инструкциями на местном языке и информацией для потребителей о жалобах производителям, а также потребитель может потерять право на гарантийное обслуживание приобретенного товара [3, с. 66].

Кроме того, развитие российских региональных брендов, охраняемых наименованиями места происхождения товаров и географическими указаниями, сталкивается с определёнными трудностями в условиях функционирования механизма параллельного импорта. В частности, отсутствие специальных требований к подтверждению соответствия товаров с НМПТ при их ввозе может негативно влиять на конкурентоспособность отечественных региональных производителей как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Для оценки влияния НМПТ и ГУ на социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации федеральным институтом промышленной собственности была создана база данных, сформированная по результатам социологического исследования[17]. Данная база данных позволяет выявлять факторы, сдерживающие развитие внешнеэкономической деятельности в отношении товаров, маркированных региональными брендами, и может быть использована для анализа последствий параллельного импорта для региональных производителей.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно выделить следующие риски: риск подмены специального режима НМПТ общим критерием «оригинальности» товара; риск разрыва документально подтверждённой цепочки контроля качества; отсутствие специальных доказательных стандартов для товаров с НМПТ при таможенном оформлении и в судебном процессе; риск ослабления международных обязательств Российской Федерации по охране географических указаний при формальном сохранении нормативных конструкций.

Исходя из выявленных проблем складываются следующие направления совершенствования правового регулирования режима НМПТ в условиях «параллельного импорта». Представляется целесообразным формирование специального режима допуска товаров с НМПТ в условиях параллельного импорта, предусматривающего: установление повышенных требований к подтверждению происхождения и особых свойств товара — в частности, обязательное представление свидетельства о государственной регистрации НМПТ, подтверждение от уполномоченного органа иностранного государства о соответствии производства заявленной местности, а при необходимости — заключение таможенной экспертизы; нормативное разграничение режимов параллельного импорта для товарных знаков и НМПТ — в том числе внесения в актуальные приказы Минпромторга отдельного примечания или приложения для товаров, содержащих зарегистрированные НМПТ и ГУ; разработка разъяснения судебной практики по вопросам доказывания нарушений прав на НМПТ (подготовка Обзора практики Суда по интеллектуальным правам или разъяснений ВС РФ по вопросам доказывания соответствия товара требованиям ст. 1516 ГК РФ при параллельном импорте).

Параллельный импорт выступает одним из инструментов адаптации внешнеторговой деятельности к условиям экономических санкций. Вместе с тем действующий правовой режим в отношении товаров, маркированных наименованиями мест происхождения товаров, не в полной мере обеспечивает гарантии их качества и подтверждение происхождения, что способно снижать уровень доверия со стороны потребителей. В связи с этим представляется необходимым формирование специального правового режи-

---

[16] Федеральная таможенная служба. URL: https://customs.gov.ru/press/pressa-o-nas/document/628729?utm_source=chatgpt.com.

[17] Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2025624368 Российская Федерация. База данных по результатам социологического исследования на тему: «Влияние региональных брендов (географических указаний (ГУ) и наименований мест происхождения товаров (НМПТ)) на социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации» : заявл. 02 окт. 2025 г. : опубл. 09 окт. 2025 г. / О. П. Неретин, С. Н. Горушкина, Е. Г Царева, Д. А. Колесников ; заявитель Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный институт промышленной собственности». — EDN VURHYW.

ма допуска к обороту товаров, содержащих режим наименования места происхождения товаров. Такой подход позволит обеспечить баланс между экономическими интересами государства, защитой прав потребителей и сохранением гарантии качества региональных брендов. Это имеет важное практическое значение для импортёров и для российских производителей товаров, охраняемых режимом средств индивидуализации товаров, включая НМПТ и ГУ. Совершенствование правовых норм в направлении формирования специального правового режима НМПТ и ГУ позволит минимизировать выявленные правовые риски и обеспечить надлежащую охрану интеллектуальной собственности в условиях параллельного импорта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вараксин М. Контрафакт, параллельный импорт и паразиты: проблемы интеллектуальной собственности // Право.ru : [сайт]. URL: https://pravo.ru/story/206261/.

2. Жоглина Е. В., Куленченко А. А. Проблемы и перспективы параллельного импорта в условиях санкционных ограничений // Новый путь российской экономики: импортозамещение, инновационность, экономическая безопасность : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. 15 дек. 2022 г. — Уфа : Аэтерна, 2022. — С. 33—36.

3. Ивлиев Г. П., Шахназаров Б. А. Правовое регулирование отношений в сфере параллельного импорта. Опыт государств евразийского региона // Lex Russica (Русский закон). — 2023. — Т. 76, № 2 (195). — С. 56—67. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.195.2.056-067.

4. Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Правовые аспекты введения параллельного импорта // Юридический мир. — 2025. — № 09. — С. 31—36. — DOI:10.18572/1811-1475-2025-9-31-36.

5. Канатов Т. К. Проблемные аспекты исчерпания прав на товарные знаки и параллельный импорт в странах ЕАЭС // Юридическая наука. — 2023. — № 11. — С. 129—135.

6. Мацкевич П. Параллельный импорт: как он работает в России // Orchards Law. — 2022. — URL: https://orchardslaw.com/параллельный-импорт-как-он-работает-в/.

7. Отарбаева А. Б., Айдарбаев С. Ж., Бегжан А. М. Исчерпание прав на товарные знаки в ЕАЭС: необходимость перехода к международному принципу // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. — 2025. — Т. 80, № 2. — С. 201—214. — DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_2_201.

8. Радецкая М. В., Туркина А. Е. Правоприменительная практика по вопросам защиты географического указания и наименования места происхождения товара: анализ проблем и возможные пути их решения (ч. 2) // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2025. — № 2(48). — С. 88—96. — DOI: 10.58741/23134852_2025_2_8.

9. Роголева А. С. Актуальные вопросы правовой охраны НМПТ и ГУ // Трансформация сферы интеллектуальной собственности в современных условиях : тезисы докл. участников XXIV Междунар. конф. Роспатента (Москва, 20—21 окт. 2020 г.). — Москва : ФГБУ «Федеральный институт промышленной собственности», 2020. — С. 34—37.

10. Сергеева Д. В. Доктрина исчерпания права на товарные знаки и регулирование параллельного импорта в Российской Федерации // Аллея науки. — 2020. — Т. 1, № 10 (49). — С. 312—316.

11. Шадурский А. В., Павликова А. В. Таможенная защита интеллектуальной собственности: принципы, механизмы и направления деятельности ФТС России // Вопросы идентификации и классификации товаров в таможенных целях: теория и практика : материалы 9-ой Всерос. науч.-практ. конф. (Орел, 28 мая 2025 г.). — Орёл : Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева : Картуш, 2025. — С. 253—255.

12. Шахназаров Б. А. Параллельный импорт и исчерпание исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности. Сотрудничество в сфере развития национальной промышленности и импортозамещение : монография. — Москва : Проспект, 2023. — 168 с.

13. Юлбердин А. А. Географические указания и его отличия от наименования места происхождения товара // Право и государство: теория и практика. — 2021. — № 8. — С. 107—109. — DOI: 10.47643/1815-1337_2021_8_107.

14. Curzi D., Huysmans M. The Impact of Protecting EU Geographical Indications in Trade Agreements // American Journal of Agricultural Economics, 2022. — № 104. — P. 364—384. — DOI.org/10.1111/ajae.12226.

15. Dobrin S., Chochia A. The Concepts of Trademark Exhaustion and Parallel Imports: A Comparative Analysis between the EU and the USA // Baltic Journal of European Studies. — 2016. — Vol. 6 (2). — P. 28—57. — DOI:10.1515/bjes-2016-0011.

16. Hyder Nayem Alimul. Geographical Indications Protection in Bangladesh: An Overview // Journal of Intellectual Property Law. — 2016. — Vol. 4, iss. 2. — P. 95—102.

17. Tual D., Lossy F. Q&A Manual European Legislation on Geographical Indications. February 2011. — URL: https://ipkey.eu/sites/default/files/legacy-ipkey-docs/qa-manual-european-legislation-on-gis-en.pdf?utm_source=chatgpt.com.

REFERENCES

1. Varaksin M. *Counterfeit, parallel imports and parasites: intellectual property issues*. URL: https://pravo.ru/story/206261/ (In Russian).

2. Zhoglina E. V., Kulenchenko A. A. Problems and Prospects of Parallel Imports under Sanctions Restrictions. *Novyi put rossiiskoi ehkonomiki: importozameshchenie, innovatsionnost, ehkonomicheskaya bezopasnost. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 15 dekabrya 2022 g.* [The New Path of the Russian Economy: Import Substitution, Innovation, Economic Security. Materials of International Research Conference, 2022, Dec. 15]. Ufa, Aehterna Publ., 2022, pp. 33—36. (In Russian).

3. Ivliev G. P., Shakhnazarov B. A. Legal Regulation of Relations in Parallel Imports. The Experience of Eurasian Region States. *Lex Russica*. 2023, vol. 76, no. 2 (195), pp. 56—67. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.195.2.056-067.

4. Ivliev G. P., Egorova M. A. Legal Aspects of Introducing Parallel Imports. *Yuridicheskii mir = Juridical World*, 2025, no. 09, pp. 31—36. (In Russian). DOI:10.18572/1811-1475-2025-9-31-36.

5. Kanatov T. K. Trademark Exhaustion Issues and Parallel Imports in the EEU Countries. *Yuridicheskaya nauka = LegaL Science*, 2023, no. 11, pp. 129—135. (In Russian).

6. Matskevich P. Parallel Imports: How It Works in Russia. *Orchards Law*. URL: https://orchardslaw.com/параллельный-импорт-как-он-работает-в/ (In Russian).

7. Otarbaeva A. B., Aidarbayev S. Zh., Begzhan A. M. Exhaustion of Trademark Rights in the Eaeu: The Need to Transition to An International Principle. *Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan = Bulletin of Institute of Legislation and Legal Information of the RK*, 2025, vol. 80, no. 2, pp. 201—214. (In Russian). DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_2_201.

8. Radetskay M. V., Turkina A. E. Law enforcement practice on the protection of geographical indications and appellations of origin: analysis of problems and possible solutions (part 2). *Zhurnal Suda po intellektualnym pravam = Journal of the Intellectual Property Rights Court*, 2025, no. 2 (48), pp. 88—96. (In Russian). DOI: 10.58741/23134852_2025_2_8.

9. Rogoleva A. S. Current Issues of Legal Protection of Appellations of Origin and Geographical Indications. *Transformatsiya sfery intellektualnoi sobstvennosti v sovremennykh usloviyakh. Materialy 24-i Mezhdunarodnoi konferentsii Rospatenta, Moscow, 20—21 oktyabrya 2020 g.* [Transformation of the Intellectual Property Sphere in Modern Conditions. Materials of the 24th International Research Conference, Moscow, 2020, Oct. 20—21]. Moscow, Federal Institute of Industrial Property (FIPS) Publ., 2020, pp. 34—37. (In Russian).

10. Sergeeva D. V. The Doctrine of Exhaustion of Trademark Rights and Regulation of Parallel Imports in the Russian Federation. *Alleya nauki = Alley-Science*, 2020, vol. 1, no. 10 (49), pp. 312—316. (In Russian).

11. Shadurskii A. V., Pavlikova A. V. Customs Protection of Intellectual Property: Principles, Mechanisms and Activities of the Federal Customs Service of Russia. *Voprosy identifikatsii i klassifikatsii tovarov v tamozhennykh tselyakh: teoriya i praktika. Materialy 9-oi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Orel, 28 maya 2025 g.* [Issues of Identification and Classification of Goods for Customs Purposes: Theory and Practice. Materials of the 9th All-Russian Research Conference, Orel, 2025, May 28]. Orel State University named after I. S. Turgenev Publ., Kartush Publ., 2025, pp. 253—255. (In Russian).

12. Shakhnazarov B. A. *Parallelnyi import i ischerpanie isklyuchitelnykh prav na ob"ekty intellektualnoi sobstvennosti. Sotrudnichestvo v sfere razvitiya natsionalnoi promyshlennosti i importozameshchenie* [Parallel Import and Exhaustion of Exclusive Rights to Intellectual Property Objects. Cooperation in the Development of National Industry and Import Substitution]. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 168 p.

13. Yulberdin A. A. Geographical indications and its differences from appellations of origin. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, 2021, no. 8, pp. 107—109. (In Russian). DOI: 10.47643/1815-1337_2021_8_107.

14. Curzi D., Huysmans M. The Impact of Protecting EU Geographical Indications in Trade Agreements. *American Journal of Agricultural Economics*, 2022, no. 104, pp. 364—384. DOI.org/10.1111/ajae.12226.

15. Dobrin S., Chochia A. The Concepts of Trademark Exhaustion and Parallel Imports: A Comparative Analysis between the EU and the USA. *Baltic Journal of European Studies*, 2016, vol. 6 (2), pp. 28—57. DOI:10.1515/bjes-2016-0011.

16. Hyder Nayem Alimul. Geographical Indications Protection in Bangladesh: An Overview. *Journal of Intellectual Property Law*, 2016, vol. 4, iss. 2, pp. 95—102.

17. Tual D., Lossy F. *Q&A Manual European Legislation on Geographical Indications*. February 2011. URL: https://ipkey.eu/sites/default/files/legacy-ipkey-docs/qa-manual-european-legislation-on-gis-en.pdf?utm_source=chatgpt.com.

СВЕДЕНИИЯ ОБ АВТОРЕ

Выщепан Дмитрий Алексеевич (Оренбург) – аспирант Оренбургского государственного университета, адвокат Адвокатской палаты Оренбургской области (460018, Россия, Оренбург, Проспект Победы д. 13, корпус 20, ауд. 20812; e-mail: orenburgsu@gmail.com).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyshchepan, Dmitry A. (Orenburg) – Postgraduate Student, Orenburg State University; Attorney, Chamber of Advocates of the Orenburg Region (of. 20812, build. 20, 13 Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russia; e-mail: orenburgsu@gmail.com).

УДК 343.3/.7

И. Р. Бегишев
Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирясова,
г. Казань, Российская Федерация
ORCID 0000-0001-5619-4025
ResearcherID: T-2409-2019

А. А. Шутова
Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирясова,
г. Казань, Россия
ORCID: 0000-0003-3015-3684
ResearcherID: GOG-9089-2022

ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ КРИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ: ОТ ОЦЕНОЧНОГО ВРЕДА К ФОРМАЛИЗОВАННЫМ ПОСЛЕДСТВИЯМ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 2. — С. 114—121.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.10.114-121
Дата поступления 04.05.2026, дата принятия к печати 01.06.2026, дата онлайн-размещения 05.06.2026.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию и оценке законодательных изменений, внесенных в статью 274[1] Уголовного кодекса Российской Федерации Федеральным законом от 9 апреля 2026 г. № 76-ФЗ «О внесении изменений в статью 274[1] Уголовного кодекса Российской Федерации». Рассматриваются ключевые новеллы, среди которых изменение конструкции объективной стороны составов преступлений, предусмотренных частями второй и третьей указанной статьи, а также введение специального основания освобождения от уголовной ответственности для лиц, нарушивших правила эксплуатации средств обработки охраняемой компьютерной информации. Авторы исследуют правовую природу внесенных изменений с позиций доктрины уголовного права, оценивают их соотношение с принципами законности, справедливости и дифференциации уголовной ответственности, а также определяют возможные правоприменительные последствия указанных изменений. Делается вывод о том, что конкретизация признаков объективной стороны в части изменения общественно опасных последствий устраняет неопределенность оценочного понятия «причинение вреда», позволяет проводить верное разграничение с общественно опасными последствиями, которые также обозначены в уголовно-правовой норме как «тяжкие последствия», а также обеспечивает системное единство норм главы 28 Уголовного кодекса Российской Федерации и создает более четкие ориентиры для правоприменителя при установлении момента окончания преступления. В свою очередь введение специального основания освобождения от уголовной ответственности формирует действенный поощрительный механизм, стимулирующий лиц, допустивших нарушение правил эксплуатации систем критической информационной

инфраструктуры, к активному содействию расследованию и обеспечению сохранности доказательственной базы. Ограничение сферы действия поощрительной нормы исключительно части 3 статьи 274[1] Уголовного кодекса Российской Федерации оставляет открытым вопрос о целесообразности распространения аналогичного механизма на иные составы данной статьи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Критическая информационная инфраструктура, неправомерное воздействие, последствия преступления, освобождение от уголовной ответственности, деятельное раскаяние, информационная безопасность, уголовно-правовая охрана, киберпреступность, причинение вреда.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бегишев И. Р., Шутова А. А. Эволюция уголовно-правовой охраны критической информационной инфраструктуры: от оценочного вреда к формализованным последствиям // Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 2. — С. 114—121. — DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.10.114-121.

UDC 343.3/.7

I. R. Begishev
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov,
Kazan, Russian Federation
ORCID 0000-0001-5619-4025
ResearcherID: T-2409-2019
A. A. Shutova
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov,
Kazan, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-3015-3684
ResearcherID: GOG-9089-2022

EVOLUTION OF CRIMINAL LAW PROTECTION CRITICAL INFORMATION INFRASTRUCTURE: FROM ESTIMATED HARM TO FORMALIZED CONSEQUENCES

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2026, no. 2, pp. 114—121.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.10.114-121
Received 04.05.2026, accepted 01.06.2026, available online 05.06.2026.

ABSTRACT

The article is devoted to the study and assessment of legislative amendments introduced into Article 274[1] of the Criminal Code of the Russian Federation by Federal Law No. 76-FZ of April 9, 2026 "On Amending Article 274[1] of the Criminal Code of the Russian Federation". The authors examine the key novelties, including changes to the structure of the objective side of the offenses provided for in parts two and three of the said article, as well as the introduction of a special ground for exemption from criminal liability for persons who have violated the operating rules for means of processing protected computer information. The authors explore the legal nature of the amendments from the standpoint of criminal law doctrine, assess their correlation with the principles of legality, justice, and differentiation of criminal liability, and also identify possible law enforcement consequences of the amendments. It is concluded that the concretization of the elements of the objective side with regard to the modification of socially dangerous consequences eliminates

the uncertainty of the evaluative concept "causing harm", makes it possible to correctly distinguish between socially dangerous consequences also described in the criminal law norm as "grave consequences", ensures the systemic unity of the norms of Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation, and creates clearer guidelines for law enforcement in determining the moment when the crime is completed. In turn, the introduction of a special ground for exemption from criminal liability creates an effective incentive mechanism that encourages persons who have violated the operating rules for critical information infrastructure systems to actively assist in the investigation and ensure the preservation of evidence. The limitation of the scope of this incentive norm exclusively to part 3 of Article 274[1] of the Criminal Code of the Russian Federation leaves open the question of the advisability of extending a similar mechanism to other offenses under this article.

KEYWORDS

Critical information infrastructure, unlawful interference, consequences of a crime, release from criminal liability, active repentance, information security, criminal legal protection, cybercrime, causing harm.

FOR CITATION

Begishev I. R., Shutova A. A. The Evolution of Criminal Law Protection of Critical Information Infrastructure: from Estimated Harm to Formalized Consequences. *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 2, pp. 114—121. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.10.114-121.

1. Введение

Динамика угроз информационной безопасности предопределяет необходимость постоянного совершенствования уголовно-правового инструментария, призванного обеспечивать надлежащую охрану критически значимых объектов цифровой инфраструктуры государства. Статья 274[1] Уголовного кодекса Российской Федерации[1] (далее — УК РФ), введенная Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 194-ФЗ[2] и вступившая в силу 1 января 2018 г., стала специальной нормой, консолидировавшей уголовно-правовую охрану критической информационной инфраструктуры Российской Федерации (далее — КИИ). За период своего существования данная норма неоднократно привлекала внимание исследователей, указывавших на ряд концептуальных и технико-юридических недостатков ее конструкции — в частности, на понятие «причинение вреда» как обязательного последствия применительно к частям второй и третьей.

Федеральный закон от 9 апреля 2026 г. № 76-ФЗ «О внесении изменений в статью 274[1] Уголовного кодекса Российской Федерации»[3] (далее — Закон № 76-ФЗ) вносит в данную статью три принципиально значимых изменения: меняет диспозиции уголовно-правовых запретов, установленных ч. 2 и 3 в части описания общественно опасных последствий, а также дополняет статью примечанием, закрепляющим специальное основание освобождения от уголовной ответственности. Совокупность этих новелл требует системного осмысления, поскольку затрагивает как вопросы квалификации, так и проблематику уголовно-правового поощрения постпреступного поведения.

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» : Федер. закон от 26 июля 2017 г. № 194-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31, ч. I. Ст. 4743.

[3] О внесении изменений в статью 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 9 апреля 2026 г. № 76-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2026. № 15. Ст. 1843.

2. Переориентация последствий в составах частей второй и третьей: от оценочного к конкретному

Центральным содержательным изменением, вносимым Законом № 76-ФЗ, является замена в ч. 2 и 3 ст. 274[1] УК РФ обобщенной формулировки последствий — «причинение вреда критической информационной инфраструктуре Российской Федерации» — на конкретный перечень: «уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации».

С точки зрения уголовно-правовой доктрины замена оценочного понятия перечневой конструкцией представляет собой движение в сторону большей определенности уголовного закона. Принцип законности, закрепленный в ст. 3 УК РФ, предполагает не только формальное закрепление деяния в законе, но и его достаточно четкое описание, позволяющее правоприменителю однозначно устанавливать наличие или отсутствие состава преступления. Категория «причинение вреда» применительно к КИИ отличалась значительной неопределенностью: оставалось неясным, охватывает ли она лишь функциональные сбои объектов инфраструктуры, нарушение их работоспособности, либо также иные негативные изменения — например, утечку охраняемых данных. В доктрине было сформулировано различное толкование понятия вреда, причиненного КИИ [1, с. 30; 2, с. 72—73; 3, с. 195—196; 4, с. 27; 5, с. 556; 6, с. 556; 7, с. 85—90]. Судебная практика демонстрировала неоднородность подходов к толкованию данного признака, что, в свою очередь, порождало проблемы при разграничении оконченного преступления и покушения на него[4].

Перечень последствий, обозначенных в новой редакции, воспроизводит формулу, апробированную в ст. 272 УК РФ, предусматривающей ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации. Подобное конструирование в ст. 274[1] обнаруживает очевидную системообразующую логику: законодатель стремится унифицировать описание последствий в преступлениях против информационной безопасности, формируя единую понятийную платформу. Вместе с тем нельзя не заметить, что указанный перечень в контексте КИИ не является исчерпывающим с точки зрения реального ущерба, причиняемого инфраструктурным объектам: физическое разрушение программно-аппаратных комплексов, нейтрализация средств защиты без непосредственного воздействия на информацию, разрушение функциональных характеристик систем управления — все это может оказаться за рамками нового описания последствий. Отмеченное обстоятельство актуализирует вопрос о том, не создает ли произведенная конкретизация нежелательных пробелов в уголовно-правовой охране.

Совершение неправомерного воздействия на КИИ, в результате которого произошло физическое разрушение серверного оборудования без наступления общественно опасных последствий в виде уничтожения, блокирования, модификации или копирования компьютерной информации, содержащейся в КИИ, по не зависящим от этого лица обстоятельствам, следует квалифицировать исходя из умысла лица. Если умыслом лица охватывалось, к примеру, совершение неправомерного доступа к охраняемой компьютерной информации, содержащейся в КИИ, и наступление общественно опасных последствий в виде уничтожения, блокирования, модификации либо копирования компьютерной информации, содержащейся в КИИ (если цель была уничтожить информацию, но фактически уничтожен только носитель), то такие действия следует квалифицировать как покушение на преступление, предусмотренное ст. 274[1] УК РФ. Квалификация изменится, если умыслом лица не охватывалось наступление общественно опасных последствий относительно цифровой информации и лицо лишь хотело, к примеру, уничтожить то или иное оборудование серверной или другое имущество, являющееся объектом КИИ.

Следует полагать, что данная проблема в значительной мере компенсируется системным действием ч. 4 и 5 ст. 274[1] УК РФ, которые остаются без изменений: квалифицирующий признак «тяжкие последствия» по-прежнему позволяет учитывать масштабные разрушительные воздействия на инфраструктуру, вы-

[4] Приговор Псковского городского суда Псковской области от 21 апреля 2025 г. (дело № 1-275/2025) УИД № 60RS0001-01-2025-001971-52 // Псковский городской суд Псковской области : офиц. сайт. URL: https://pskovskygor--psk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=89243608&case_uid=94caa3ec-c156-4420-ab89-d184207aae17&delo_id=1540006&new= ; Дело № 1-370/2023 Псковского городского суда Псковской области от 18 июля 2023 года. URL: https://pskovskygor-psk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=60359192&case_uid=bc0b1b0e-837a-44f8-832c-94d5a088d0b2&delo_id=1540006&new= (дата обращения: 02.05.2026).

ходящие за пределы перечня, закрепленного в основных составах. Тем не менее дискуссия о целесообразности дальнейшего уточнения понятийного аппарата применительно к специфике объектов КИИ остается открытой.

3. Значение описания объективной стороны при квалификации преступлений

Переход от оценочного к конкретному описанию последствий влечет ряд существенных последствий для квалификации. Прежде всего, конкретизация признаков объективной стороны уточняет момент окончания преступлений, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 274[1] УК РФ. Если в прежней редакции уголовно-правового запрета установление факта «причинения вреда» требовало содержательной оценки наступивших изменений в состоянии объекта охраны, то в новой редакции достаточно зафиксировать сам факт уничтожения, блокирования, модификации или копирования информации вне зависимости от оценки наступивших последствий как «вредоносных» в более широком смысле. Это означает, что состав преступления может быть признан оконченным в момент, когда указанные изменения с информацией объективно произошли, а не в момент, когда причиненный ущерб получил соответствующую правовую оценку.

Существенное значение приобретает и вопрос о разграничении состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 274[1] УК РФ, с составом преступления, предусмотренным ст. 272 УК РФ. В прежней редакции разграничение строилось главным образом на специфике объекта посягательства — охраняемой информации в составе КИИ — и на особенностях предмета. В новой редакции, когда перечень последствий в обеих нормах совпадает, специфика объекта посягательства приобретает еще большее значение. Практически это означает, что правоприменитель обязан с особой тщательностью устанавливать принадлежность информационной системы, в отношении которой совершены противоправные действия, к объектам КИИ, поскольку именно этот признак предмета преступления обусловливает применение специальной нормы.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о соотношении новой редакции ч. 2 с диспозицией ч. 1 ст. 274[1] УК РФ. Часть 1 предусматривает ответственность за создание, распространение и использование вредоносных программ, предназначенных для воздействия на КИИ, в том числе для «уничтожения, блокирования, модификации, копирования информации». Следовательно, использование таких программ, повлекшее перечисленные последствия, формально охватывается как частью 1, так и частью 2 в ее новой редакции. Разграничение в данном случае должно проводиться по признакам субъективной стороны и функциональному назначению деяния: часть 1 криминализирует деятельность в сфере оборота инструментария неправомерного воздействия как таковую; часть 2 — неправомерный доступ с применением подобного инструментария, повлекший конкретные изменения в информации.

4. Специальное основание освобождения от уголовной ответственности: природа и условия применения

Наиболее концептуально значимой новеллой Закона № 76-ФЗ является дополнение ст. 274[1] УК РФ примечанием, закрепляющим специальное основание освобождения от уголовной ответственности для лиц, совершивших преступление, предусмотренное частью третьей. Данное основание обнаруживает черты деятельного раскаяния, однако обладает собственной спецификой, обусловленной природой охраняемого объекта.

По своей правовой природе рассматриваемое примечание относится к числу специальных норм об освобождении от уголовной ответственности, закрепленных непосредственно в Особенной части УК РФ. Подобные нормы давно и прочно вошли в отечественную уголовно-правовую систему и применяются в отношении целого ряда составов — от террористических до коррупционных. Их общая логика состоит в том, что государство признает целесообразным поощрить постпреступное поведение виновного, направленное на устранение вредных последствий или содействие правоохранительным органам, посредством отказа от реализации уголовного преследования.

Условия применения специального основания, закрепленного в примечании, могут быть сведены к трем необходимым элементам.

Во-первых, лицо должно активно способствовать раскрытию и (или) расследованию преступления. Активность в данном контексте означает инициативную, а не формальную помощь следствию: передачу сведений о механизме совершенного нарушения, указание на имеющиеся уязвимости, сотрудничество с органами, осуществляющими расследование.

Во-вторых, лицо должно принять необходимые меры по сохранению следов неправомерного воздействия на КИИ. Данное условие отличает рассматриваемое основание от общей нормы деятельного раскаяния, предусмотренной ст. 75 УК РФ: законодатель делает акцент на специфической обязанности виновного, имеющей процессуально-крими-

налистическое содержание — обеспечить доказательственную базу для дальнейшего расследования.

В-третьих, в действиях лица не должно содержаться иного состава преступления. Последнее условие носит ограничительный характер и исключает возможность освобождения лиц, чьи действия образуют совокупность преступлений.

Принципиально важно, что сфера действия примечания ограничена исключительно ч. 3 ст. 274[1] УК РФ. Данное ограничение представляется концептуально обоснованным: субъектом преступления, предусмотренного частью 3, как правило, является лицо, имеющее правомерный доступ к системам КИИ в силу своего служебного или профессионального положения.

К таким лицам могут относиться:

— сотрудники субъектов КИИ (операторы, технические специалисты, системные администраторы и др.);

— работники подрядных организаций, обслуживающих КИИ;

— представители регуляторов и уполномоченных органов (ФСБ России, ФСТЭК России), имеющие право доступа в силу закона.

Нарушение правил эксплуатации таким лицом нередко носит неосторожный либо ситуативный характер. Виновный, осознав последствия своих действий, объективно располагает наилучшими возможностями для содействия расследованию и сохранения следовой картины инцидента. Стимулирование такого поведения посредством перспективы освобождения от уголовной ответственности представляет собой рациональную уголовно-правовую политику, направленную как на укрепление законопослушного поведения, так и на повышение эффективности расследования преступлений против КИИ.

Вместе с тем распространение данного основания лишь на часть 3, но не на части 1 и 2, порождает закономерный вопрос о последовательности законодательного подхода. Лицо, осуществившее неправомерный доступ к информации КИИ, в равной мере способно содействовать расследованию и сохранению следов. Отказ от предоставления ему аналогичного поощрительного механизма объясним различной степенью общественной опасности деяний — умышленный неправомерный доступ, как правило, предполагает более высокую степень антисоциальности, — однако данный аргумент не является безупречным в свете того, что степень и форма вины при нарушении правил эксплуатации также могут быть умышленными.

5. Системное соотношение новелл со смежными нормами

Анализируемые изменения затрагивают не только внутреннюю структуру уголовно-правового запрета, закрепленного ст. 274[1] УК РФ, но и ее соотношение со смежными нормами уголовного законодательства. В части описания последствий, как уже отмечалось, новая редакция сближает ст. 274[1] со ст. 272 УК РФ, создавая единое понятийное пространство для преступлений против компьютерной информации. Это сближение носит доктринальный характер и свидетельствует о том, что законодатель воспринимает составы преступлений, расположенные в главе 28 УК РФ, как единую систему, в рамках которой специальные нормы должны гармонично соотноситься с общими.

В части специального основания освобождения от уголовной ответственности примечание к ст. 274[1] УК РФ вписывается в более широкий контекст уголовно-правовых поощрительных норм. Его ближайшим аналогом по структуре является примечание к ст. 291[1] УК РФ о посредничестве во взяточничестве, также предусматривающее освобождение при активном содействии раскрытию и расследованию преступления. Вместе с тем специфическое условие о сохранении следов неправомерного воздействия не имеет прямых аналогов в действующем уголовном законодательстве и представляет собой оригинальную законодательную конструкцию, ориентированную на особенности доказывания по делам о компьютерных преступлениях. Цифровые следы, в отличие от материальных, отличаются высокой волатильностью и могут быть безвозвратно утрачены в результате перезагрузки системы, затирания данных или иных технических процессов; поведение виновного по их сохранению, таким образом, приобретает самостоятельную криминалистическую ценность, которую законодатель закономерно учитывает в качестве основания для поощрения.

6. Заключение

Таким образом, Федеральный закон от 9 апреля 2026 г. № 76-ФЗ «О внесении изменений в статью 274[1] Уголовного кодекса Российской Федерации» представляет собой взвешенный шаг в совершенствовании уголовно-правовой охраны критической информационной инфраструктуры Российской Федерации. Конкретизация признаков объективной стороны в ч. 2 и 3 ст. 274[1] УК РФ устраняет давно критикуемую доктриной неопределенность оценочного понятия «причинение вреда», обеспечивает системное единство

норм главы 28 УК РФ и создает более четкие ориентиры для правоприменителя при установлении момента окончания преступления. Введение специального основания освобождения от уголовной ответственности формирует действенный поощрительный механизм, стимулирующий лиц, допустивших нарушение правил эксплуатации систем КИИ, к активному содействию расследованию и обеспечению сохранности доказательственной базы.

Вместе с тем ряд вопросов требует дальнейшего осмысления. В частности, перечневое описание последствий в основных составах не охватывает всего многообразия возможных форм деструктивного воздействия на объекты КИИ, что может порождать квалификационные затруднения при правоприменении. Ограничение сферы действия поощрительной нормы исключительно ч. 3 ст. 274[1] УК РФ, при всей ее обоснованности, оставляет открытым вопрос о целесообразности распространения аналогичного механизма на иные составы данной статьи. Обозначенные проблемы закономерно образуют повестку для дальнейших научных дискуссий и, возможно, последующей законодательной корректировки рассматриваемой нормы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бегишев И. Р. Безопасность критической информационной инфраструктуры Российской Федерации // Безопасность бизнеса. — 2019. — № 1. — С. 27—32.

2. Ермолаев Н. В. К вопросу о содержании признака «вред критической информационной инфраструктуре Российской Федерации» для целей частей 2 и 3 статьи 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2024. — № 1. — С. 68—75. — DOI: 10.37973/KUI.2024.37.40.008.

3. Мирный Д. С. О соотношении объекта преступлений, предусмотренных ст. 274.1 УК РФ, и объекта охраны законодательства в сфере безопасности критической информационной инфраструктуры // Государственная служба и кадры. — 2024. — № 3. — С. 193—197. — DOI: 10.24412/2312-0444-2024-3-193-197.

4. Мосечкин И. Н. Проблемы уголовно-правовой охраны критической информационной инфраструктуры российской федерации // Всероссийский криминологический журнал. — 2023. — Т. 17, № 1. — С. 22—34. — DOI: 10.17150/2500-1442.2023.17(1).22-34.

5. Русскевич Е. А. Нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам информационной безопасности // Journal of Digital Technologies and Law. — 2023. — Т. 1, № 3. — С. 650—672. — DOI: 10.21202/jdtl.2023.28.

6. Соловьева Е. А. Вред как криминообразующий признак в составах преступлений, предусмотренных частями 2 и 3 статьи 2741 УК РФ // Пермский юридический альманах. — 2023. — № 6. — С. 553—569.

7. Шутова А. А. Уголовно-правовое обеспечение безопасности критической цифровой инфраструктуры Российской Федерации (на примере учреждений здравоохранения) // Lex Russica (Русский закон). — 2025. — Т. 78, № 9 (226). — С. 81—94. — DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.081-094.

REFERENCES

1. Begishev I. R. Security of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation. *Bezopasnost biznesa = Busines security*, 2019, no. 1, pp. 27—32. (In Russian).

2. Ermolaev N. V. The Content of the Sign "Harm to the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" for the Purposes of Article 2741 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 68—75. (In Russian). DOI: 10.37973/ KUI.2024.37.40.008.

3. Mirny D. S. On the Ownership of the Prestige Object Provided for in Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, and Objects of Protection of Legislation in the Field of Security of Critical Information Infrastructure. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = State Service and Personnel*, 2024, no. 3, pp. 193—197. (In Russian). DOI: 10.24412/2312-0444-2024-3-193-197.

4. Mosechkin I. N. Problems of the Criminal Law Protection of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2023, vol. 17, no. 1, pp. 22—34. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-1442.2023.17(1).22-34.

5. Russkevich E. A. Violating the Rules of Centralized Management of Technical Means of Counteracting the Threats to Information Security. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2023, vol. 1, no. 3, pp. 650—672. (In Russian). DOI: 10.21202/jdtl.2023.28.

6. Solovyeva E. A. Harm as a criminogenic factor in the corpus delicti under Part 2 and 3 of Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as CC of the RF). *Permskii yuridicheskii almanakh = Perm Legal Almanac*, 2023, no. 6, pp. 560—561. (In Russian).

7. Shutova A. A. Criminal Law Measures to Ensure the Security of the Russian Federation's Critical Digital Infrastructure (the Case Study of Healthcare Institutions). *Lex Russica*, 2025, vol. 78, no. 9, pp. 81—94. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.081-094.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бегишев Ильдар Рустамович (Казань) – доктор юридических наук, доцент, член-корреспондент Академии военных наук Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Татарстан, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирясова (420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, 42; e-mail: begishev@mail.ru).

Шутова Альбина Александровна (Казань) – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, доцент кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирясова (420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, 42; e-mail: shutova1993@inbox.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Begishev, Ildar R. (Kazan) – Doc. Sci. (Law), Docent, Corresponding Member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Chief Researcher at the Scientific Research Institute of Digital Technologies and Law, Professor at the Criminal Law and Procedure Department, the Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (42 Moskovskaya St., Kazan, 420111, Russia; e-mail: begishev@mail.ru).

Shutova, Albina A. (Kazan) – Cand. Sci (Law), Senior Researcher at the Scientific Research Institute of Digital Technologies and Law, Associate Professor of the Criminal Law and Procedure Department, the Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (42 Moskovskaya St., Kazan, 420111, Russia; e-mail: shutova1993@inbox.ru).

УДК 343.3/.7

А. Д. Цыплакова
Московский государственный институт (университет) международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8233-9520
ResearcherID: AAO-7496-2020

Е. А. Жук
Московский государственный институт (университет) международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
ORCID: 0009-0007-6170-3358
ResearcherID: QBK-2731-2026

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОРУЖИЯ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 2. — С. 122—131.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.11.122-131
Дата поступления 04.02.2026, дата принятия к печати 01.06.2026, дата онлайн-размещения 05.06.2026.

АННОТАЦИЯ

В настоящей работе представлена характеристика незаконного рынка оружия в Социалистической Республике Вьетнам с раскрытием детерминации преступности (причин и условий), криминогенных факторов (и мест), механизмов преступного поведения, портретов преступников на основании официальных статистических данных и судебной практики, что в совокупности представляет собой криминологический профиль страны по конкретному виду преступлений. Особенность заключается в двух противоположных составляющих: изготовление самодельного оружия для целей собственной безопасности (при нормализации феномена и незнании о противозаконности действий), охоты и сбыта (на любительском и профессиональном уровнях), а также активное перемещение военного оружия (вьетнам. «vũ khí quân dụng») и оружия со сходными свойствами (вьетнам. «vũ khí có tính năng, tác dụng tương tự») из приграничных территорий в более дальние пункты назначения (например, Китай). Выявлена взаимосвязь незаконного приобретения и хранения оружия с экологическими и насильственными преступлениями во Вьетнаме. Несмотря на недавние поправки в законодательстве о контроле оборота оружия и развитую нормативно-правовую базу, сохраняются проблемы в квалификации и выявлении деяний, а также фрагментарность участия Республики в международных договорах и дополнительных протоколах. Методологически исследование построено на контент-анализе, формально-юридическом методе, методах юрислингвистики и моделирования самых различных систем (англ. «most different systems design») и носит сравнительный характер. При выявлении противоречий, недостатков и пробелов использован критико-правовой метод.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Незаконный оборот оружия, Вьетнам, детерминация преступности, механизм преступного поведения, экологические преступления, незаконная охота, трансграничная организованная преступность, криминологический профиль.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Цыплакова А. Д., Жук Е. А. Криминологический профиль незаконного оборота оружия в Социалистической Республике Вьетнам // Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 2. — С. 122—131. — DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.11.122-131.

UDC 343.3/.7

A. D. Tsyplakova
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-8233-9520
ResearcherID: AAO-7496-2020

E. A. Zhuk
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
ORCID: 0009-0007-6170-3358
ResearcherID: QBK-2731-2026

CRIMINOLOGICAL PROFILE OF ILLEGAL ARMS TRAFFICKING IN THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2026, no. 2, pp. 122—131.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.11.122-131
Received 04.02.2026, accepted 01.06.2026, available online 05.06.2026.

ABSTRACT

This paper provides a characterization of the illegal arms market in the Socialist Republic of Vietnam, revealing the determinants of crime (causes and conditions), criminogenic factors (and locations), mechanisms of criminal behavior, and portraits of criminals based on official statistical data and judicial practice, which together constitute a criminological profile of the country for a specific type of crime. The distinctive feature lies in two opposing components: the manufacture of homemade weapons for personal security purposes (with normalization of the phenomenon and ignorance of the illegality of the actions), hunting and sale (at the amateur and professional levels), as well as the active movement of military weapons (in Vietnamese: vũ khí quân dụng) and weapons with similar properties (in Vietnamese: vũ khí có tính năng, tác dụng tương tự) from border areas to more distant destinations (e.g., China). The study identifies a link between the illegal acquisition and possession of weapons and environmental and violent crimes in Vietnam. Despite recent amendments to the legislation on arms control and a developed regulatory framework, problems remain in the classification and detection of offenses, as well as the fragmentary nature of Vietnam's participation in international treaties and additional protocols.

Methodologically, the research is based on content analysis, the formal legal method, the methods of legal linguistics, and the "most different systems design" (MDSD), and is comparative in nature. In identifying contradictions, shortcomings, and gaps, the critical legal method is employed.

KEYWORDS Illegal arms trafficking, Vietnam, crime determination, criminal behavior mechanism, environmental crimes, illegal hunting, transnational organized crime.

FOR CITATION Tsyplakova A. D., Zhuk E. A. Criminological Profile of Illegal Arms Trafficking in the Socialist Republic of Vietnam. *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 2, pp. 122—131. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.11.122-131.

Криминологическое страноведение, описанное С. М. Иншаковым [5], включает в себя самый широкий спектр социальных феноменов, имеющих отношение к преступности. В ряде государств прямое изучение статических данных для описания качественных и количественных показателей как основных метрик профиля страны затруднено. Задача зачастую состоит в оценке существующей системы мер борьбы с преступностью в целом и отдельными видами деяний в частности, тем не менее для подобного необходимо описание криминологического профиля государства. Под криминологическим профилем конкретного вида преступлений в исследуемой зарубежной стране предлагается понимать описание типологии, детерминации (причин и условий), криминогенных факторов, механизмов преступного поведения (среда, способы и средства совершения преступления), портрета преступников (характеристики и роли), в том числе на основании статистических данных, судебной практики, официальных отчётов государственных органов и источников внутригосударственного права, а также особенности и проблемы при квалификации и расследовании уголовно-наказуемых деяний и меры противодействия им.

Актуальность исследования незаконного оборота именно оружия предопределяется фрагментарностью освящения данной тематики в отечественной криминологии. В контексте Вьетнама зачастую предметом исследования вьетнамскими авторами (или в соавторстве с ними) в российских журналах становятся общие начала уголовной ответственности, криминалистическая тактика, наркотрафик, терроризм или организованная преступность в целом [1; 2; 6; 8—13], но не отдельные её элементы (в частности, незаконный оборот оружия). Подобные труды датируются серединой 2010-х годов (изредка — началом 2020-х гг.) и не учитывают новые тенденции и недавно принятое правовое регулирование. Вдобавок, незаконный оборот оружия чаще и больше изучен в иных странах Юго-Восточной Азии [7].

Незаконный оборот оружия как рынок довольно сложен, характеризуется высокой степенью трансграничности как элемент организованной преступности; виды спроса, равно как и источники множественны, а способы разнообразны. Одной из точек как сбыта (в особенности из соседствующих стран, в том числе Лаоса и Камбоджи), так и переделки оружия является Социалистическая Республика Вьетнам (далее — СРВ, Вьетнам, Республика). Именно историко-культурный и географический контексты играют ключевую роль.

Значительную часть её истории в XX веке (по самым скромным оценкам с 1940 по 1979 гг.) составляло участие в крупномасштабных вооруженных конфликтах. Лёгкое стрелковое и другие виды оружия, использованные в этих конфликтах, нередко попадали в соседние страны (как это было, например, с транзитом запасов стрелкового оружия в Таиланд в 1970-ых гг.) [14, p. 123—126]. Два крупнейших вооруженных конфликта в Юго-Восточной Азии (Вторую Индокитайскую войну 1957—1974 гг. и войну в Камбодже 1975—1979 гг.), удобное географическое расположение, развитую портовую инфраструктуру, протяженную государственную границу со слабым контролем можно рассматривать как одни из основополагающих условий, связанных с незаконным оборотом и изготовлением стрелкового оружия в регионе в целом и в Республике в частности[1].

[1] 100 битв, которые изменили мир. Дьенбьенфу — 1954 : еженедельное изд. Москва : Де Агостини, 2013. Вып. 122. 29 с.

С первой половины XX века представители крестьянских общин оказались массово вовлечены в череду вооружённых конфликтов на территории Вьетнама. Со времен Первой войны в Индокитае вооруженные силы Вьетминь (вьет. Việt Minh — Лига независимости Вьетнама), а впоследствии и Вьетнамской Народной Армии состояли преимущественно из крестьян-ополченцев [12], у которых прежде не было практики обращения с огнестрельным оружием [13]. Однако с формированием в условиях французского колониализма различных тайных политических обществ и партизанских движений во вьетнамской деревне по выражению американского исследователя Дугласа Пайка начинает складываться «традиция скрытности» (англ. «clandestinism») [4]; традиционный образ жизни смешивается с условиями и психологией партизанской войны, в него как никогда прежде вливается требование адаптивности к изменчивым политическим и социально-бытовым условиям. Крестьянские коммунистические ассоциации самостоятельно отвечали не только за производство риса, но и за его «защиту» в ходе доставки по каналам сопротивления [4], не говоря уже о жизни в боевых городках или в системах подземных тоннелей.

Всё это не могло не повлиять на изменение отношения вьетнамских крестьян к оружию, на формирование своеобразной культуры обращения с ним и применения его в повседневной жизни [3]. Особенно принимая во внимание, сколько на территории Вьетнама осталось ветеранов прошедшей войны и просто людей, так или иначе вовлечённых в события конфликта (около 670 тыс. только со стороны Северного Вьетнама) [18]. С учётом того, что значительная часть ветеранов войны во Вьетнаме, а равно Третьей Индокитайской войны всё ещё живы, возможно это могло бы объяснить сохраняющуюся практику производства самодельного оружия в Социалистической Республике Вьетнам в наши дни. Так, например, за первые три месяца 2009 года силы общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам арестовали 449 человек за незаконное ношение оружия, обнаружив большое количество самодельных пистолетов, самодельных взрывчатых веществ и мин [13]. В обороте остаётся довольно много неучтённого оружия [17].

Использование в ходе войны во Вьетнаме различных мин, ловушек, самодельных инженерных и пиротехнических средств не могло не сказаться на культуре и практиках охоты в стране [16]. Незаконное производство оружия во Вьетнаме также связано с экологическими преступлениями — незаконной охотой. Пользуясь протяженностью государственной границы на западе страны, вьетнамские охотники время от времени промышляют зверя и в сопредельных странах (например, в Камбодже)[2]. Спрос на такие товары, как кость носорога или мясо панголина, удовлетворяется огромным числом акторов в большой преступной сети для потоков контрабанды: мелкие торговцы и дилеры, переправляющие диких животных из деревни в город, коррумпированные таможенные агенты, подписывающие документы на поставку частей этих животных, и крупные зарубежные скупщики (например, поставщики деликатесов для ресторанов в Китае) [16]. Браконьеры образуют низшее звено этой цепи и являются исполнителями. Охотники на крупных млекопитающих преимущественно используют в своей деятельности огнестрельное оружие; в связи с этим даже существуют предложения вооружить огнестрельным оружием рейнджеров (сотрудников лесничих хозяйств)[3], поскольку время от времени они подвергаются нападениям со стороны браконьеров (в том числе с применением стрелкового оружия)[4].

О крупных масштабах самодельного охотничьего оружия в стране свидетельствует следующий факт: сотрудникам органов общественной безопасности время от времени приходится устраивать кампании по добровольному обмену хранящегося у крестьян оружия на различного рода «подарки»[5]. Основу для самодельных винтовок часто составляют грубо отёсанные деревянные каркасы, явно сделанные в сельской местности (в отсутствие токарного инструмента). Похоже, что такое оружие создаётся на базе армейских ружей и карабинов середины прошлого века — на-

[2] Four Vietnamese caught poaching in Cambodia // VnExpress. 2019. 02 May. URL: https://e.vnexpress.net/news/news/four-vietnamese-caught-poaching-in-cambodia-3917519.html.

[3] Wildlife and Forest Crime Analytic Toolkit : Report of UNODC mission to Viet Nam, 2015. URL: https://www.unodc.org/roseap/uploads/archive/documents/Publications/wildlife/Vietnam_Toolkit_Report_EN_-_final.pdf.

[4] Poachers who turned violent arrested in Cát Tiên National Park // Vietnam News. 2023. 3 March. URL: https://vietnamnews.vn/society/1492003/poachers-who-turned-violent-arrested-in-cat-tien-national-park.html.

[5] Poachers swap weapons for gifts in central Vietnam // VnExpress. 2022. 10 Nov. URL: https://e.vnexpress.net/news/news/poachers-swap-weapons-for-gifts-in-central-vietnam-4534418.html.

пример, самозарядного карабина Симонова. На некоторых фотографиях можно увидеть, что браконьеры снаряжают его старыми армейскими глушителями. Подобные действия криминализованы по национальному законодательству Вьетнама, однако позволяют браконьерам достигать максимальной прибыльности предприятия при минимальных вложениях в своё снаряжение [21].

При этом самодельное оружие используют в основном браконьеры не из числа организованных преступных группировок; более крупные игроки этого рынка для промышленного забоя дикого зверя предпочитают покупать охотничье оружие (в том числе за рубежом) [19]. В отдельных случаях охотники в Юго-Восточной Азии используют приобретают автоматическое оружие и боеприпасы к нему в большом количестве для охоты на носорогов[6].

Определённый всплеск спроса на оружие (в том числе иностранное) порождает и сафари-туризм, который не слишком сильно развит, но присутствует во Вьетнаме: в частности, иностранцы часто приезжают поохотиться в местной «Долине Слонов», привозя с собой различное охотничье снаряжение[7]. В этом случае механизм преступного поведения обоснован в большей степени не выгодой, а спортивным интересом — испытать в охоте на зверя самого себя или оружие. Ещё одним направлением является изготовление и использование незаконного оружия как средств реализации насилия ввиду безработицы на фоне COVID-19, миграционных процессов, пробелов в воспитательной среде, влиянии преступных организованных групп и теневых рынков (маскировка под ломбарды и иные легальные виды деятельности). Наблюдается слабая управляемость криминогенных территорией (вьетнам. «địa bàn phức tạp»), особенно в части учёта мест временного проживания и краткосрочной аренды (вьетнам. «nhà trọ», «nhà nghỉ», «khách sạn») [17].

Нередко местное население ввиду незнания уверено в правомерности владения оружием ввиду нормализации подобного явления в социальной среде[8].

Несмотря на то, что субъектом уголовной ответственности по экологическим преступлениям выступает и юридическое лицо, именно за незаконный оборот оружия или его изготовление оно не может быть привлечено ввиду закрытого перечня, предусмотренного уголовным законом[9].

При этом необходимо принимать во внимание изменения и уточнения в понятийном аппарате в специализированном законодательстве. Согласно Закону СРВ № 42/2024/QH15 «Об управлении и использовании оружия, взрывчатых веществ и вспомогательных средств»[10], вступившему в силу 1 января 2025 г., выделяется военное оружие (вьетнам. «vũ khí quân dụng»), холодное / примитивное оружие (вьетнам. «vũ khí thô sơ»), спортивное оружие (вьетнам. «vũ khí thể thao»), дробовики (вьетнам. «súng săn»), взрывчатые материалы и средства инициирования (вьетнам. «vật liệu nổ»), вспомогательные или спецсредства (вьетнам. «công cụ hỗ trợ») и технические средства (вьетнам. «phương tiện kỹ thuật»). Их разграничение опирается не только на технические характеристики (поражающие свойства и конструкцию), но и умысел лица на причинение вреда здоровью и жизни или протеста, а также цели использования — наглядным примером являются сильно повреждённые ножи или ножи высокой поражающей способности (вьетнам. «dao có tính sát thương cao»)[11].

Более подробные критерии и детали по разграничению описываются в уголовном законе, подзаконных актах по типу Циркуляра

[6] Poachers use AK-47s to kill rhinos in India // The national news. 2013. 07 Feb. URL: https://www.thenationalnews.com/world/asia/poachers-use-ak-47s-to-kill-rhinos-in-india-1.480700.

[7] The Pleasure of Night Hunting in Vietnam: Howar Cronin and I Explored Exotic Culture with Wildguarder Infrared Binoculars. Wildguarder, 2023. URL: https://www.wildguarder.com/the-pleasure-of-night-hunting-in-vietnam-howar-cronin-and-i-explored-exotic-culture-with-wildguarder-infrared-binoculars/.

[8] Bản án về tội tàng trữ trái phép vũ khí quân dụng số 45/2023/HS-ST [Приговор по делу о незаконном хранении военного оружия № 45/2023/HS-ST] // Thư viện bản án [Юридическая библиотека]. URL: https://thuvienphapluat.vn/banan/ban-an/ban-an-ve-toi-tang-tru-trai-phep-vu-khi-quan-dung-so-452023hsst-318945.

[9] Bộ luật hình sự [Уголовный кодекс]. URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-hinh-su-2015-296661.aspx

[10] Luật quản lý, sử dụng vũ khí, vật liệu nổ và công cụ hỗ trợ. URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Luat-Quan-ly-su-dung-vu-khi-vat-lieu-no-cong-cu-ho-tro-2024-603979.aspx.

[11] Một số vướng mắc trong áp dụng pháp luật hình sự liên quan đến hành vi sử dụng vũ khí quân dụng và kiến nghị [Некоторые трудности в применении уголовного права в отношении использования военного оружия и рекомендации] // Cơ quan của tòa án nhân dân tối cao [Агентство Верховного народного суда]. 2025. 5 Aug. URL: https://tapchitoaan.vn/mot-so-vuong-mac-trong-ap-dung-phap-luat-hinh-su-lien-quan-den-hanh-vi-su-dung-vu-khi-quan-dung-va-kien-nghi13861.html.

Министерства общественной безопасности СРВ № 75/2024/TT-BCA от 15 ноября 2024 г. «Подробные положения некоторых статей Закона об управлении, использовании оружия, взрывчатых веществ и вспомогательных инструментов» (списочный режим)[12], Постановления Правительства СРВ № 282/2025/ND-CP от 30 октября 2025 г. «Положения о санкциях за административные правонарушения в сфере безопасности, порядка и социальной защиты; предотвращения и борьбы с социальным порокам и; предотвращения и борьбы с домашним насилием»[13], а также разъяснениях Совета судей Верховного народного суда (ССВНС) по типу Постановления[14] ССВНС СРВ № 03/2022/NQ-HDTP от 9 сентября 2022 г. «Руководящие принципы применения некоторых положений статьи 304, статьи 305, статьи 306, статьи 307 и статьи 308 Уголовного кодекса»[15]. Отмечается, что с внесением изменений военное оружие как предмет преступлений сужается, поскольку не во всех составах учитываются аналоги — оружие со сходными свойствами (вьетнам. «vũ khí có tính năng, tác dụng tương tự»), которое раньше фактически приравнивалось непосредственно к военному[16].

В теории для разграничения видов также предлагается количественно учитывать ущерб (вьетнам. «định lượng thiệt hại»), однако пороги и критерии могут быть довольны размытыми и неустойчивы в условиях инфляции, рыночных колебаний, как их применять при отсутствии непосредственно предмета преступления либо расхождении во мнении экспертов (вьетнам. «giám định, định giá»), от которых зачастую зависит квалификация деяния[17]. Подобное затрудняет оценку «цены» преступности и учёт латентности.

При наличии соответствующей национальной нормативно-правовой базы обратим внимание на фрагментарность участия Вьетнама в международных договорах и дополнительных протоколах. Так, например, он не является участником Договора о торговле оружием (4 июня 2013 г.) и Протокола против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, дополняющего Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (31 мая 2001 г.).

С точки зрения типологии преступников необходимо проводить разграничение отдельных категорий:

— профессиональных участников незаконного оборота, которые участвуют в преступных сетях, в том числе трансграничных: организаторы, логисты и иные посредники, взаимодействующие по подлогу документов и даче взяток, перевозчики / контрабандисты (как под видом туристов, так и члены экипажей, пользующиеся служебным положением[18]), продавцы, закладчики, инсайдеры и брокеры;

— оружейников: любителей, изготовляющих оружие для собственных нужд или сбыта в рамках кустарного или примитивного производства;

— покупателей (в зависимости от направленности спроса: охота, защита или профессионально-преступные цели).

В качестве основного вида коммуникаций выступают онлайн-площадки и социальные сети по типу «Zalo» и «Facebook»[19]. Зача-

[12] Thông tư quy định chi tiết một số điều của Luật Quản lý, sử dụng vũ khí, vật liệu nổ và công cụ hỗ trợ // Cơ sở dữ liệu văn bản pháp luật trung ương [Центральная база данных правовых документов]. URL: https://vbpl.vn/TW/Pages/vbpq-toanvan.aspx?ItemID=174919&.

[13] Nghị định số 282/2025/NĐ-CP quy định xử phạt vi phạm hành chính trong lĩnh vực an ninh, trật tự, an toàn xã hội; phòng, chống tệ nạn xã hội; phòng, chống bạo lực gia đình // Cổng Thông tin điện tử Chính phủ [Портал правительства]. URL: https://congbao.chinhphu.vn/van-ban/nghi-dinh-so-282-2025-nd-cp-46543.htm.

[14] Термин «nghị quyết» используется в отношении различных нормативных актов и переводится как резолюция, но в данном случае перевод указан по аналогии с Постановлением Пленума Верховного суда Российской Федерации.

[15] Nghị quyết hướng dẫn áp dụng một số quy định tại điều 304, điều 305, điều 306, điều 307 và điều 308 của bộ luật hình sự. URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Nghi-quyet-03-2022-NQ-HDTP-huong-dan-ap-dung-Dieu-304-305-306-307-308-Bo-luat-Hinh-su-471890.aspx.

[16] Bàn về «vũ khí» theo các quy định của pháp luật sự [Об «оружии» в соответствии с положениями законодательства] // Kiemsat. 2018. 11 June. URL: https://kiemsat.vn/ban-ve-vu-khi-theo-cac-quy-dinh-cua-phap-luat-50032.html.

[17] The Pleasure of Night Hunting in Vietnam: Howar Cronin and I Explored Exotic Culture with Wildguarder Infrared Binoculars // Wildguarder, 2023. URL: https://www.wildguarder.com/the-pleasure-of-night-hunting-in-vietnam-howar-cronin-and-i-explored-exotic-culture-with-wildguarder-infrared-binoculars/.

[18] Bản án về tội tàng trữ trái phép vũ khí quân dụng số 520/2019/HS-ST [Решение по делу о незаконном хранении военного оружия № 520/2019/HS-ST]. URL: https://thuvienphapluat.vn/banan/ban-an/ban-an-ve-toi-tang-tru-trai-phep-vu-khi-quan-dung-so-5202019hsst-310155.

[19] Принадлежит компании «Meta», признанной экстремистской.

стую к ответственности привлекается именно низовое звено: покупатели или курьеры, но не продавцы / поставщики. Оружие также выступает своеобразной «валютой» при купле-продаже[20].

С точки зрения портрета тех, кто незаконно хранит или приобретает оружие, отметим преобладание мужчин в возрасте 20—21 года либо старше 40 лет со средним образованием, занимающихся низкоквалифицированным трудом. При этом до того они ранее привлекались к административной или уголовной ответственности за наркодеяния, что является скорее корреляцией, нежели имеет причинные связи (оружие придаёт статусность и чувство защищённости), а также используют с целью обороны, охоты или решения конфликтов. Местами повышенной криминогенности выступают ночные заведения с приватными комнатами, места для краткосрочных аренд и приграничные территории. Маршруты затрагивают Лаос, Камбоджу и Филиппины, а также Китай[21].

Таким образом, с учётом историко-культурного контекста (преимущественно продолжительных конфликтов), распространённости хранения оружия в собственных интересах, культурных особенностей, некоторой степени правового нигилизма и незнания основ уголовного права наряду с сформированным профессиональным незаконным рынком оружия сложившаяся ситуация в Социалистической Республике Вьетнам свидетельствует о необходимости системного подхода. Точками сбыта являются как приграничные территории, так и сам Вьетнам, однако в перспективе могут быть и более дальние дистанции, поскольку судьбу попавших в КНР, Лаос, Филиппины и Камбоджу отследить сложно и даже практически невозможно. Незаконный оборот оружия тесно связан с насильственными, экологическими преступлениями (например, браконьерством) и сафари-туризмом, интерес к которому может только возрасти на фоне привлекательности СРВ как туристического направления, в том числе для граждан Российской Федерации, которые могут по незнанию стать фактически соучастниками и воспользоваться нелегальным оружием.

Исходя из портрета преступников и механизмов преступного поведения можно выделить несколько направлений для организационно-правового совершенствования системы предупреждения незаконного оборота оружия, в том числе более строгий контроль за приграничными территориями, местами аренды, разработка критериев для расчёта ущерба и пресечение незаконной охоты. При условии наличия развитого и обновляющегося регулирования отметим фрагментарность участия Вьетнама в международных документах. Понимание типичного в конкретной стране также позволяет совершенствовать международное сотрудничество в борьбе с преступностью в целом и в сфере уголовного судопроизводства в частности, особенно в контексте межгосударственного взаимодействия с Российской Федерацией. Представляется, что сложности могут возникнут при соблюдении принципа двойной криминальности по части понимания ограниченного в обороте оружия и определения самих отдельных видов оружия.

---

[20] Bản án về tội tàng trữ trái phép vũ khí quân dụng số 210/2024/HS-ST [Приговор по делу о незаконном хранении военного оружия № 210/2024/HS-ST]. URL: https://thuvienphapluat.vn/banan/ban-an/ban-an-ve-toi-tang-tru-trai-phep-vu-khi-quan-dung-so-2102024hsst-357081.

[21] Bản án về tội tàng trữ trái phép vũ khí quân dụng số 28/2020/HS-ST [Решение по делу о незаконном хранении военного оружия № 28/2020/HS-ST]. URL: https://thuvienphapluat.vn/banan/ban-an/ban-an-ve-toi-tang-tru-trai-phep-vu-khi-quan-dung-so-282020hsst-348462?rel=ban_an_chitietvb ; Bản án về tội tàng trữ trái phép vũ khí quân dụng số 68/2024/HS-ST [Приговор по делу о незаконном хранении военного оружия № 68/2024/HS-ST]. URL: https://thuvienphapluat.vn/banan/ban-an/ban-an-ve-toi-tang-tru-trai-phep-vu-khi-quan-dung-so-682024hsst-354559 ; Bản án về tội tàng trữ trái phép vũ khí quân dụng số 520/2019/HS-ST [Решение по делу о незаконном хранении военного оружия № 520/2019/HS-ST]. URL: https://thuvienphapluat.vn/banan/ban-an/ban-an-ve-toi-tang-tru-trai-phep-vu-khi-quan-dung-so-5202019hsst-310155.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ву Куанг Хуан, Нгуен Ван Чуен. Организованные преступные группы во Вьетнаме и пути их устранения // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 9. — С. 2036—2043.

2. Выонг Тханг Лонг. Организационные и тактические основы задержания при расследовании преступлений в Социалистической Республике Вьетнам и Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. — Москва, 2016. — 195 с.

3. Гамов В. И. Оружие как феномен культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. — Ростов-на-Дону, 1996. — 21 с.

4. Ермаков А. Дуглас Пайк. Вьетконг: организация и методы национального Фронта освобождения Южного Вьетнама // Юго-Восточная Азия в XX веке: Вьетнам : реф. сб. / ред.-сост. А. И. Фурсов. — Москва : ИНИОН РАН, 2001. — С. 26—68. — Рец. на кн.: Viet Cong: The Organization and Techniques of the National Liberation Front of South Vietnam / D. Pike. Cambride etc.: The Massachusetts Institute of Technology Press, 1967. 490 p.

5. Иншаков С. М. Криминологическое страноведение как направление научного познания преступности // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 2. — С. 159—166.

6. Коробеев А. И., Лобач Д. В., Хунг Нгуен. Криминологическая характеристика терроризма в Социалистической Республике Вьетнам и меры уголовно-правового противодействия ему на современном этапе // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14, № 3. — С. 400—410. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(3).400-410.

7. Морозов Н. А. Законодательное регулирование оборота огнестрельного оружия в Японии, Китае и Филиппинах // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2011. — Т. 13, № 2. — С. 71—78.

8. Нго Ван Винь. Положения уголовного закона Вьетнама о незаконном обороте запрещенных товаров // Криминологический журнал. — 2021. — № 3. — С. 64—66. — DOI: 10.24412/2687-0185-2021-3-64-66.

9. Нгуен Кхак Хай. Организованная преступность во Вьетнаме и борьба с ней : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — Москва, 2008. — 309 с.

10. Нгуен Хунг. Транснациональная преступность во Вьетнаме: предупреждение и борьба // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2018. — Т. 20, № 3. — С. 180—189.

11. Федоров А. В. Вьетнамское законодательство об исполнении судебных решений о привлечении к уголовной ответственности коммерческих юридических лиц // Российский следователь. — 2023. — № 1. — С. 62—65. — DOI: 10.18572/1812-3783-2023-1-62-65.

12. Чистяков А. А., Тхи Тху Хыонг Нгуен, Хыу Тинь Хуинь. Организованная преступность и противодействие ей в Социалистической Республике Вьетнам // Человек: преступление и наказание. — 2019. — № 27 (3). — С. 300—305.

13. Чуен Нгуен Ван, Хуан Ву Куанг. Некоторые особенности организованной преступности во Вьетнаме // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2014. — № 1. — С. 118—124.

14. Dinh T. T. Firearms Laws of Vietnam / Independence Institute, 2017. — URL: https://i2i.org/wp-content/uploads/IP-5-2017_c.pdf.

15. Hiswi P. A. Resolving the Illicit Trade of Small Arms and Light Weapon through ASEAN Ministerial Meeting on Transnational Crime (AMMTC) // Otoritas: Jurnal Ilmu Pemerintahan. — 2018. — № 8 (2). — P. 110—123.

16. Nuwer R. The Pangolin Poacher // Hakai magazine. — 2018. — Oct. 30. — URL: https:// hakaimagazine. com/features/the-pangolin-hunter/.

17. Ruth R. A. Trading Thai Ganja for U.S. Guns in Vietnam // In Buddha's Company: Thai Soldiers in the Vietnam War. — Honolulu : University of Hawaii Press, 2011. — P. 123—126.

18. Trần Văn Hiếu. Phòng ngừa tình hình tội giết người trên địa bàn thành phố hồ chí minh hiện nay // Khoa học Kiểm sát. — 2021. — № 2. — Tr. 31—35.

19. Vàng Văn Vượng. Bàn về yếu tố định lượng thiệt hại trong tội chế tạo, tàng trữ, vận chuyển, sử dụng, mua bán trái phép hoặc chiếm đoạt vũ khí quân dụng, phương tiện kỹ thuật quân sự tại điều 304 bộ luật hình sự năm 2015 (sửa đổi, bổ sung năm 2017) // Khoa học Kiểm sát. — 2022. — № 5. — Tr. 13—18.

20. Victory in Vietnam: The Official History of the People's Army of Vietnam, 1954—1975 / trans. by M. Pribbenow. — Lawerence KS : University of Kansas Press, 2002. — 494 p.

21. Vázquez del Mercado G. Arms trafficking and organized crime: Global trade, local impacts // Global Initiative Against Transnational Organized Crime. — URL: https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2022/08/GI-TOC-policy-brief_Arms-trafficking-web-1.pdf.

22. Young M. "Going down the local": Wildlife crime in Vietnam // The European Review of Organised Crime. — 2017. — Aug. — P. 54—83. — URL: https://standinggroups.ecpr.eu/sgoc/wp-content/uploads/sites/51/2020/01/young.pdf.

REFERENCES

1. Vu Kuang Khuan, Nguen Van Chuen. Organized Crime Groups in Vietnam and Ways of Their Neutralization. *Aktualnye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2014, no. 9, pp. 2036–2043. (In Russian).

2. Vyong Tkhang Long. *Organizatsionnye i takticheskie osnovy zaderzhaniya pri rassledovanii prestuplenii v Sotsialisticheskoi Respublike Vetnam i Rossiiskoi Federatsii. Kand. Diss.* [Organizational and Tactical Bases of Detention in the Investigation of Crimes in the Socialist Republic of Vietnam and the Russian Federation. Cand. Diss.]. Moscow, 2016. 195 p.

3. Gamov V. I. *Oruzhie kak fenomen kultury. Avtoref. Kand. Diss.* [Weapons as a cultural phenomenon. Cand. Diss. Thesis]. Rostov-on-Don, 1996. 21 p.

4. Ermakov A. Review: Douglas Pike. Viet Cong: Organization and Methods of the National Liberation Front of South Vietnam. *Yugo-Vostochnaya Aziya v 20-m veke: Vetnam* [Southeast Asia in the 20th Century. Vietnam]. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) Publ., 2001, pp. 26–68. (In Russian).

5. Inshakov S. M. Criminological aspect of area studies as a trend in the scientific study of crime. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 2, pp. 159–166. (In Russian). DOI: 10.17150/2500- 4255.2021.15(2).159-166.

6. Korobeev A. I., Lobach D. V., Nguyen Hung. Features of terrorist-oriented criminality in the Socialist Republic of Vietnam and measures of legal response to fight it at the present stage. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 400–410. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(3).400-410.

7. Morozov N. A. Legislative Regulation of Firearms Circulation in Japan, China and the Philippines. *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo = Asia-Pacific RIM: Economic, Politics, Law*, 2011, vol. 13, no. 2, pp. 71–78. (In Russian).

8. Ngo Van Vinh. Vietnam criminal law provisions on illegal traffic of prohibited goods. *Criminological Journal*, 2021, no. 3, pp. 64–66. (In Russian). DOI: 10.24412/2687-0185-2021-3-64-66.

9. Nguyen K. H. *Organizovannaya prestupnost vo Vetname i borba s nei. Avtoref. Kand. Diss.* [Organized Crime in Vietnam and the Fight Against it. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2005. 35 p.

10. Nguyen Hung. Transnational crime in Vietnam: prevention and counteraction. *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo = Asia-Pacific RIM: Economic, Politics, Law*, 2018, no. 20 (3), pp. 180–189. (In Russian).

11. Fedorov A. V. Vietnamese Legislation on the Execution of Court Decisions on Criminal Liability of Commercial Legal Entities. *Rossiiskii sledovatel = Russian investigator*, 2023, no. 1, pp. 62–65. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-3783-2023-1-62-65.

12. Chistyakov A. A., Tkhi Tkhu Khyong Nguen, Khyu T. Khuin. Certain Provisions of International Acts Governing the Conditions of Suspects and Accused Persons' Detention. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: crime and punishment*, 2019, vol. 27, iss. 3, pp. 300–305. (In Russian).

13. Chuen Nguen Van, Huan Vu Kuang. Some Aspects of Organized Crime in Vietnam. *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2014, no. 1, pp. 118–124. (In Russian).

14. Dinh T. T. *Firearms Laws of Vietnam*. Independence Institute, 2017. URL: https://i2i.org/wp-content/uploads/IP-5-2017_c.pdf.

15. Hiswi P. A. Resolving the Illicit Trade of Small Arms and Light Weapon through ASEAN Ministerial Meeting on Transnational Crime (AMMTC). *Otoritas: Jurnal Ilmu Pemerintahan*, 2018, no. 8 (2), pp. 110–123.

16. Nuwer R. The Pangolin Poacher. *Hakai magazine*, 2018, Oct. 30. URL: https://hakaimagazine.com/features/the-pangolin-hunter/.

17. Ruth R. A. Trading Thai Ganja for U.S. Guns in Vietnam. In Ruth R. A. *In Buddha's Company: Thai Soldiers in the Vietnam War*. Honolulu, University of Hawaii Press, 2011, pp. 123–126.

18. Trần Văn Hiếu. Phòng ngừa tình hình tội giết người trên địa bàn thành phố hồ chí minh hiện nay. *Khoa học Kiểm sát*, 2021, no. 2, tr. 31–35. (In Vietnamese).

19. Vàng Văn Vượng. Bàn về yếu tố định lượng thiệt hại trong tội chế tạo, tàng trữ, vận chuyển, sử dụng, mua bán trái phép hoặc chiếm đoạt vũ khí quân dụng, phương tiện kỹ thuật quân sự tại điều 304 bộ luật hình sự năm 2015 (sửa đổi, bổ sung năm 2017). *Khoa học Kiểm sát*, 2022, no. 5, tr. 13–18. (In Vietnamese).

20. Pribbenow Merle (ed.). *Victory in Vietnam: The Official History of the People's Army of Vietnam, 1954–1975.* Lawerence KS, University of Kansas Press, 2002. 494 p.

21. Vázquez del Mercado G. Arms trafficking and organized crime: Global trade, local impacts. *Global Initiative Against Transnational Organized Crime*. URL: https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2022/08/GI-TOC-policy-brief_Arms-trafficking-web-1.pdf.

22. Young M. "Going down the local": Wildlife crime in Vietnam. *The European Review of Organised Crime*, 2017, Aug., pp. 54–83. URL: https://standinggroups.ecpr.eu/sgoc/wp-content/uploads/sites/51/2020/01/young.pdf.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Цыплакова Алёна Дмитриевна (Москва) – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института (университета) международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76; e-mail: Tsyplakova.a.d@my.mgimo.ru).

Жук Егор Андреевич (Москва) – соискатель магистерской степени Московского государственного института (университета) международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, юрист (119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76; e-mail: Zhukhome123@gmail.com).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tsyplakova, Alyona D. (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer at the Criminal Law, Criminal Procedure and Forensic Science Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russia; e-mail: tsyplakova.a.d@my.mgimo.ru).

Zhuk, Egor A. (Moscow) – Master's Degree Student, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Lawyer (76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russia; e-mail: zhukhome123@gmail.com).